

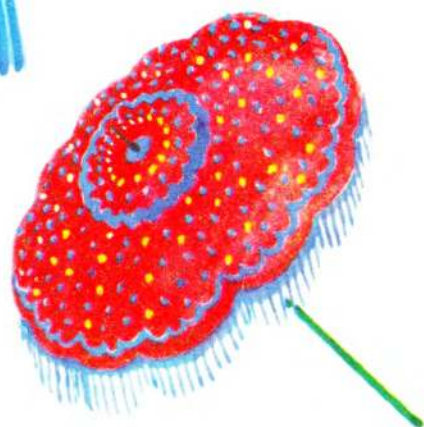
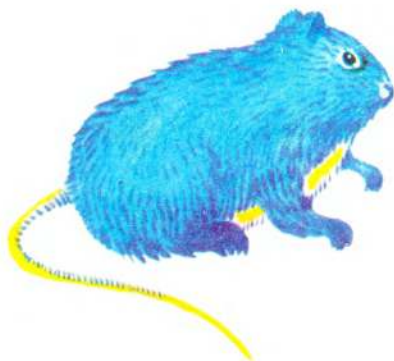
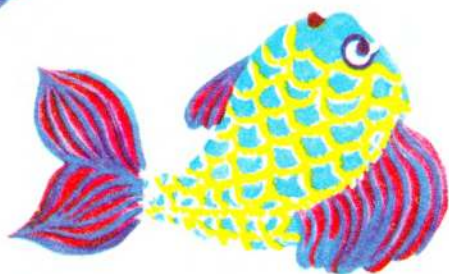
СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ

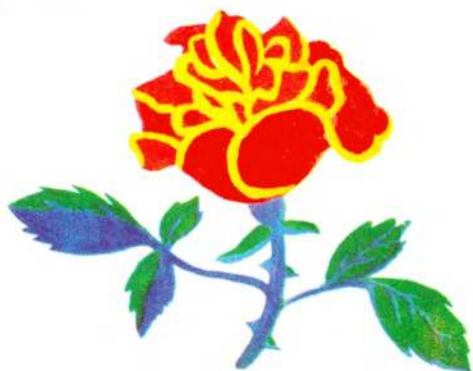
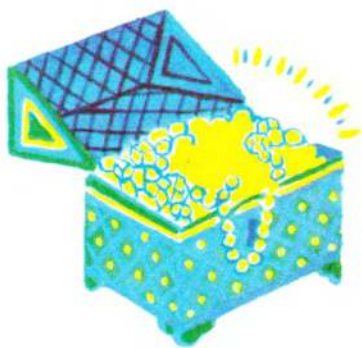

Черпаха быстрая, как ветер

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ

Черепаха быстрая, как ветер

Сказки о мудрецах, простаках,
обманщиках и простофилях

1 9 9 5

Москва — Санкт-Петербург
«КИМОС-АРД» — «РОЖДЕСТВО»

ББК 84 (0) — 4
С 31

Оформление серии
Владимира Волигца

Художник
Роман Поляков

4803000210
Д _____ без объявл.
5ЭО(03)—94

ISBN 5-87929-007-7

© Составление, оформление.
«КИМОС—АРД», 1994.

Салатный осел

ПОРТНОЙ И ВИХРЬ

Французская сказка

ил однажды портной; у него была жена. Обычно жены портных лентяйки, и эта была под стать другим. Звали ее Жанна, а ее мужа — Жан Кривая Ступня. Утром, как только Жан уходил на работу, Жанна опять заваливалась спать, часов в одиннадцать или двенадцать вставала с постели и принималась ходить из дома в дом, навещала кумушек и болтала как сорока. Когда Жан к вечеру возвращался домой, она всегда сидела за прялкой; вот он и воображал, что Жанна весь день от нее не отходила.

Как-то раз Жан поутру сказал своей жене:

— Сегодня я не буду работать, мы вдвоем пойдем на рынок продавать пряжу, ведь у тебя ее, наверное, уже много накопилось.

Жанна сильно испугалась: как тут быть? У нее не было и трех мотков пряжи. Она побежала к кумушке, ближайшей соседке, и рассказала ей про свою беду.

— Скажи мужу, — посоветовала ей кумушка, — что ты вымыла пряжу, снесла ее для просушки в пекарню и положила в печь, а пекарь, ничего об этом не зная, затопил, как всегда, и вся пряжа сгорела.

Вернувшись домой, Жанна слово в слово повторила мужу то, чему ее научила кумушка.

— Дура! — сердито крикнул Жан. — Видно, ты потеряла и ту крупицу разума, которая у тебя была, и пока я буду жить с тобой, мне не выбраться из нищеты. Теперь в наказание ты посеешь здесь во дворе полмеры льняного семени, — вот оно, —

и чтобы к моему возвращению лен поспел и был вытереблен, вымочен, высушен, связан в пучки и снесен на чердак!

— Полно, муженек, — ответила Жанна, — как ты можешь говорить такие вещи? Никто на свете не сумеет это сделать; как же ты хочешь, чтобы я с этим управилась?

— Делай как знаешь, — ответил Жан, — но вечером, к моему приходу, все должно быть готово, иначе тебе несдобровать.

С этими словами портной ушел. Жанна встревожилась и побежала к кумушке.

— Если бы вы знали, кума, что мой муж придумал! Видно, он совсем спятил.

— Чего же он, кума, хочет?

— Чего он хочет? Он хочет, чтобы я посеяла у нас во дворе полмеры льняного семени и чтобы к вечеру этот лен поспел, да чтобы вдобавок я его вытеребила, вымочила, высушила, связала в пучки и сложила на чердаке! Скажите, пожалуйста, разве он стал бы приставать ко мне с такими бреднями, будь он в своем уме? — Тут она даже расплакалась.

— Не печальтесь, кума, — сказала ей соседка. — Неужели мы не найдем способа и на этот раз провести вашего Жана, который считает себя умником, а на самом деле дурак, каких мало? Вот что надо сделать: у меня еще с прошлого года лежит на чердаке немного льна. Вы возьмете два-три пучка, развяжете их, разбросаете стебли по окрестным полям и лугам, закинете на изгороди и кусты, а вечером, когда Жан вернется, вы скажете ему, что все сделали, как он велел, но что в то время, как лен сушился на лугу, налетел Вихрь и все разметал. А в доказательство вы покажете ему раскиданные по кустам и деревьям стебли.

Этот совет пришелся Жанне по душе. Она взяла у кумушки три пучка сухого льна и разбросала его по полям и лугам, закинула на кусты и на ветви деревьев.

Вечером, придя домой, Жан сразу спросил:

— Ну как, жена, ты сделала все, что я тебе сегодня утром наказал?

— Еще бы, я в точности выполнила все твои приказания, но не везет нам, муженек, да и только!

— Что же случилось?

— Что случилось? Ты только подумай: лен сушился на лугу возле пруда, где я его мочила, и я уже начала было его собирать, чтобы связать в пучки и снести на чердак, как вдруг налетел Вихрь и все разметал.

— Те-те-те! Я таким сказочкам не верю, — ответил Жан.

— Это совсем не сказочка, муженек, пойдем со мной, и ты убедишься, что это сушая правда.

Жанна тотчас повела мужа на луг, где, по ее словам, она раскладывала лен для просушки, и показала ему стебли, разметанные по окрестным полям и лугам, зацепившиеся за кусты и ветки деревьев.

Волей-неволей портному пришлось поверить жене, и он вскричал:

— Вот оно что! Раз это Вихрь причинил мне такие убытки, он мне за них заплатит. Я сейчас же пойду жаловаться Повелителю Ветров!

Жан вернулся домой и, взяв с собой свою сучковатую палку, пирог из ячменной муки да несколько лепешек, отправился в путь.

Шел он долгое время. Шел все вперед да вперед и наконец очутился у подножия холма, на котором сидела старуха ростом с башню. Ее седые волосы развевались по ветру, изо рта торчал большой черный зуб, единственный, который у нее уцелел.

— Здравствуйте, бабушка, — сказал ей портной.

— Здравствуйте, — ответила старуха. — Что вы ищете?

— Я ищу жилище Ветров.

— В таком случае, сынок, вы у конца пути: жилище Ветров здесь, а я — их мать. Что вам от них нужно?

— Я пришел требовать с них денег за убытки, которые они мне причинили.

— Какие такие убытки? Скажите мне, и я вам их возмещу, если вы действительно пострадали.

— Ваш сын Вихрь дочиста меня разорил...

И Жан рассказал старухе, как было дело. Она сказала:

— Войдите в наш дом, сынок, а когда сын мой Вихрь вернется, я заставлю его уплатить вам за убытки.

Старуха спустилась с холма и повела Жана в свой дом, стоявший в ложбинке. Это была хижина, построенная из веток и комьев земли; ее продувало со всех сторон. Старуха дала Жану поесть и сказала, чтобы он не пугался, когда ее сын вернется, так как она сумеет с ним справиться, хоть Вихрь и будет грозиться, что съест прищельца. Вскоре раздался страшный шум: деревья трещали, камни срывались с места, волки протяжно выли.

— Это сын мой Вихрь спешит домой, — сказала старуха.

Жан так перепугался, что полез под стол. Вихрь вошел, рыча, принюхался и крикнул:

— Я чую человеческий дух! Здесь спрятан человек, я его съем!

— Не надейтесь, сын мой, что я позволю вам съесть этого славного человечка, а лучше подумайте о том, как возместить убытки, которые вы ему причинили, — сказала старуха.

Она взяла Жана за руку и вытащила его из-под стола. Увидав Жана, Вихрь раскрыл пасть и уже приготовился было схватить его и съесть, но мать пальцем указала на мешок, подвешенный к балке у самого потолка и спросила:

— Вам, видно, хочется посидеть в том мешке?

Вихрь тотчас уgomонился. А портной осмелел и сказал ему:

— Добрый день, ваша светлость. Вы меня разорили.

— Как так, дружище? — ласково спросил Вихрь.

— Вы разметали по лугу весь лен, который моя жена разложила для просушки.

— Это неправда, твоя жена лгунья и лентяйка. Но сам ты честный парень, хороший работник и усердно трудишься. С такой женой ты, несмотря на все твои старания, век останешься бедняком, и я хочу вознаградить тебя за долгий путь и за то, что ты верил в мою справедливость. Вот тебе ослик, а когда тебе понадобятся серебро и золото, ты только расстели на земле под самым его хвостом белую салфетку и скажи: «Ослик, исполни свой долг!» И он тотчас доставит тебе столько золота и серебра, сколько ты пожелаешь. Но смотри береги его! Если его у тебя украдут, ты станешь так же беден, как прежде.

И Вихрь дал ему стоявшего в углу хижины ослика, ничем не отличавшегося от любого вислоухого. Портной поблагодарил за щедрый подарок, попрощался с Вихрем и его матушкой и отправился домой в сопровождении драгоценного животного.

Отойдя на некоторое расстояние от хижины, Жан очутился среди обширной пустоши. Чтобы поскорее узнать, обладает ли его ослик тем свойством, которое ему приписывалось, Жан расстелил свой носовой платок на земле под самым его хвостом и сказал:

— Ослик, исполни свой долг!

В тот же миг посыпались золотые и серебряные монеты, быстро покрывшие платок. Жан наполнил ими все карманы, а затем продолжал путь, распевая, смеясь, приплясывая от радости и припрыгивая, словно помешанный.

Когда стало смеркаться, он решил заночевать на постоялом дворе у самой дороги.

Слуге, которому Жан поручил своего ослика, он строго велел как можно лучше о нем заботиться, а главное — не просить его исполнить свой долг. Как видно, бедняга Жан был не из сметливых. Плотно поев и угостившись самым лучшим вином, какое нашлось на постоялом дворе, Жан лег в постель и заснул, не тревожась о завтрашнем дне.

Слуга был удивлен тем, что Жан велел ему не просить ослика исполнить свой долг, — никто из постояльцев никогда не говорил ему таких вещей.

«Здесь что-то неладно», — подумал он.

Эта мысль не давала слуге уснуть, и он пошел поделиться ею со своим хозяином.

Когда все в доме легли спать, хозяин, его жена и слуга отправились в конюшню. Слуга подошел к ослику и сказал ему:

— Ослик, исполни свой долг!

И в тот же миг с веселым звоном посыпались серебряные и золотые монеты. Все трое не могли прийти в себя от изумления. Наполнив карманы золотом, они подменили одного вислоухого другим и заперли волшебного ослика в укромный чулан, далеко от конюшни.

На другое утро Жан вкусно позавтракал, расплатился и, забрав ослика, которого ему привел слуга, продолжал путь, не догадываясь, как его надули. Карманы у него еще полны были золота и серебра, добытого накануне, и поэтому до самого конца пути его не понадобилось приказывать ослику исполнить свой долг.

Возвратясь домой, он увидел, что его жена и дети чуть не умирают от голода. Жанна, завидя мужа, стала осыпать его бранью:

— Наконец-то ты явился, жестокий, бессовестный человек! Шатаешься неизвестно где, оставляешь жену и детей умирать с голоду! — И она грозила ему кулаком.

— Замолчи, жена, — сказал Жан спокойно, как подобает человеку, уверенному в своем деле, — ты никогда уже не будешь терпеть недостатка в хлебе или в чем другом; теперь мы будем богаты, ты сейчас в этом убедишься. Сними передник и расстели его на земле под самым хвостом моего ослика.

Жанна расстелила передник, и Жан, не медля, сказал:

— Ослик, исполни свой долг.

Но на передник ничего не упало. Жан сильно этому удивил-

ся. Думая, что, быть может, ослик не расслышал, он во второй раз сказал:

— Ослик, исполни свой долг!

Опять ничего! Он в третий раз, еще громче прежнего, крикнул:

— Ослик, исполни свой долг!

В этот раз на передник кое-что упало, но то было не золото и не серебро.

Видя все это, Жанна решила, что муж над ней издевается. Она заорала еще громче, а затем схватилась за палку. Бедняга Жан убежал сломя голову.

Куда ему было деваться? Он даже толком не знал, где у него украли ослика; вот он и решил снова отправиться к Вихрю.

Когда Вихрь увидел опечаленного Жана, он сказал:

— Я знаю, зачем ты опять пришел: ты недоглядел за своим осликом, его у тебя украли на первом же постоялом дворе, где ты заночевал по пути домой. Теперь вот тебе салфетка. Как только ты расстелешь ее на столе, а то и на голой земле и скажешь: «Салфетка, исполни свой долг!» — она тотчас накормит и напоит тебя всем, чего бы ты ни пожелал. Но смотри в оба, чтобы ее тоже не украли.

— Уж будьте спокойны, — ответил Жан, — скорее я расстанусь с жизнью.

Жан попрощался с Вихрем и его матушкой и снова двинулся в путь. Когда стемнело, он заночевал на том же постоялом дворе, что и в первый раз. А там справляли свадьбу. Ему оказали радушный прием и попросили сесть за стол с новобрачными, что он охотно сделал. Потому ли, что угощение показалось ему скудным, а быть может, и потому, что он захотел похвастаться перед гостями и прослыть у них великим мудрецом и чародеем, Жан вынул из кармана салфетку, расстелил ее на столе и гордо сказал: «Салфетка, исполни свой долг!» — в тот же миг на столе появилось роскошное угощение: изысканные яства, какие подаются только за королевским столом, и тончайшие вина всех стран.

Опьяненный похвалами и вином, Жан и на этот раз не заметил, как его обокрали, утащили у него салфетку. Утро застигло его в прежней бедности, и он опять не знал, как ему быть. Однако теперь он не осмелился явиться к жене с пустыми руками, а решил, что для него единственное спасение снова отправиться к матери Ветров.

И вот он опять пошел той же дорогой, но на этот раз очень пристыженный и смущенный.

Увидев его, Вихрь сказал:

— Опять тебя обокрали, бедняга! У тебя утащили салфетку!

— Сжальтесь надо мной, ваша светлость, — взмолился несчастный портной, — у меня жена и дети с голоду помирают, я не могу вернуться домой с пустыми руками!

— Я согласен тебе помочь, потому что ты неплохой человек, но уж это в последний раз, — ответил Вихрь.

Затем он вручил портному дубинку, сказав при этом:

— Вот тебе дубинка. Стоит только тому, у кого она в руках, сказать: «Дубинка, исполни свой долг!», и она начнет без устали лупить недругов своего хозяина. Ничто не сможет ее остановить, пока он ей не скажет: «Довольно!» При помощи этой дубинки ты вернешь себе и осла и салфетку.

Жан поблагодарил и пустился в обратный путь. Он заночевал все на том же постоялом дворе. Рассчитывая украсть у него еще какое-нибудь сокровище, хозяева оказали ему самый радушный прием. Жан пригласил хозяина, его жену и слугу поужинать с ним. К концу трапезы он сказал своей дубинке, с которой теперь ни на минуту не расставался:

— Дубинка, исполни свой долг!

Дубинка тотчас завертелась в воздухе и давай лупить по очереди хозяина, хозяйку и слугу. Как они ни старались ее остановить, все было напрасно; они залезали под стол, прятались, где только можно, но дубинка всюду их настигала, а портной хохотал и потешался над ними.

— Пощадите! Сжальтесь! — вопили они.

А Жан в ответ:

— Поделом вам, будете знать, как таскать ослов и салфетки!

— Сжальтесь! Пощадите! Мы все вам вернем! Ведь нам, того и гляди, конец придет!

Эта потеха длилась около получаса, пока Жан не скомандовал:

— Довольно!

Тогда дубинка уgomонилась, и Жан вернулся домой с ослом, салфеткой и дубинкой.

Если он сумел их сбечь, то, наверно, живет припеваючи. А я с тех пор больше о нем ничего не слыхал.

КОШЕНАР И ТЮРКЕН

Французская сказка

Жили-были два брата. Они были сироты и ходили в своем краю из дома в дом за подаванием. Старшего звали Кошенаром, а младшего — Тюркеном. Они никогда не разлучались, и куда шел один, туда вместе с ним шел и другой. Исполнилось им лет по двенадцати, но они все еще ничего не делали, а только просили милостыню. Тут люди стали смотреть на них не так уж жалостливо, говорили, что им пора начать трудиться и самим зарабатывать свой хлеб. Заметив это, братья ушли из деревни. Однажды Кошенар, который был посмышленей Тюркена, но зато отличался дурными наклонностями, сказал брату:

— Я знаю, что нужно было бы сделать, чтобы нам повсюду оказывали хороший прием, чтобы на фермах нам охотно давали пищу и кров и много грошей на ярмарках и в монастырях.

— А что именно? — с любопытством спросил Тюркен.

— Если бы один из нас был слеп, а другой был бы его поводырем и ходил бы с ним из дома в дом, из одного святого места в другое, то мы ни в чем не терпели бы нужды.

— Так-то так, но мы ведь оба зрячие.

— Конечно, но нет ничего легче, как стать слепым.

— Каким образом?

— Каким образом? Да попросту выколоть глаза одному из нас.

— Это нехорошо, Кошенар; бог дал нам хорошие глаза, и мы не должны по своей воле лишать себя зрения, да к тому же это, должно быть, очень больно, когда выкалывают глаза!

— Вот пустяки! Это дело одной минуты!.. Зато подумай только, как нам будет хорошо! Никто не пройдет мимо нас, не подавши нам хотя бы одного су, и мы сможем купить себе орехов, груш, яблок, ножи, новые сапоги... одним словом, все, что нам захочется.

Кошенар нарисовал такую соблазнительную картину счастья, ожидающего слепца, что бедный Тюркен, который не отличался большим умом, согласился, и братья решили тянуть жребий, чтобы узнать, кому из них надо выколоть глаза. Кошенар держал в кулаке соломинки и устроил так, что судьба присудила Тюркenu быть слепым. Потом жестокосердный брат вытащил из изгороди шип терновника и выколол ему оба глаза. Несчастный Тюркен сильно страдал и громко кричал от боли. Его всюду

жалели, где бы он ни появлялся, и с этого дня на обоих братьев посыпались самые разнообразные даяния: одежда, белый хлеб, мясо и деньги. Кошенар все забирал себе, сам ел белый хлеб и мясо, а черный хлеб и картофель отдавал Тюркену.

Они ходили по ярмаркам, по святым местам, и деньги падали дождем в деревянную мисочку несчастного слепого. Кошенар все забирал себе. Когда он накопил много денег, он решил отделаться от брата. Он завел его в густой лес и уверил, что они заблудились. Когда наступила ночь, он сказал:

— Ляжем сюда, на мох под дубом, и подождем рассвета.

Тюркен, ничего не подозревая, растянулся у подножия дерева и тотчас заснул. Как только он захрапел, Кошенар тихонько ушел, безжалостно оставив брата на произвол судьбы, без хлеба и денег. Несчастный слепой проснулся утром и стал звать Кошенара. Но Кошенар не откликался на его зов, и Тюркен подумал, что тот спит. Тогда он стал звать его все громче и громче, кричал, шарил вокруг дерева, но брата нигде не было.

«Не может быть, чтобы он так и бросил меня, — подумал Тюркен. — Он, конечно, придет; надо подождать».

Он долго ждал, до самого вечера, и время от времени громко звал Кошенара; но никто не откликался, и Кошенар не пришел. Тогда Тюркен понял, что его покинули, и горько заплакал.

Наступила ночь, он был голоден, а еды у него не было. Он впал в полное отчаяние и подумал: «Либо я умру с голоду у подножия этого дерева, либо меня съедят дикие звери, которые водятся в этом лесу! Ах, Кошенар, Кошенар, что я тебе сделал, за что ты так поступил со мной?.. Мне остается только одно: вскарабкаться на это дерево и броситься с него вниз, чтобы сломать себе шею и не достаться живьем волкам, которые воют вокруг!..»

Он влез на дерево, и в ту минуту, как он собирался броситься вниз, он услышал под деревом львиный рев. Вскоре прибежал и вепрь и захрюкал: «Ох, ох!» Затем до слуха Тюркена донесся вой, и через некоторое время появился волк.

— Где это ты пропадал, волк? Ты изрядно опоздал, — спросил его лев.

— Я был в городе Люксембурге, где и люди, и животные умирают от жажды, — ответил волк. — Ну и поживился же я там, можете не сомневаться в этом! Взгляните-ка на мое брюхо! Вот поэтому-то я и опоздал немного.

— Я знаю, каким образом можно достать воду в городе Люксембурге, — сказал лев, — и знаю также такое средство, которое исцеляет все болезни и всякие увечья, какие бы они ни были.

— Что же нужно сделать для этого? — спросил волк.

Нечего говорить, что Тюркен, сидя на дереве, внимательно прислушивался к беседе зверей.

— Ну, слушайте, что нужно сделать, чтобы иметь воду в Люксембурге, — ответил лев. — Нужно взять кусок корня того самого дерева, под которым мы теперь стоим, и с этим куском корня отправиться в Люксембург и ударить им три раза о скалу, которая находится посреди города, приговаривая при этом: «Воды! Воды! Воды!» Тотчас же из этой скалы забьет родник чистой и свежей воды, столь обильный, что воды хватит на весь город — и людям, и животным.

— А какое это средство, которое излечивает все недуги и все увечья? — спросил волк.

— А вот я вам расскажу, — сказал лев. — Нужно взять кусочек коры этого дерева, натереть им рану или больную часть тела, и сейчас же все как рукой снимет. Если, например, человек или зверь ничего не видит, так стоит только приложить кору к глазам, и он сразу будет видеть так же хорошо, как мы с вами. Я только что вернулся из Испании. Дочь короля этой страны после причастия почувствовала себя нехорошо, и на возвратном пути ее стошнило во дворе королевского дворца, так что святая облатка упала на землю. Тотчас из норы выскочила жаба, проглотила облатку и скрылась под камнем в глубине бассейна, который находится в дальнем углу двора. Принцесса сразу же стала пухнуть, и теперь кожа у нее до такой степени натянута, что вот-вот лопнет. К тому же принцесса испытывает сильные страдания, и ни один врач не может распознать ее болезнь. Сам король в отчаянии обещает отдать свою дочь за того, кто ее вылечит, кто бы он ни был.

— И вы думаете, что кора этого дерева исцелит ее? — спросил волк.

— Одной коры недостаточно, чтобы исцелить ее, — возразил лев. — Вот что надо сделать, чтобы достигнуть полного успеха: надо вытащить жабу из бассейна, куда она скрылась, и приготовить для королевской дочери питье из жабьей крови, смешанной с вином; затем дать ей съесть жабье мясо, поджаренное на масле. На свете нет другого средства, которое могло бы

вернуть ей здоровье, но ни один врач, будь он даже самый ученый, не отважится на лечение, о котором я говорю.

После этого все трое — лев, волк и вепрь — удалились. Это были дьяволы, принявшие облик зверей, чтобы им легче было обдeldывать свои делишки.

Понятно, что Тюркен не упустил ни единого слова из того, что было сказано, ибо, хотя он был слеп, но глух не был, и воскликнул:

— Не так уж плохо живется на свете!

В это время взошло солнце. Тюркен спустился с дерева, срезал ножом кусочек коры с этого дуба и потер им глаза. О счастье! Зрение сейчас же вернулось к нему, как будто бедняга никогда и не был слеп. Он увидел сияющее солнце, бросился на колени и от всего сердца возблагодарил бога. Он срезал большой кусок коры и положил его в карман, чтобы исцелять больных, которые встретятся на его пути; тем же ножом он разрыхлил землю и, найдя тонкий корешок этого дерева, отрезал его и взял с собою, чтобы добыть воду для жителей города Люксембурга. Затем он отправился в путь.

Одежда его была в лохмотьях, и так как у него не было денег, то ему приходилось просить милостыню, чтобы как-нибудь прожить. После многих злоключений он прибыл в Люксембург и прямо направился к кюре, чтобы попроситься к нему на ночлег.

— Откуда ты? — спросил его кюре.

— Из Франции, — был ответ.

— Ну, так и возвращайся во Францию — у меня нет для тебя хлеба.

И кюре захлопнул дверь перед самым его носом.

Тогда он отправился к мэру города, но и тот принял его не лучше, чем кюре. Префект вытолкал его так же, как кюре и мэр.

«Как странно, — подумал Тюркен, — я пришел сюда для того, чтобы спасти этих людей, которым угрожает смерть от жажды, а они не хотят приютить меня и дать мне кусок хлеба, в котором в моей стране не отказывают даже нищему, посланному богом! Но, быть может, бедные люди обойдутся со мной ласковее; до сих пор я обращался только к богатым».

Навстречу ему по улице шла бедно одетая девушка, которая горько плакала. Он подошел к ней и спросил:

— О чем ты так плачешь, девушка?

— Увы, на то есть причины, — ответила она, — мой отец, мать и два брата умерли от жажды!

— Ну, а я, наверно, умру не от жажды, а с голоду, потому что в этом городе никто не хочет мне дать куска хлеба.

— Пойдем ко мне, я отломлю тебе кусочек от краюхи, которая у меня осталась, и постараюсь устроить тебя получше.

— Да благословит тебя бог и да пошлет тебе счастье.

Он пошел с девушкой до самого ее дома, и она дала Тюркену кусок черного, заплесневевшего хлеба, который он съел с большой жадностью.

— Я не могу тебе дать ни воды, ни молока, ни вина, ни сидра, — сказала она. — Я, наверно, сама скоро умру от жажды, как мой отец, моя мать и братья.

— Возьми кувшин для воды и иди со мной, — сказал ей тогда Тюркен.

И они вместе направились к скале, которая находилась посреди города. Тюркен три раза ударил корешком о скалу, приговаривая: «Воды! Воды! Воды!» И сейчас же из скалы забил родник. Воды было много, она была чиста и прозрачна. Девушка наполнила кувшин и пошла домой в сопровождении Тюркена. Очень скоро распространилась весть, что какой-то чужеземец, нищий, которого никто не знал, исторг из скалы источник чистой и прозрачной воды. Народ сбегался отовсюду с кувшинами и разными сосудами, и во всей округе люди с криками радости пили воду.

Когда жажда была утолена, стали разыскивать незнакомца, которому весь город обязан был спасением.

Наконец его нашли в лагуче у бедной девушки.

Кюре, префект, мэр и все начальствующие лица города посетили его и выразили желание торжественно повести его по улицам города, с музыкой впереди шествия. Но он сказал им:

— Нет, вы мне отказали в куске хлеба, когда я стучался в двери ваших домов, и если б не эта бедная девушка, которая поделила со мной то немногое, что имела, я бы, наверно, умер с голоду. Поэтому я останусь у нее в благодарность за услугу, которую она мне оказала.

Начальствующие лица и богатые граждане Люксембурга опасались, что Тюркен, который с такой легкостью доставил им чудесный источник, может так же легко убрать его, и они на коленях просили у него прощения и складывали к его ногам

мешки с золотом и серебром. Но он отшвырнул ногой их золото и серебро. Ему предложили великолепный замок и просили его остаться навсегда в городе Люксембурге, но он ответил им такими словами:

— Теперь я не могу остаться с вами, потому что я должен отправиться в путешествие, которое никак нельзя отсрочить. На обратном пути я заеду к вам и тогда, быть может, навсегда останусь жить в вашем городе. Впрочем, бояться вам нечего: родник не иссякнет в мое отсутствие.

Ему подарили великолепную золотую карету, запряженную прекрасными лошадьми, и он отправился в Испанию. Прибывши в столицу этого государства, он остановился в лучшей гостинице, и там его приняли как принца. После ужина он позвал хозяина гостиницы, чтобы потолковать с ним и осведомиться о новостях в этом государстве.

— Что нового в вашем городе? — спросил он хозяина гостиницы.

— Здесь только и разговору, что о болезни королевской дочери, прекрасной принцессы, которую все очень любят.

— Чем же она больна?

— А вот этого никто не знает, и лучшие врачи не могут понять ее болезни. Бедная принцесса вся горит и так распухла, что вот-вот лопнет кожа. Она очень страдает. Некоторые утверждают, что она одержима бесом, и, по-видимому, так оно и есть.

— Как же это ни один врач не может ей помочь?

— Я вам уже сказал, что они не могут понять ее болезни; к ней съехались врачи со всех концов государства и даже из чужих краев, а ей с каждым днем все хуже и хуже. Вот уже шесть месяцев, как она больна, и если бедной девушке не станет лучше, она, несомненно, скоро умрет.

— Так вот, слушайте: я врач из королевства Франции, я знаю прекрасное средство от опухолей, какова бы ни была их причина, и я с уверенностью заявляю, что вылечу вашу принцессу.

— О, если это действительно так, то ваше будущее обеспечено, потому что король любит свою дочь больше всего на свете; он страшно убивается и за ее исцеление готов отдать все свои сокровища.

— Пойдите и скажите ему, что у вас проездом остановился врач из Франции; он знает верное средство от опухолей, которое всегда оказывает свое действие.

Хозяин гостиницы побежал во дворец, чтобы сообщить королю эту радостную весть.

— Пусть сейчас же явится сюда! — воскликнул безутешный отец. — Ему ни в чем не будет отказа, если только он спасет мою дорогую дочь.

Тюркен тотчас же отправился во дворец, и его ввели в комнату принцессы. Она была так плоха, что на нее жалко было смотреть. На губах ее выступила пена, она кричала и билась как одержимая.

— Ну что, доктор, — обратился к нему король, — что вы скажете о положении моей дочери?

— Положение тяжелое, но я отвечаю за нее, мой повелитель; доверьтесь мне и позвольте сделать то, что нужно.

— Если вы ее вылечите, я вас награжу так, как еще никогда не награждали ни одного врача.

— Пожалуйста, оставьте меня одного на несколько минут: у вас во дворе и в вашем саду мне нужно нарвать трав, необходимых для приготовления лекарства, которое спасет вашу дочь.

Тюркен прошел во двор замка и, делая вид, что собирает травы вокруг бассейна, схватил жабу, которая пряталась под камнем. Она была огромных размеров и весила восемнадцать с половиною фунтов. Он завернул ее в полу своей куртки, отправился с ней в сад и принес оттуда целую охапку всевозможных трав и цветов. Затем он попросил, чтобы его оставили на некоторое время одного в кухне, так как он должен приготовить лекарство. Прежде всего он выпустил из жабы кровь и собрал ее в особый сосуд. Кровь он смешал со стаканом старого красного вина, подогрел эту смесь и поднес принцессе со словами:

— Выпейте, принцесса, здесь ваше здоровье!

Принцесса отпила глоток, затем оттолкнула сосуд и воскликнула:

— Боже, какое оно противное!

Но минутой спустя она почувствовала, что ей стало лучше, и так как врач настаивал, чтобы она выпила еще, то она не возражала больше и залпом проглотила все до последней капли.

— Ах, как мне помогает это питье! — сказала она.

И действительно, она перестала кричать и корчиться, совсем успокоилась и тихо уснула.

А Тюркен снова пошел в кухню, чтобы приготовить другое лекарство, которым он должен был закончить лечение. Он

разрубил жабу на мелкие кусочки, приготовил из них месиво и зажарил его, а вечером, когда принцесса проснулась, он заставил ее съесть третью часть жабьего мяса; другую треть она съела в полдень следующего дня, а последнюю — к заходу солнца. После этого она совсем выздоровела. Ее счастьем и радости не было границ: она пела, танцевала, обнимала своего спасителя и не хотела с ним разлучаться, да и старый король не отставал от своей дочки.

Тюркена засыпали подарками и не хотели его отпускать. Принцесса в него влюбилась, а старый король решил отречься от престола в пользу своего будущего зятя. Тюркена так уговаривали, что в конце концов он обещал жениться на принцессе. Однако он попросил, чтобы сначала его отпустили на несколько дней на родину: ему, дескать, надо устроить некоторые дела и рассказать о своей удаче отцу и матери, которых он непременно захватит с собой на обратном пути. Король и принцесса боялись, что он не вернется, и захотели сопровождать его. Тогда он убежал ночью, переодевшись нищим, и направился в Люксембург, куда обещал вернуться.

Теперь у него не было недостатка в деньгах. Поэтому, перейдя границу Испании, он в первом попавшемся городке сбросил с себя нищенскую одежду и превратился в богатого вельможу. Он без помех прибыл в Люксембург и остановился в лучшей гостинице. После ужина, беседуя с хозяином гостиницы, он осведомился у него о городских новостях.

— В городе только и разговору, что о замке из золота и серебра, выстроенном жителями Люксембурга, да и действительно он представляет собою чудо из чудес, — ответил хозяин гостиницы.

— Для кого же выстроен этот замок? — спросил Тюркен.

— Для того, кого жители Люксембурга считают своим спасителем, для человека, который дал нам в изобилии воду в тот миг, когда всем нам грозила смерть от жажды.

— Вот как! А кто же этот человек? Поселился ли он уже в своем замке?

— Нет, он еще не живет там, потому что он отправился путешествовать, и никто не знает куда; но его ждут со дня на день. Ах, если бы вы видели этот замок! Говорю вам, чудо из чудес. Стены сделаны из серебра, окна и двери из чистого золота, а в саду устроен фонтан и пруд, дно которого выложено серебряными плитами...

— И вы не знаете имени человека, которому предназначается такой великолепный замок?

— Нет, никто не знает его имени; он пришел в наш город только для того, чтобы спасти нас, а затем отправился в другую страну, чтобы и там совершить добрые дела, но он обещал скоро вернуться. Мы надеемся удержать его у нас, а для этого, как только он возвратится, женим его на дочери нашего префекта. Эта девица, несомненно, самое прелестное создание, какое существует под звездным небом.

— Вот как? — улыбаясь, сказал Тюркен, и отправился спать, так как время было позднее.

На другое утро он пошел гулять по городу. Он обрадовался, что родник, который он исторг из скалы, струился по-прежнему, чист и прозрачен. Затем он отправился к бедной сиротке, которая приютила его, в то время как начальствующие лица и богатые граждане так грубо его оттолкнули. В прекрасно одетом вельможе, который стоял перед ней, она не узнала умиравшего от голода, покрытого лохмотьями нищего, с которым разделила свой черный хлеб и свое убогое жилище. Она жила вместе с сестрой; жили они бедно, но честно, добывая себе пропитание шитьем.

— Вы знаете меня? — спросил ее Тюркен.

Она подняла на него глаза и ответила:

— Нет, сударь, я не имею чести вас знать.

— Посмотрите-ка хорошенько.

Она снова посмотрела и сказала:

— Мне кажется, я вас никогда не видела.

— Разве вы не помните, что вы разделили однажды ваш хлеб и ваш кров с несчастным нищим, который умер бы с голоду без вашей помощи?

— Мне, сударь, не раз случалось делить свой хлеб с нищими.

— Тот, о котором я вам говорю, исторг родник чистой и прозрачной воды из скалы, которая находится посреди вашего города, и тем спас жителей Люксембурга, иначе они умерли бы от жажды!

— Ах, боже мой, да неужели же это вы?

Она посмотрела ему прямо в лицо и прибавила:

— Да, да, теперь я вас узнаю! Как я рада вас видеть! И как рады будут жители нашего города, когда узнают, что вы вернулись!

И она ему рассказала то, что он уже знал от хозяина гостини-

цы, — о прекрасном замке и о предполагаемой женитьбе его на дочери префекта.

Вскоре все узнали о приезде спасителя Люксембурга, и весь город пришел в движение. Префект, мэр, кюре и все начальствующие лица торжественно явились к нему в гостиницу, впереди шли музыканты. Префект произнес прекрасную речь и, передавая Тюркену ключи от замка, выстроенного для него благодарными жителями Люксембурга, предложил ему немедленно принять замок в свое владение. «Моя жена и дочь, столь же любезная, как и прекрасная, — добавил он, — обе ждут вас там, чтобы оказать вам должные почести».

Тюркен поблагодарил жителей Люксембурга за радушный прием и ответил префекту, что, раньше чем вступить во владение замком, он хотел бы обзавестись подругой, которая будет жить там вместе с ним, и что он намерен остановить свой выбор на одной из обитательниц Люксембурга. Поэтому он просит оповестить всех юных жительниц Люксембурга в возрасте от пятнадцати до двадцати лет, чтобы на следующий день они собрались на главной площади города, у источника близ скалы, и там он выберет себе жену.

Так как они считали, что Тюркен может взять в жены только девушку из самой лучшей и самой богатой семьи и что он выберет, без сомнения, дочь префекта, они пригласили только дочерей самых важных граждан города.

На другой день в назначенный час все эти девушки явились в указанное место, разряженные в пух и прах, одна прекраснее другой, и каждая была вполне уверена в своей победе.

Дочь префекта шла впереди всех, блистая драгоценностями, нарядная, как принцесса. Их всех выстроили в ряд вокруг площади, и Тюркен медленно проходил мимо них, как генерал, делающий смотр войскам. Он разглядывал всех, одну за другой, и не останавливался ни перед кем, что весьма не понравилось многим отцам и матерям, а в особенности префекту и его жене. Затем он сказал префекту, который следовал за ним:

— Не все девушки вашего города присутствуют здесь, пусть мне завтра покажут других.

На следующий день ему показали дочерей богатых граждан и купцов. Он произвел смотр и этим и, дойдя до последней, снова сказал префекту:

— Я не вижу здесь той, которая должна быть моей женой; надо мне показать остальных.

На третий день созвали молодых работников всяких профессий, служанок и даже нищенок. Он не успел сделать и нескольких шагов, как заметил ту девушку, которая приютила его; он подошел к ней, взял за руку, вывел из рядов и, представляя жителям Люксембурга, сказал:

— Вот та, которую я выбрал в жены! Она меня хорошо приняла, когда меня все оттолкнули; она оказала мне гостеприимство и поделила со мной свой хлеб, и сегодня я хочу отблагодарить ее за это.

Велико было изумление граждан, а равным образом и разочарование некоторых отцов и матерей.

Свадьба была сыграна тотчас же, великолепная свадьба, и Тюркен поселился в замке с женой и свояченицей.

Прошло месяцев шесть, и Тюркен устроил большую охоту, на которую пригласил много народу. Охота проходила в том самом лесу, где он был покинут Кошенаром. Он сразу узнал дерево, на которое взобрался с намерением броситься вниз и сломать себе шею. Под этим деревом он теперь увидел несчастного бедняка в лохмотьях, тело которого было покрыто язвами. Видно было, что он давно уже ничего не ел и ему грозила голодная смерть. Тюркен сейчас же сошел с лошади, чтобы его исцелить, так как средство было тут же, под руками.

— У вас плохой вид, бедняга, — сказал он ему с состраданием.

— Вы правы, сударь, но это мне по заслугам.

— Как так?

— Ах, это все так печально!.. У меня был брат, и когда мы были молоды, мы оба ходили по домам и просили милостыню, потому что мы осиротели рано, а родители нам ничего не оставили. Так мы жили подаванием добрых людей, пока однажды мне не пришла в голову мысль, что если бы один из нас был слепец, то мы бы вызывали больше сострадания в людях и нам бы жилось гораздо лучше. И я выколол оба глаза моему несчастному брату, и после этого мы перешли в другие места. Действительно, с этого времени я ни в чем не терпел недостатка — ни в еде, ни в одежде, ни в деньгах. Когда, таким образом, у меня составила кругленькая сумма, я пришел сюда с братом, сделал вид, что заблудился, и сказал ему, что придется заночевать в лесу. Мы легли под этим деревом, и, когда брат крепко уснул, я убежал, оставив его на произвол судьбы, одного, без хлеба и денег. Я не знаю, что стало с моим

бедным братом, его, наверно, растерзали дикие звери. Но зато бог наказал меня. Я без ума сорил деньгами и к тому же не хотел работать, вот и впал, как видите, в самую ужасную нужду. Я жестоко наказан, но признаю, что заслужил это. Вот я и пришел умереть под тем самым деревом, где оставил Тюркена.

Тюркен, тронутый до слез, воскликнул:

— Я твой брат! Неужели ты не узнаешь меня, Кошенар? — И он с волнением обнял его. — Успокойся, мой бедный брат; я от всего сердца прощаю тебя. Сначала я исцелю тебя, а затем мы отправимся в мой замок, и пока ты жив, ты ни в чем не будешь терпеть нужды, ибо мне повезло и теперь я богат.

Он кинжалом сделал надрез на стволе дерева, снял кусок коры и положил ее в карман.

Охота кончилась, и Кошенару подали лошадь, но так как он не мог держаться в седле, то брат посадил его за собой на свою лошадь, и они вместе направились в замок.

Все были изумлены и не могли понять, что это все означает. Когда они приехали в замок, Тюркен, несмотря на ужасный и отталкивающий вид Кошенара, привел его к своей жене и свояченице и сказал:

— Вот я вам представляю своего брата Кошенара.

Они вскрикнули от ужаса и отвернулись. Затем, обращаясь к свояченице, он спросил ее:

— Вы бы сделали мне большое удовольствие, свояченица, если бы согласились выйти замуж за моего брата Кошенара.

Свояченица сделала гримасу, но тем не менее ответила:

— Я охотно выйду за него замуж, зятюшка, — и для того, чтобы угодить вам, и потому, что он ваш брат.

Тогда Тюркен повел Кошенара в сад, на берег пруда, вымыл его и натер корой дерева; язвы исчезли, и он стал красивым мужчиной. Затем Тюркен дал ему свое платье, которое оказалось совсем впору, а потом снова привел его к свояченице и сказал:

— Вот ваш жених!

Увидя перед собой такого красавца, она уже не делала гримас!

Свадьбу сыграли сейчас же, не откладывая. Свадьба была роскошная, с пиршествами и играми, оба брата с женами зажили в замке в мире и согласии.

Только одно мучило Кошенара и не давало ему покоя: каким

образом его брат стал зрячим и каким образом он так разбогател?

Однажды он обратился к нему с вопросом:

— Мне очень хотелось бы знать, как к тебе вернулось зрение и каким образом ты так разбогател!

— Пустяки, мой брат, не тревожься и не думай больше об этом.

Несколько раз Кошенар обращался к нему с тем же вопросом, и каждый раз Тюркен выказывал недовольство и давал все тот же ответ. Но однажды, после особенно настоятельных просьб, он сказал:

— Хорошо, если ты так настаиваешь, то я скажу тебе... а между тем я чувствую, что для тебя было бы лучше никогда не знать этого.

И он рассказал ему, как, задумав покончить с собой, взобрался на дерево, под которым собрались трое зверей — лев, волк и вепрь, и от них узнал два секрета, которые положили начало его богатству. Самих секретов он, однако же, не открыл.

Кошенар завидовал Тюркену. Он лишился сна и, мечтая иметь свой собственный замок, в котором он был бы полным хозяином, решил провести ночь на том дереве в лесу, чтобы тоже узнать какой-нибудь секрет. Он ничего не сказал ни жене, ни брату и ушел под вечер тайком.

Придя в лес, он без труда отыскал дерево и взобрался на него. Около полуночи он услышал рев, и вскоре появился лев. Минуту спустя он услышал вой, и вслед за львом появился волк. Затем он услышал шаги какого-то животного, которое пробиралось через кустарник, все время похрюкивая: «Ох, ох!» — это был вепрь. Когда все трое животных, — а это были дьяволы, — собрались у ствола дерева, лев сказал:

— Ну-ка, что нового, товарищи? Хорошо ли у вас прошел день?

— Что касается меня, то я не могу жаловаться, — ответил волк. — Но надо быть осторожнее и не говорить так безрассудно. Вы хорошо знаете, как нам досталось за дело с жителями Люксембурга, которые умирали от жажды, и за историю с дочерью испанского короля, и, вероятно, еще не забыли великого гнева нашего господина Вельзевула, когда он убедился, что от нас ускользнули жертвы, которые он уже считал своими. Надо посмотреть сначала, не скрывается ли кто-нибудь в кустах или где-нибудь поблизости.

И они обыскали кусты и никого не нашли. Но волк поднял кверху морду и увидел Кошенара, который скрывался среди листвы.

— А, вот он где, хитрец! — воскликнул он. — На этот раз он от нас не уйдет!

— Но как же его достать? — спросил вепрь.

— Нужно подрывать дерево, — сказал лев.

И они втроем принялись за работу. Они рыли землю и отбрасывали ее в сторону; вепрь действовал рылом, а двое других когтями, и, таким образом, они подрывали у дерева корни, и оно свалилось. Тогда все трое бросились на несчастного Кошенара и растерзали его.

Так как он не вернулся к ночи в замок и никому не сказал, куда ушел, в замке стали беспокоиться. Его искали повсюду, но нигде не находили.

Тогда у Тюркена явилось предчувствие, что с братом случилась беда. «Несчастный, наверно, отправился в лес, чтобы провести ночь на дереве», — подумал он.

Он побежал в лес и когда увидел упавшее дерево, землю, разрытую когтями животных, и разбросанные вокруг кости, — сразу понял, в чем дело. У него было доброе сердце, и он искренне оплакивал своего брата.

КАК ОСЕЛ ПРОГЛОТИЛ ЛУНУ

Французская сказка

На Север от монтастрюкской церкви есть большой пруд. Здесь пастухи поят скот и женщины стирают белье. Раз вечером, часов в шесть, — а дело было в мертвом месяце¹, — взошла луна и отразилась в воде пруда, как в большом зеркале. В это время к пруду подошел какой-то человек и стал поить своего осла. Пока осел пил, ветер вдруг переменялся и нагнал на небо тучи, так что стало совсем темно.

Хозяин осла испугался и побежал прочь от пруда, крича:

— Господи помилуй! Господи помилуй! Мой осел пил воду и проглотил луну! Мой осел проглотил луну!

На его вопли сбежались все жители Монтастрюка.

— Чего ты так раскричался?

— Мой осел проглотил луну! Мой осел проглотил луну!

¹ Мертвым месяцем гасконцы называют декабрь.

Монтастрыюкцы поглядели на небо, на пруд и заплакали, завопили:

— Его осел проглотил луну! Его осел проглотил луну!

Тотчас перед церковью собралось на совет все местное начальство.

— Приведите осла, который проглотил луну.

Привели осла.

— Осел! Это ты проглотил луну?

Осел поднял хвост и заорал.

— Вот, ты сам сознаешься, что проглотил луну! Что мы теперь будем делать, как нам ходить ночью? Ведь в темноте ничего не видно.

Осел опять поднял хвост и заорал.

— Ага! Вот как ты ведешь себя на суде! Хорошо же! Мы тебя приговариваем к смерти. Ты будешь повешен.

Через десять минут осла повесили на дереве.

Но тут один из судей спохватился.

— Друзья, — сказал он, — мы превысили наши полномочия. Нам разрешается приговаривать к смерти. Но казнить мы не имеем права. Это право принадлежит только главному судье в Лектуре. На его месте я был бы очень недоволен тем, что здесь только что произошло! Знаете что: чтобы его умиловить, пошлем ему целый воз разной домашней птицы. Отошлем и мертвого осла. Главный судья позовет хорошего хирурга, чтобы извлечь луну у осла из брюха. Кроме того, в Лектуре найдется немало высоких лестниц. Если поставить такую лестницу на колокольне лектурского собора, то, я думаю, какой-нибудь ловкий и смелый слесарь отыщет способ приколотить луну на ее место в небе.

Сказано — сделано. Двенадцать молодых монтастрыюкцев тотчас отправились в путь, нагруженные дарами для главного судьи — курами, индюками, гусями, утками. Другие двенадцать несли на плечах длинный дубовый шест, на котором был подвешен за четыре ноги мертвый осел.

Пока не миновали Флеранс, все шло хорошо. Но за Флерансом волки из Рамьерского леса учуяли запах дохлого осла и примчались стаями, рыча, словно бешеные. Монтастрыюкцы в страхе, побросав птиц и осла, галопом понеслись обратно в Монтастрыюк. В один миг волки сожрали всех птиц и до костей обглодали осла.

На другой день вечером взошла луна и сияла на небе, как обычно.

Монтастрыюкские судьи вздохнули с облегчением.

— Рамьерские волки оказали нам громадную услугу, — говорили они. — Осел съеден, и главный судья в Лектуре не узнает, что мы сами повесили эту скотину. Ну, а что касается луны, которую осел проглотил, она, как видите, оказалась хитрее волков. Она от них ускользнула и сама вернулась на свое место в небе.

ЛОВКИЙ ВОР

Французская сказка

Пьеро, Жанно и Клодо были братья, сыновья бедной вдовы. Став взрослыми, они увидели, что дома им делать нечего, и решили искать счастья на чужбине.

Они все вместе отправились в путь и, дойдя до перекрестка, распрощались со словами: «Через год встретимся здесь снова».

Идя своим путем, Клодо дошел до деревни и остановился возле булочной.

— Эй, приятель, — сказал ему булочник, — сдается мне, что ты охотно обучился бы моему ремеслу.

— Да, — ответил Клодо, — только мне нечем платить за ученье.

— Это неважно, — сказал булочник. — Поступай ко мне работать, и через год ты будешь знать мое ремесло.

Жанно — тот проходил мимо слесарной мастерской и остановился у двери.

— Дружище, — ему слесарь, — сдается мне, что ты охотно обучился бы моему ремеслу.

— Да, — ответил Жанно, — только у меня нет денег на ученье.

— Это неважно, — сказал слесарь. — Поступай ко мне, и через год ты будешь знать мое ремесло.

Пьеро — тот повстречал шайку воров. Они закричали:

— Кошелек или жизнь!

— Эге-ге! — сказал Пьеро. — Да ведь я сам того же требую!

— А если так, — сказали ему воры, — не хочешь ли войти с нами в компанию?

— Охотно! — ответил Пьеро.

Воры немедленно подвергли его испытанию.

— Сейчас — сказали они ему, — по дороге проедет карета, а в ней знатный господин, ты крикнешь ему: «Кошелек или жизнь!»

Пьеро спрятался у самой дороги; когда карета поравнялась с ним, он выскочил и закричал:

— Кошелек или жизнь!

Знатный господин поспешно кинул ему кошелек. Карета умчалась. Пьеро подобрал кошелек.

«Но ведь, — сказал он себе, — они не деньги велели мне взять, а кошелек».

Рассудив так, он отдал своим товарищам пустой кошелек.

— Больше мы тебя не пошлем воровать, — сказали они, — ты будешь для нас стряпать.

Спустя год вору, достаточно награвив, разделили между собой добычу; на долю Пьеро пришелся увесистый мешок золота. Он пошел на перекресток, где условился встретиться с братьями. Жанно и Клодо уже ждали его там. Вот они отправились все втроем к старухе матери. Как только они пришли, она их спросила:

— Ну как, детки? Что вы делали с того времени, как ушли из дому?

— Я стал булочником, — сказал Клодо.

— А я слесарем, — сказал Жанно.

— А я угольщиком, — сказал Пьеро.

— А что, хорош твой уголь? — спросила мать.

— Послушайте, матушка, — молвил Пьеро, — я вам что-то скажу, но смотрите, никому об этом не рассказывайте. Я не угольщик, я вор. Но только помните: никому не проговоритесь!

— Нет, нет, Пьеро, будь спокоен.

Зашла соседка.

— Что ж, Марион, — сказала она старухе (а та была женщина болтливая, вроде меня), — вот ваши сыновья и вернулись домой все трое. Что они теперь делают?

— Клодо стал булочником, — ответила старуха. — Жанно слесарем, а Пьеро... тот...

— Вам, видно, никак не вспомнить, Марион, кем же стал ваш Пьеро?

— Он стал вором; только смотрите, никому не проговоритесь об этом.

Но соседка так усердно болтала о диковинной новости, что слух вскоре дошел до сеньора. Он потребовал к себе Марион и сказал ей:

— Чем занимается ваш Пьеро?

— Ваша светлость, он угольщик.

— Я слышал, его уголь уж очень хорош.

— Ах, ваша светлость, не лучше, чем у других.

Сеньор потребовал к себе Пьеро.

— Здравствуй, Пьеро. Чем ты теперь занимаешься?

— Я угольщик, ваша светлость.

— Говорят, твой уголь уж очень хорош.

— Ах, ваша светлость, такой же, как у других.

— Между нами говоря, Пьеро, ты вор, — сказал сеньор. — Я хочу испытать твое умение: приказываю тебе украсть коня, который стоит у меня на конюшне под охраной двенадцати моих слуг. Если завтра к девяти часам утра ты этого не выполнишь, я велю тебя повесить.

— Ваша светлость, мне никак этого не сделать!

— Если не сделаешь, я тебя повешу.

Пьеро надел монашескую рясу и отправился на конюшню.

— Здравствуйте, добрые люди. Я пришел скоротать с вами вечер и помочь вам захватить мошенника, который собирается увести у вас коня. У меня есть для вас угощение.

Он напоил их отваром мака, от которого все они вскоре заснули мертвым сном. Тогда он обернул паклей копыта коня, чтобы они не стучали по камням, сел на него и умчался.

На другое утро сеньор пришел на конюшню. Не найдя там коня, он схватил хлыст и давай стегать своих слуг.

— Пьеро, — сказал сеньор, — ты ловкий вор. Теперь ты должен украсть шестерых волов, которых поведут на ярмарку двенадцать моих слуг.

— Ваша светлость, мне этого никак не сделать!

— Сумел же ты выкрасть коня из конюшни, теперь выкрадешь волов, или я прикажу тебя повесить.

Когда слуги сеньора повели волов по большой дороге на ярмарку, Пьеро забежал вперед, стал на голову и принялся дрыгать ногами и махать руками.

— Вот занятно! — сказал один из слуг. — Подойдем поближе, посмотрим!

— Нет, — ответил другой, — сеньор наказал нам хорошенько смотреть за волами.

Пьеро опять забежал вперед и снова начал проделывать те же штуки.

— Ах, — сказал один из слуг, — до чего занятно! Пойдем скорей, посмотрим; шестеро из нас пойдут, а шестеро останутся стеречь волов.

— Да что уж, — сказали остальные, — пойдем все вместе, ведь это в двух шагах.

Увидя, что волы остались без присмотра, Пьеро кружным путем добежал до них и увел всех.

— Пьеро, — сказал сеньор, — ты ловкий вор. Теперь вот какое дельце надо обделать: есть у меня дядюшка священник, он всегда служит мессу в полночь; его надо уморить, а наследством я поделюсь с тобой.

— Ваша светлость, этого мне никак не сделать!

— Ведь сумел же ты украсть моего коня и шестерых волов; сделай все так, как я тебе велел, или я тебя повешу.

Пьеро купил раков, положил их на тарелку, поставил ее на аналой, а сам спрятался. Когда старик священник пришел служить мессу, Пьеро крикнул ему из алтаря:

— Заплатите сначала вашей служанке Маргарите, потом суньте голову в мешок, который лежит у алтаря, и вы попадете прямо в рай. Разве вы не видите ангелов, которые протягивают вам руки?

Священник сунул голову в мешок. Пьеро тотчас схватил его и стал таскать вверх и вниз по лестнице, которая вела на колокольню.

— Ах, — говорил бедняга священник, — сколько мытарств нужно претерпеть, чтобы попасть в рай!

Когда старик уже еле дышал, Пьеро отнес его в курятник. Утром служанка священника Маргарита пришла туда задать птице корм.

— Цып-цып-цып!

— Да что это, Маргарита, — сказал бедняга священник, — ты, значит, тоже в раю?

— Хорош рай, нечего сказать, — ответила Маргарита, — да это же ваш курятник!

Священника уложили в постель. Через каких-нибудь три дня он умер, а сеньор поделился наследством с Пьеро.

СКАЗКА О ЛОВКОМ ПАСТУШКЕ

Французская сказка

У одного короля была дочь, которая не умела говорить. Ей было уже больше двадцати лет, и она никогда еще не сказала ни одного слова. И король обещал отдать ее в жены тому, кто заставит ее заговорить. Знатные господа со всех концов земли собирались к его двору и пытались заставить девушку говорить. Но напрасно.

Раз одна дама прогуливалась по лесу и встретила пастушка со стадом быков и коров. Она поздоровалась с мальчиком:

— Здравствуй, милый!

И спрашивает его:

— Мальчик, слышал ли ты тут новости?

— Эх, госпожа, что я мог здесь узнать? Целый день я в лесочке пасу свой скот, никого тут не вижу, никаких новостей не слышу!

— Ах, ты не слышал никаких новостей? Разве ты не знаешь, что дочь короля не сказала в жизни ни слова?

— Как же, госпожа, об этом я часто слыхал.

— Ну, так вот: надо, чтобы ты пошел туда. Ты должен ее увидеть, может быть, ты заставишь ее заговорить.

— Что вы, госпожа, где мне! Этим знатым господам, которые куда учение меня, и то не удастся заставить ее заговорить! Нет, куда там!

— Все равно! Надо, чтобы ты туда пошел.

— Ах, госпожа! Не могу же я все-таки оставить свою скотинку одну!

— Уж будь спокоен, можешь туда пойти, и твоя скотинка с места не сдвинется, ни одна корова не заблудится. Вот тебе попугай и палочка. К чему только не притронется твоя палочка, то от тебя не уйдет.

Ну, тут мой молодец решил. Взял да и отправился в путь со своей палочкой и попугаем. Когда он отошел далеко-далеко, его застигла ночь. Было совсем темно. Он нашел наконец гостиницу, потребовал комнату для себя и своего попугая. И ему с попугаем дали комнату.

А попугай был такой красивый-красивый, так забавлял служанку, что ей очень захотелось взять его себе. «Ночью, — думала она, — мальчик, верно, крепко спит». И она пошла к нему в комнату взять попугая. Но как только она дотронулась рукой до попугая:

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Так служанка и прилипла к попугаю. Вот она и попалась на месте с руками, протянутыми к попугаю.

Утром слуга встает, ищет служанку, зовет-зовет — никто не отвечает. Нет нигде служанки! Никто не знает, куда она девалась. Он и решил заглянуть в комнату пастушка. И застиг там служанку с руками, прилипшими к попугаю.

— А ну-ка, бесстыдница, ты что тут делаешь? Да еще с этим молодчиком! Разве здесь твое место? Ты зачем сюда пришла?

Ведь она была совсем голая, служанка-то, не успела одеться, так спешила украсть попугая.

Слуга и решил ей задать потасовку.

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Ну вот, они оба и попались — рука слуги прилипла к заду служанки.

А тут уже и хозяин встал. И нет ни слуги, ни служанки. Он их звать, кликать повсюду. Никого не найти! Решил он пойти в комнату к пастушку. И находит обоих слуг у изголовья мальчишки.

— Ну-ка, что вы тут делаете, озорники? Сколько времени я вас ищу! Что вы тут проделываете в комнате этого молодого человека?

И как даст ногой пинка в зад слуге!

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Ну вот, и хозяин попался — прилипла его нога к заду слуги!

Тут встает наконец хозяйка, зовет мужа, ищет его повсюду. Нигде его не видно. И решает она тоже пойти в комнату пастушка. И видит, что все прилипли к мальчишкиному попугаю.

— Что вы тут делаете все, что вы тут вытворяете? Сколько времени я вас ищу, и хоть бы кто-нибудь отыскался! Что вы тут делаете?

И хватает мужа за руку и тянет его.

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Ну вот, и хозяйка попалась — прилипла к мужу.

Но уже становилось поздно. Мальчик встал и отправился в путь, чтобы поспеть к королю. По дороге он проходил мимо маленького домика. А в домике жили две женщины. Одна из них мела двор, другая приготавливала сыр.

Женщина, которая мела двор, прибежала с метлой и говорит:

— Вот так штука! Это что значит? Что это за озорники бегают тут совсем голые, куда это годится?

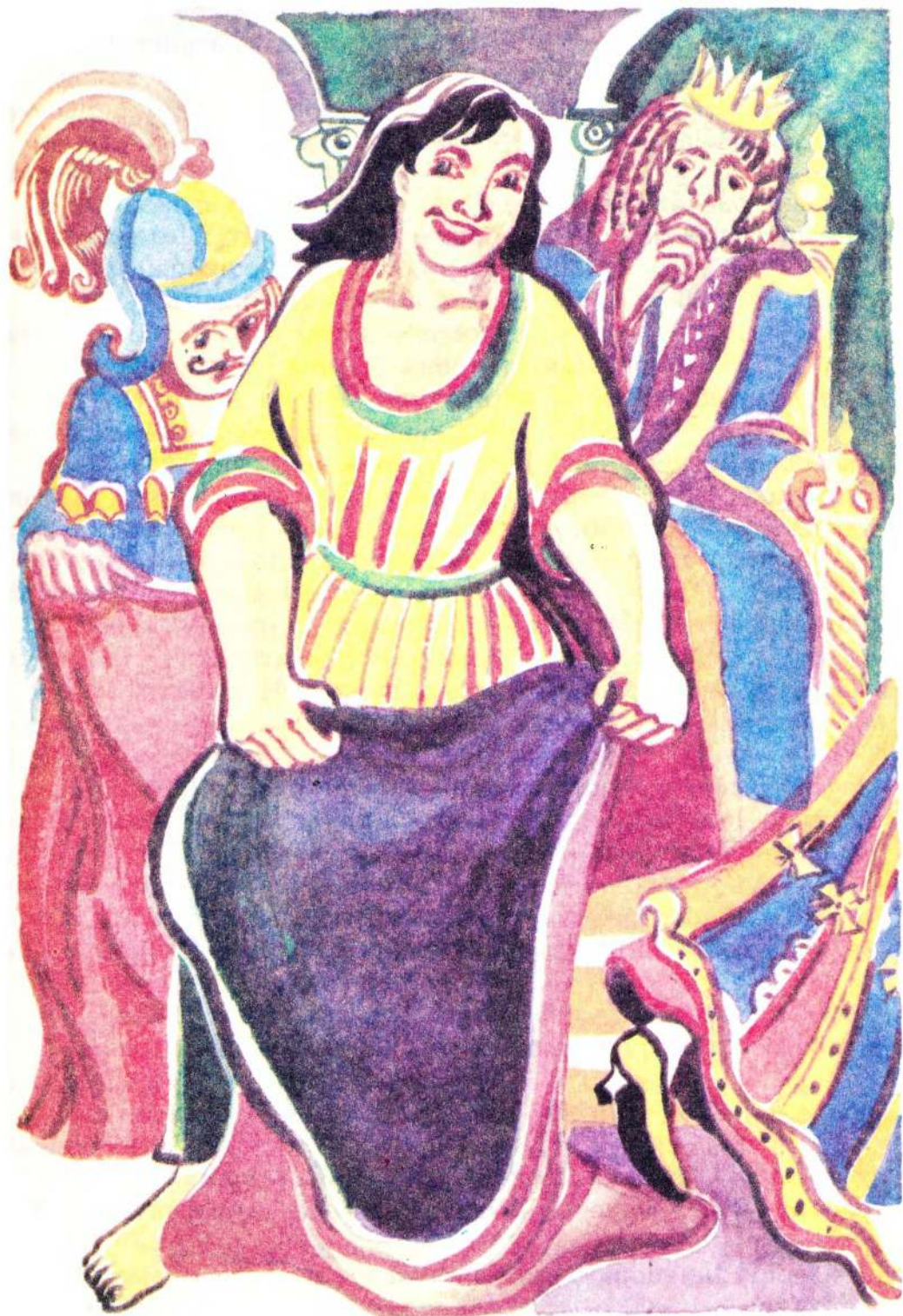
И бежит со своей метлой да как размахнется.

Вот и женщина с метлой попалась и кричит, зовет на помощь! Вот и товарка ее бежит за ней и даже сыр не успела положить на место. И хватает свою товарку за рукав.

— Палочка-стукалочка, бей! Кто возьмется — попадется!

Женщина с сыром в руке прилипла к своей товарке, а пастушок продолжает путь со всей этой свитой.

Приходит ко двору короля. Узнает у привратника, не здесь ли живет дочь короля, которая не говорит ни слова. Отвечают,

что здесь и что, как ни старались и чего только не делали, не могли заставить ее заговорить.

Пастушок просит, чтобы его пустили ко двору короля. Не успел он войти, как дочь короля показалась в окне.

— Ах, бог мой, — сказала она, — вот умора! Никогда не видела я ничего забавней!

И она начала говорить, как будто всю жизнь только и делала, что говорила! Тут все вышли — знатные господа и царедворцы, сбежался народ со всех сторон и стал дивиться.

— Ну, господин король, помните, что вы обещали отдать свою дочь тому, кто заставит ее заговорить!

Тут все знатные господа стали переглядываться:

— О господин король, неужели вы отдадите свою дочь за какого-то несчастного пастушонка?

Но король, прежде чем отдать дочь пастушку, потребовал у него еще кое-что — он приказал ему стеречь сотню кроликов в своем королевском парке, да так, чтобы ни один не убежал.

Вот мальчик и стал в тупик. И пошел немного прогуляться. И встретил ту же даму.

— Что ж, мальчик, ты как будто заставил заговорить дочь короля? Ну, значит, ты получишь ее в жены.

— Да, госпожа! Но король теперь требует от меня другого: у него сто кроликов, и он велит мне стеречь их в королевском парке.

— Ну, это не так уж трудно, мой мальчик! Вот тебе свистулька, и всякий раз, как твои кролики будут разбегаться в разные стороны, тебе стоит только засвистеть, и все они вернутся, не беспокоясь.

Ну, что ж! Пастушок вернулся к королю и говорит: «Выпускайте своих кроликов!» А кролики и давай разбегаться кто куда. Прыгают вовсю. Он увел их в парк.

А знатные господа стали между собой совещаться:

— Надо раздобыть у него хоть одного кролика, чтобы к вечеру он не всех пригнал домой.

Тогда рыцарь, больше всех домогавшийся дочери короля, сказал:

— Я к нему пойду сам и куплю у него кролика.

И он отправился искать мальчика, подошел к нему и говорит:

— Ах, мальчик, какие у тебя красивые кролики! Продай-ка мне одного.

— Что вы, господин! Я их не продаю, они не продажные.

— А почему бы тебе не продать?

— Продать я вам его не продам. Но если уж вам так хочется кролика, вы можете его заслужить.

— Как же я его могу у тебя заслужить?

— Господин, если вы согласитесь, чтобы я три раза ткнул вас шилом в зад, вы получите одного из моих кроликов.

— Ох, мальчик, ты не захочешь три раза ткнуть меня шилом в зад! Ох, право же, ты не захочешь так поступить!

— Ну что ж, господин, вы не получите кролика.

И вот рыцарь согласился, чтобы мальчик три раза ткнул его шилом в зад. Но когда пастух в первый раз воткнул ему шило только наполовину, он закричал:

— Ой-ой-ой!

Второй раз шило вонзилось поглубже.

— Ой-ой-ой! Ах ты, негодник! Да мне же больно!

В третий раз пастух всадил ему шило по самую рукоятку, и рыцарь закричал и упал на землю.

— Ах ты, негодник! Я умираю, ой-ой-ой!

Через минуту боль затихла.

— Ну, милый мой, давай-ка мне кролика, я его честно заслужил!

Пастух поймал кролика, и рыцарь взял его под мышку.

Рыцарь ушел, весь сияя, и хоть ему тяжело достался этот кролик, он говорил себе:

«Ну, теперь ясно, что сегодня вечером пастух недосчитается одного».

Но вот, когда он отошел уже далеко, раздался свист, кролик вырвался у него из рук и вернулся к своему стаду.

А рыцарь пришел назад совсем растерянный и все твердил:

— Я уже нес сюда кролика, но вдруг он вырвался и убежал!

— Ах, — сказала принцесса, — он от вас ускользнул! Бог мой! Ну что ж, я сама туда пойду.

И надела передник из грубого холста:

— Отсюда-то он не убежит!

Вот пошла она в парк искать маленького пастуха и, увидев его, крикнула:

— Здравствуй, мальчик!

— Здравствуйте, принцесса!

— Ну и красивые у тебя кролики, мальчик!

— Что и говорить, принцесса!

— Не продашь ли мне одного?

— Ну нет, принцесса, я их не продаю, но их можно у меня заслужить!

— Как же их у тебя заслужить?

— Если вы согласитесь, чтобы я вас три раза поцеловал здесь, в парке, вы получите одного из моих кроликов.

— Ах, негодник, ты хочешь меня поцеловать? Ты?

— Ну что ж, принцесса! Если вы не хотите, то и не получите моих кроликов.

И вот принцесса позволила себя поцеловать три раза, только чтобы получить хоть одного кролика.

Пастушок поймал кролика и протянул ей; она положила его в свой передник, зажала покрепче. О, она была уверена, что держит его крепко, и сжимала его все сильнее и сильнее в своем переднике!

Когда она была уже далеко, раздался свист. Кролик разорвал передник и вернулся к своему стаду.

Вот нашу принцессу и провели, как раньше рыцаря. И вернулась она совсем растерянная и все твердила:

— Да ведь я так крепко держала его! Смотрите, он разорвал мне передник!

Тут и отец ее, король, увидел это и закричал:

— Экая напасть! Бог мой, вы не можете удержать кролика! Кролика не можете удержать! Я сам отправлюсь за ним на моем коне. И так прикручу его к седлу, что у него пропадет охота убегать.

И поскакал король в парк к пастушку, поравнялся с ним:

— Ну, здравствуй, мальчик!

— Здравствуйте, господин король!

— Ну и красивые же у тебя кролики! Ну и кролики! Не продашь ли ты мне одного?

— О нет, господин король, я не продаю их, но их можно у меня заслужить.

— Как же их у тебя заслужить?

— Господин король, если вы соизволите трижды поцеловать вашего коня под хвост, вы получите одного из моих кроликов.

— Ах ты, негодник! Ты хочешь, чтобы я трижды поцеловал своего коня под хвост? Ах, негодник!

— Ну что ж, господин король! Вы не получите кролика!

И вот его величество король решается трижды поцеловать своего коня под хвост.

Тогда пастушок поймал кролика и отдал королю, а тот привязал его к своему седлу, вертел его, крутил и так зажал, что у кролика чуть кишки не вылезли. И сказал, вскочив на коня:

— Этот-то от меня не уйдет!

Когда он отъехал уже далеко, пастушок как засвистит в свистульку! Кролик разорвал ремни, вырвался и вернулся к своему стаду.

А его величество король возвратился в свой дворец вне себя от досады:

— Ах, он и от меня убежал! Он разорвал все ремни, вырвался и удрал. Все равно этого недосчитаются сегодня вечером: у него уже кишки вылезали.

Вот и вечер наступил, и маленький пастух пригнал своих кроликов. Когда он предстал перед королем, придворные принялись считать и пересчитывать кроликов, смотреть, все ли целы. А кролики все как один тут как тут, ничего не скажешь!

Вот стали придворные между собой переглядываться.

— Ах, господин король, неужели вы отдадите свою дочь какому-то несчастному пастушонку? Не может этого быть! Не можете вы на это решиться. Потребуйте с него раньше, чтобы он наполнил три мешка правдой доверху.

Как тут быть? Пастушок очень был озадачен этим приказом. И пошел он прогуляться и встретил свою даму.

— Ну, как дела, мальчик? Небось всех кроликов пригнал домой?

— О да, госпожа!

— Ну как, отдает тебе теперь король свою дочь?

— О нет, госпожа! Он хочет, чтобы сначала я наполнил три мешка правдой доверху.

— Так что ж, мой мальчик, это ты можешь сделать. Это нетрудно. Стоит тебе только попросить три мешка, а правды на них найдется на все три доверху.

Тогда пастушок предстал перед лицом короля и всех его приближенных.

— Ну как же? Берешься ты наполнить три мешка правдой доверху?

— Да, государь, дайте мне три мешка!

Он потребовал три мешка, три простых мешка. Два положил около себя, а третий держал открытым.

— Вот смотрите, тут стоит господин; он пришел ко мне в парк, чтобы купить одного из моих кроликов. Я ответил ему,

что не продаю их, но что их можно у меня заслужить. И он позволил мне трижды ткнуть его шилом в зад, только чтобы получить одного из моих кроликов. Влезай в мой мешок — вот один уже полон.

Вот смотрите, тут стоит принцесса; она пришла ко мне в парк купить одного из моих кроликов. И я ответил ей, что не продаю их, но что их можно у меня заслужить. И она позволила мне три раза поцеловать себя в парке, чтобы получить одного из моих кроликов. Влезай в мешок — вот уже и два полны!

Ну, тут пастушок поглядел на его величество короля.

— А вот его величество король; он пришел ко мне в парк, чтобы купить одного из моих кроликов. И я сказал ему, что не продаю их, но их можно у меня заслужить. Он три раза поцеловал...

— Ох, молчи! Ты получишь принцессу. Замолчи, замолчи же! Ты ее получишь.

И пастушок взял в жены дочь короля.

ХИТРЫЙ КЮРЕ

Французская сказка

Никогда люди не бывают во всем согласны между собой, и на всех разом не угодишь.

Жил в одной деревне кюре, такой хитрый да изворотливый, что никому не удавалось поймать его на слове или уличить в чем-нибудь. Вот раз утром в воскресенье пришли к нему в ризницу церковные старосты его прихода.

— Здравствуйте, господин кюре!

— Здравствуйте, друзья! Что скажете?

— Господин кюре, засуха губит наш урожай. Мы пришли вас просить, чтобы вы постарались насчет дождя.

— Ничего нет легче, дети мои! Я знаю такую молитву — если ее прочитать, дождь пойдет в тот же день. Но только нужно, чтобы все как один были на это согласны и попросили меня. Вот я сегодня в конце проповеди поговорю с народом.

— Спасибо, господин кюре!

— Я всегда рад помочь вам, друзья!

Старосты вернулись в церковь, а кюре начал служить обедню. Когда пришло время проповеди, он взошел на кафедру и сказал:

— Дети мои, только что ко мне в ризницу приходили старос-

ты нашего прихода и жаловались, что засуха губит урожай. Они просили меня вымолить у бога дождь. Я знаю одну молитву, которая вызывает дождь в тот же день, если только все как один захотят этого. Хотите, чтобы дождь пошел сегодня?

— Нет, господин кюре, — закричали парни. — Сегодня мы после вечерни хотим погулять.

— Так просить дождь на завтра?

— Нет, господин кюре, — отозвались три-четыре женщины. — У нас белье выстирано и повешено. Мы не хотим дождя, пока оно не просохнет.

— Хотите дождь во вторник?

— Нет, господин кюре, — сказали девушки. — Во вторник мы собираемся на ярмарку.

— Тогда давайте в среду?

— Нет, господин кюре, — зашумела толпа косцов. — В среду нам косить клевер.

— Хотите в четверг?

— Нет, господин кюре, — закричали мальчишки. — В четверг у нас в школе не будет ученья, и мы хотим побегать на воле.

— Может быть, помолиться, чтобы дождь пошел в пятницу?

— Нет, господин кюре, — сказал человек, который делал черепицу. — Моя черепица еще сохнет на солнце, я не могу посадить ее в печь раньше субботы.

— Тогда хотите в субботу?

— Нет, господин кюре, — возразил мэр. — В субботу мне надо объехать деревни.

— Братья мои, я ведь вам сказал, что моя молитва о дожде помогает только в том случае, если все как один этого хотят. А до тех пор, пока вы не сговоритесь между собой, предоставим все господу богу.

ПРИНЦЕССА-ЛГУНЬЯ

Шведская сказка

Жил на свете король и правил таким большим королевством, что пришлось бы идти много-много месяцев тому, кто вздумал бы пересечь его от одной границы до другой. Посреди королевства стоял замок; в нем-то и жил король, у которого была дочь, очень огорчавшая его. Дело в том, что принцесса отличалась

большим недостатком: она была очень хороша собой, но с самого раннего детства не могла открыть рта, чтобы не солгать.

Рядом с замком король велел выстроить маленький дворец для принцессы и ее приближенных. Там принцесса жила очень одиноко; никто не хотел с ней дружить, потому что она всегда говорила неправду. Только король заходил к ней, но возвращался обычно из ее дворца печальный.

Все знали о несчастье короля и со страхом думали, что после его смерти королевство попадет в руки лживой принцессы.

Король уже много раз рассылал указы, в которых говорилось, что он отдаст все свое государство и руку дочери тому, кто научит ее говорить правду.

Являлись сотни принцев, но все возвращались ни с чем — ни одному не удалось исправить красавицу лгунью.

В том же королевстве жила бедная вдова, сын которой пас королевское стадо. Пастуха звали Пер, и мать не могла нарадоваться на него, потому что он больше всего на свете любил правду.

Однажды Пер вернулся домой очень серьезный и перед сном сказал матери:

— Матушка, я больше не буду пасти стадо.

— Почему? — спросила она.

— Завтра утром я пойду в королевский дворец.

— Зачем?

— Я хочу вылечить принцессу и получить королевство, — спокойно ответил Пер.

На следующее утро старуха благословила сына, и он пошел к замку. На половине дороги Пер услышал в лесу журчание ручья и пробрался в чащу, так как хотел напиться.

Никогда в жизни не видал он такой свежей и светлой воды, а заглянув в ее глубину, заметил, что там блестит звезда. Пер наклонился; чем ниже наклонялся он, тем больше приближалась к нему звезда; когда он утолил жажду, она вышла из воды, стала перед ним и превратилась в красивую девушку.

— Ты выпил из источника Истины! Если хочешь, я исполню любое твое желание, — сказала она.

— Я хочу вылечить принцессу, — вскрикнул Пер.

— Трудное дело! Впрочем, если ты будешь слушаться меня, тебе, может быть, это удастся.

— А что я должен сделать?

— Налей в мех воды из этого источника и иди в королевский

дворец. Когда ты услышишь, что принцесса солгала, брызни на нее тремя капельками воды и скажи: «Пусть твои слова исполнятся». Через три дня вернись к ней и, если она опять скажет неправду, брось на нее шесть брызг, говоря: «Пусть твои слова исполнятся». Еще через шесть дней вернись к ней, и если тогда она не будет говорить правду, значит, ее нельзя вылечить.

Чудное видение исчезло. Пер налил воды в мех и пошел дальше. К вечеру он пришел к дворцу и постучался в ворота.

— Кто там? — спросил король.

— Человек, который пришел, чтобы попробовать вылечить принцессу, — спокойно ответил Пер.

— Ну, подожди до утра. Прежде всего я должен посмотреть, кто ты, — ответил король. И Перу пришлось пойти в парк и проспать ночь на траве.

Едва показалось солнце, как король сам отворил ворота замка. Хотя у него было мало надежды на выздоровление принцессы, ему все же очень хотелось увидеть того, кто считал себя способным научить ее говорить правду.

Заметив Пера, он наморщил брови.

— Что ты можешь сделать, пастух? Ведь тысячи принцев потерпели неудачу, — сказал он.

— Все-таки позвольте мне попробовать.

«Ну, пусть войдет», — подумал король и отвел Пера в замок.

Пастуха угостили вкусным обедом, и король позволил ему три раза поговорить с принцессой. В первый раз в тот же самый день, во второй — через три дня после первого и наконец через шесть дней после второго раза.

Вечером принцессу позвали в замок отца. Она пришла одна и с насмешливой улыбкой посмотрела на молодого человека, одетого в грубое пастушье платье.

— Дочь моя, — сказал король, — вот новый жених, как ты его находишь?

— Какой нарядный рыцарь! На нем красуются чудные золотые одежды, и венец сияет на его голове! Я не могла и надеяться встретить лучшего жениха, — сказала принцесса и расхохоталась так звонко, что от ее смеха зазвенели стекла.

Лицо бедного отца омрачилось, а Пер, глядя на него, кивал головой, точно говоря: «Слышу и понимаю».

— А что ты скажешь, если я велю тебе выйти за него замуж? — спросил король.

— Я отвечу, что ему придется прежде подумать, а уж потом

идти ко мне во дворец, потому что рыкающие львы стоят у входа в мой дом, а над моей дверью парит громадный орел. Впрочем, может быть, жених не испугается зверей, однако он сейчас же убежит, когда увидит, что я старая колдунья и каждую ночь вылетаю на метле из окошка, — ответила принцесса со смехом.

— Неужели ты не можешь сказать ни слова правды? — спросил Пер.

— Конечно, могу, а потому предупреждаю короля, что ты пришел к нему в замок, желая убить его и завладеть королевским тронном.

Услышав это, король стал бледный как полотно. Между тем Пер спокойно взял три капли воды из своих мехов и брызнул ими на принцессу, говоря:

— Пусть твои слова исполнятся.

Король приказал отвести Пера в темницу, а когда стражники увели молодого человека, принцесса снова расхохоталась.

Она пошла домой, но чуть не упала от ужаса, увидев, что ее выдумки осуществились. У входа в маленький дворец стояли два рыкающих льва. Она хотела убежать, но ее остановил рыцарь в блестящем венце и в платье из золотой парчи; у него были честные глаза и белокурые кудри Пера. Он указал рукой на дверь. Проходя мимо львов, которые разорвали когтями ее платье, принцесса почувствовала, что ее кровь холодеет. Ее ужас усилился, когда она увидела орла, парившего над дверью. Она хотела бежать, но рыцарь остановил ее. С криком бросилась она в дом; орел же ударил ее клювом.

Как только принцесса вошла в комнату и взглянула в зеркало, она с дрожью увидела, что превратилась в старую колдунью. Через мгновение она уже сидела на метле, которая вынесла ее в окно.

Стояла темная ночь, уносясь на метле, принцесса слышала голос рыцаря:

— Благодаря лжи ты сделалась колдуньей, несись же на крыльях северных ветров во мрак, туда, где царит черная тьма, лети в царство смерти.

Быстро-быстро неслась принцесса над лесами и морями, и чем дальше летела она, тем холоднее становилось. Северный ветер развеивал ее платье, ей казалось, что тысячи кнутов бьют ее, и повсюду она видела своего мертвого отца, убитого Пером.

Холодный пот выступал у нее на лбу, но он замерзал, пре-

вращаясь в длинные ледяные сосульки, примерзавшие к ее ресницам и бровям. Принцесса попробовала кричать, но у нее перехватило горло. Вдруг ее закружил вихрь, она стала виться, как легкая снежинка, потом упала в какую-то страшную бездонную пропасть. Долго-долго падала она в темноте ночи, но когда заблестел первый луч солнца, проснулась в своей комнате, ее окружали приближенные.

Весь следующий день принцесса была грустна, однако никому не сказала о причине своей печали. Вечером она спросила у одной из фрейлин, не слыхала ли она чего-нибудь о пришедшем накануне пастухе. Фрейлина ответила, что Пера приговорили к смертной казни. Из глаз принцессы потекли слезы, и она вышла из маленького дворца, чтобы рассказать королю всю правду. Но едва красавица очутилась во дворе, как раскаяние замерло в ней. Она хотела уже вернуться, но перед дверями дворца опять стояли страшные львы с оскаленными зубами.

Рыцарь весь в золоте подошел к ней и поразил львов шпагой.

— За твое раскаяние я прогоню также и орла, который парит над дверью, — сказал он, и, когда хищная птица улетела, прибавил: — Я благодарю тебя за то, что ты заплакала о моей судьбе.

— Кто? Я? Я плакала из-за тебя? Ну, нет, извини. Напротив, когда тебя казнят, я буду хохотать, ты слишком мучил меня.

В одно мгновение принцесса снова сделалась старой колдуньей, как накануне, и услышала, что рыцарь говорит:

— Благодаря лжи ты сделалась колдуньей, несись же на крыльях северных ветров во мрак, туда, где стоит вечная тьма, в царство смерти.

И принцесса вылетела в окно, и вихрь всю ночь носил ее и крутил над холодными равнинами, покрытыми вечным льдом и снегом.

На следующий день она спросила своих приближенных о Пера, и одна из фрейлин сказала, что пастух скоро казнят.

Принцесса залилась слезами и выбежала из дворца, чтобы рассказать отцу о своей вине, но она остановилась перед дверями замка и повернула назад.

Снова появился одетый в золото рыцарь, он казался более кротким, чем накануне, проводил принцессу до ее дома и на прощание сказал ей:

— Благодарю тебя за то, что ты плакала обо мне.

Принцесса рассердилась, но, увидя упрек в глазах рыцаря, смягчилась, в ее сердце потух гнев, и из ее глаз снова побежали слезы.

В эту ночь северный ветер кружился один, раскаяние избавило принцессу от мучительного полета.

Через три дня Пера освободили из темницы и позволили ему поговорить с принцессой. Когда она вошла в залу замка, все присутствующие удивились ее бледности.

— Что ты скажешь о твоём женихе? — спросил король.

— Я скажу, что он невиновен в том преступлении, в котором я его обвиняла, и что он мой лучший друг, — ответила принцесса.

Пер улыбнулся, но король заметил:

— Все присутствующие могут сказать, что ты лжешь, у тебя не может быть ни подруги, ни друга. Я скорее верю тому, что ты сказала в прошлый раз, а потому через шесть дней велю его казнить.

Принцесса упала на колени, заплакала и стала просить отца помиловать Пера, но король был неумолим.

— Как может он быть твоим другом? — продолжал король. — Ведь ты не виделась и не разговаривала с ним.

— Я часто говорила с ним, — с мукой в голосе сказала принцесса и, желая спасти Пера, выдумала, будто она каждую ночь подходила к его тюрьме, беседовала с ним и за это время поняла, что он ее лучший друг.

Тем не менее Пер бросил на нее шесть капель воды и сказал:

— Не уклоняйся от правды, даже в опасности. Иди и пусть твои слова осуществляются, мы увидимся через шесть дней.

После этого стражники увели Пера в темницу. На этот раз принцесса не рассмеялась, напротив, она заплакала, да так горько, что трава и цветы увядали всюду, куда падали ее горячие слезы.

Когда совсем стемнело и все стихло вокруг замка, принцесса почувствовала жестокую тревогу и никак не могла заснуть. Она думала о невинном узнике, которого должны были скоро казнить из-за нее, наконец выскользнула из комнаты, прошла мимо заснувших фрейлин, потом мимо стражников и пошла к тюрьме.

Там, продев белые руки между решетками и скрестив пальцы, она умоляла Пера простить ей то зло, которое она ему причинила.

Пер взял ее за руки и стал утешать. Так разговаривали они до рассвета. На рассвете же принцесса вернулась к себе. Каждую ночь она приходила к темнице, садилась у тюремного окошечка и слушала все, что ее друг говорил ей об огромной силе истины. Когда наступил шестой день и принцесса увидела Пера в большой зале, она не заплакала, напротив, спокойно подошла к королю и сказала:

— Я очень огорчала тебя, дорогой отец, но теперь я не хочу больше лгать и надеюсь, что ты мневеришь, если я скажу, что тот человек, от которого я научилась любить правду, для меня дороже всех остальных.

Король мрачно молчал, через мгновение он сказал дочери:

— Ты ничего не прибавишь раньше, чем его уведут на казнь?

— Умоляю тебя, позволь мне умереть вместе с ним.

Лицо короля прояснилось, и он сказал:

— Я не хочу доводить испытание до конца. Я уверен, что ты говоришь правду.

Король обнял дочь и ее друга, который отучил ее лгать, он благословил их, и вслед за этим сыграли свадьбу.

Празднества были чудо как хороши, и каждый рассказывал оних по-своему, а потому теперь всякий может рассказать какую-нибудь историю о Пере и его жене.

ГЛУПЫЙ КРЕСТЬЯНИН И УМНАЯ ПТИЦА

Немецкая сказка

Старый глуповатый крестьянин поймал в силки удивительно красивую птицу и с изумлением услышал, что она заговорила с ним человеческим голосом и попросила отпустить ее на волю.

— Ах, — сказал крестьянин Иоганн. — Раз ты умеешь так хорошо говорить, ты должна также понимать, что у меня тебе будет гораздо лучше, чем на свободе в лесу.

Тебя посадят в красивую просторную клетку, будут вдоволь кормить и поить чистой ключевой водой. Не печалься же и не бейся больше.

— Ах, — ответила птица, — ведь я рождена, чтобы жить на свободе, в поле, в лесу, и никогда не буду чувствовать себя хорошо в клетке.

— Ну, погоди, попробуй, — сказал Иоганн. Но бедная птица продолжала проситься на свободу.

— Неужели у тебя нет никакой жалости? — воскликнула она наконец.

— Я недостаточно богат, чтобы быть жалостливым, — со смехом сказал крестьянин. — Деньги для меня важнее всего, а я надеюсь получить за тебя несколько червонцев, ведь ты очень, очень красивая птица.

— Если так, я охотно заплачу тебе за мою свободу.
— Ого! А какой монетой будешь ты платить!
— Понятно, у меня нет с собой кошелька, но я могу дать тебе три совета, которые стоят многих червонцев.

— Какие же это советы? — спросил он.

— Отпусти меня, тогда я скажу, — проговорила птица. — Я не могу тебе доверять. Ты слишком хитер.

Иоганн не знал, что ему и думать, но так как птица продолжала уверять, что три ее совета замечательно ценны, он наконец ее выпустил.

Она весело взмахнула крыльями, поднялась на самую высокую ветку старого дерева и в восторге весело зачирикала.

— Ну, скорее! Я жду советов, которые ты обещала дать мне, — с нетерпением закричал крестьянин.

— Сейчас, сейчас, — сказала птица, глядя на него с высокой ветки. — Вот совет первый: не верь всему, что тебе говорят.

— Это я знал и раньше, — проворчал Иоганн.

— Так смотри, не забывай об этом впредь! Теперь второй: не слишком досадуй, когда теряешь что-нибудь, — произнесла птица, поглаживая клювом перья.

— И все? Надеюсь, последний совет будет получше этой старой, никому не нужной болтовни, — закричал рассерженный Иоганн.

— Конечно, конечно. Последнее вот что: держи крепко то, что у тебя есть.

— Когда я в следующий раз тебя поймаю, я тебе голову сверну, — закричал Иоганн, не помня себя от злобы.

— Но для этого тебе нужно меня поймать, — крикнула птица, распустила крылья, улетела в соседний лес и никогда больше не подлетала к сетям, силкам и ловушкам.

Братья ГРИММ

УДАЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

Погнал раз крестьянин на рынок свою корову и продал ее за семь талеров. На обратном пути пришлось ему проходить мимо пруда, вдруг слышит — издали кричат лягушки:

Ква, ква, ква, ква!

— Да, — сказал он про себя, — этак они прокричат до самого овсяного поля. Нет, я выручил семь, а не два.

Подошел он к пруду и крикнул им:

— Эй, глупые твари! Вы что, разве считать не умеете? Семь талеров, а не два.

Но лягушки остались при своем:

Ква, ква, ква, ква!

— Ну, ежели вы мне не верите, я могу вам сосчитать, — он достал из кармана деньги и отсчитал семь талеров, по двадцать четыре гроша в каждом. Но лягушки не обратили внимания на его счет и закричали опять:

Ква, ква, ква, ква!

— Эх, — крикнул совсем раздосадованный крестьянин, — вы что, лучше меня знаете? Ну, так сами считайте, — и кинул им все деньги в воду.

Стал он на берегу и ждет, пока они кончат считать и вернут ему талеры назад; но лягушки настаивали на своем и все продолжали кричать:

Ква, ква, ква, ква! —

а деньги назад не возвращали.

Прождал он долго, пока не наступил вечер и ему надо было домой возвращаться, он выбрал лягушек и крикнул:

— Эй, вы, квакушки, большеголовые да пучеглазые! Ротищато у вас большие, вы так кричите, что вас послушать — уши заболят, а семи талеров сосчитать все-таки не сумели. Вы думаете, я буду стоять и дожидаться, пока вы окончите? — И он ушел, а лягушки продолжали кричать ему вслед:

Ква, ква, ква, ква!

И он вернулся домой совсем раздосадованный.

А вскоре он приторговал себе другую корову, зарезал ее и рассчитал, что ежели мясо продаст удачно, то выручит столько, сколько стоили бы две коровы вместе, да получит еще и шкуру в придачу. Вот пришел он с мясом в город, а к городским

воротам сбежалась целая свора собак, и была впереди всех большая борзая. Она подбежала к нему, понюхала и залаяла:

Гав, гав, гав, гав!

Вот лает она и лает, а крестьянин ей и говорит:

— Да, я понимаю, что ты говоришь: дай, мол, дай! Ты просишь небось кусок мяса, а мне что тогда останется, ежели я тебе отдам?

А собака все ему в ответ:

Гав, гав!

— Ты сама всего небось не съешь, а для своих товарищей просишь?

Гав, гав! —

отвечает собака.

— Ну, ежели ты на этом настаиваешь, то я тебе мясо оставлю: я знаю тебя хорошо, мне известно, у кого ты служишь. Так вот что скажу я тебе: через три дня я должен получить свои деньги, а не то плохо тебе придется. Ты можешь принести их мне домой.

И он свалил мясо на землю и воротился домой. А собаки принялись за мясо и громко залаяли:

Гав, гав!

Услыхал это издали крестьянин и подумал: «Они все теперь просят «дай», но платить мне будет за всех большая собака».

Прошло три дня, и подумал крестьянин: «Нынче вечером деньги будут у меня в кармане», — и остался этим очень доволен. Но никто не собирался к нему приходить и отдавать деньги.

— Ни на кого нельзя теперь положиться, — сказал он и, потеряв терпение, отправился наконец в город к мяснику требовать свои деньги. Мясник подумал, что тот шутит, но крестьянин сказал:

— Нет, шутки в сторону, я хочу получить свои деньги. Разве большая собака не приносила вам домой давеча целой коровьей туши?

Рассердился тут мясник, схватил метлу и выгнал крестьянина из дому.

— Постой, — сказал крестьянин, — есть еще правда на свете!

Пошел в королевский замок и стал просить, чтобы его выслушали. Привели его к королю, — а сидел король вместе со своей дочерью, — и спрашивает, какая беда с ним случилась.

— Ох, — сказал крестьянин, — лягушки и собаки отняли у меня мое добро, а мясник расплатился со мной палкой, — и рассказал подробно все, как было. Начала тут королева громко смеяться, и сказал король крестьянину:

— В этом деле я тебе ничем помочь не могу, но за это ты должен получить дочь мою в жены: она отроду еще ни разу не засмеялась, и я обещал выдать ее замуж за того, кто ее рассмешит. Можешь теперь благодарить бога за свое счастье.

— О-о, — ответил крестьянин, — да на что она мне сдалась: у меня есть дома жена, и той мне вполне хватит; как вернусь я домой, все мне чудится, будто в каждом углу у меня по жене.

Разгневался король и говорит:

— Ты грубиян!

— Ах, господин мой король, — ответил крестьянин, — и чего вам ждать от вола, как не воловьего мяса!

— погоди! — ответил король. — Ты получишь у меня другую награду. Теперь убирайся вон, а спустя три дня приходи опять, получишь сполна все свои пятьсот.

Подошел крестьянин к дверям, а стража ему и говорит:

— Ты рассмешил королевну и получишь за это что-нибудь подходящее.

— Да, — ответил крестьянин, — думаю, что мне пятьсот отсчитают.

— Послушай, — говорит солдат, — уступи мне из них толику! Что тебе со всеми деньгами делать?

— Уж я для тебя, — говорит крестьянин, — готов уступить двести. Приходи через три дня к королю и попроси, чтоб он тебе выплатил.

А стоял вблизи какой-то меняла и разговор тот слышал, подбежал он к крестьянину, схватил его за куртку и говорит:

— Вот чудо господне, какой вы, однако, счастливец! Я вам деньги обменяю, готов дать мелочью, ведь что вам с целыми талерами делать?

— Маушель, — сказал крестьянин, — да я тебе дам целых триста, только дай мне сейчас мелочь, а спустя три дня король за это с тобой рассчитается.

Обрадовался меняла такому барышу, принес все деньги в потертых грошах, а за три таких гроша давали два новеньких. Прошло три дня, явился крестьянин согласно приказу к королю.

— Снимите с него куртку, — сказал король, — сейчас он получит свои пятьсот.

— Ах, — сказал крестьянин, — да они уж мне не принадлежат: двести я подарил страже, а триста мне один меняла обменял, от королевства мне ничего не причитается.

В это время входят солдат и меняла и требуют то, что посулил им крестьянин; и получил каждый из них ровно по столько же ударов. Солдат перенес это терпеливо, он уже не раз это пробовал, но меняла жалобно завопил:

Ой, ой, ой, да разве же это звонкие талеры?

Рассмешил крестьянин короля, поостыл у того гнев, и он сказал:

— Так как ты награду свою потерял прежде, чем успел ее получить, то я дам тебе взамен нее вот что: ступай ко мне в казначейство да набери себе там золота, сколько хочешь.

Крестьянин не заставил себя долго упрашивать и набил себе полные карманы, сколько туда влезло. Потом он пошел в харчевню и стал свои деньги считать. А меняла шел за ним следом и слышал, как крестьянин ворчал про себя:

— Вот король-то мошенник какой, здорово меня надул! Если бы он выдавал мне деньги сам, то я знал бы, по крайней мере, что имею, а теперь откуда мне знать, правильно ли то, что я наугад себе сунул в карман.

«Спаси господи, — сказал про себя меняла, — он говорит непочтительно о нашем короле, побегу-ка я донесу ему об этом и получу за это награду, а его вдобавок еще и накажут».

Услыхал король про такие речи крестьянина, разгневался и велел позвать менялу и привести с собой грешника. Побежал меняла к крестьянину:

— Вы, — говорит, — должны явиться тотчас к королю, вот так, в чем стоите.

— Я уж лучше знаю, как подобает, — ответил крестьянин, — сперва велю пошить себе новую куртку: ты думаешь, что человек, у которого столько денег в кармане, может явиться в старой, поношенной куртке?

Понял меняла, что крестьянина без новой куртки не увести, а он боялся, что гнев у короля пройдет, а идти-то ведь за наградой ему, а крестьянину за наказанием, — вот и говорит он:

— Я готов вам по дружбе одолжить на короткое время прекрасный камзол. Уж чего не сделает человек из любви к ближнему!

Это крестьянину понравилось, он надел камзол менялы и пошел с ним вместе. Сообщил король крестьянину про злые его речи, о которых донес ему меняла.

— Эх, — сказал крестьянин, — что говорит меняла, то всегда бывает неправдой, от него ни одного верного слова не дождешься. Вот он станет еще утверждать, что я и камзол его надел.

— А что ж, — крикнул меняла, — разве камзол не мой собственный? Разве не одолжил я его вам по дружбе, чтобы вы могли явиться к королю?

Услыхал это король и говорит:

— Одного уж из нас — или крестьянина, или меня, — а меняла, наверно, надул. — И он велел в доплату ему отсчитать еще «звонких талеров».

А крестьянин воротился домой в новом камзоле и говорит:

— Вот на этот раз ловко сошло.

ЧУДАКОВАТЫЙ МУЗЫКАНТ

Жил-был однажды на свете чудаковатый музыкант. Шел он раз по лесу один-одинешенек и раздумывал о всякой всячине; но когда ему думать было уж не о чем, он молвил про себя:

«Время в лесу тянется медленно, надо бы себе подыскать доброго товарища».

Он взял скрипку, которая висела у него за спиной, и стал на ней наигрывать что-то веселое, да так, что было слышать по всему лесу.

Вскоре выбежал из лесной чащи волк.

— А-а, вот и волк явился! Его-то я меньше всего хотел бы видеть, — сказал музыкант.

Но волк подступил ближе и говорит ему:

— Ох, милый музыкант, как ты, однако, хорошо играешь! Так и я бы не прочь научиться.

— Этому делу недолго обучиться, — ответил ему музыкант, — только ты должен исполнить все, что я тебе велю.

— О-о, музыкант, — сказал волк, — я буду тебя слушаться, как ученик своего учителя.

Музыкант велел ему идти вслед за собой. Вот прошли они часть дороги вместе, подошли к старому дубу; и было внутри него дупло, а посередине дерево было расщеплено.

— Смотри, — сказал музыкант, — если хочешь научиться играть на скрипке, то заложи передние лапы в расщелину.

Волк послушался, а музыкант тем временем быстро поднял с земли камень и загнал волку обе лапы в расщелину, да так крепко, что тот оказался в ловушке и нельзя ему было и пошевелинуться.

— А теперь жди меня, пока я вернусь, — сказал музыкант и пошел своей дорогой дальше.

Прошло ни много ни мало времени, и говорит музыкант опять про себя: «Здесь, в лесу, время тянется долго, надо бы себе раздобыть другого товарища». Он взял свою скрипку и заиграл на весь лес. Вскоре, пробиваясь через заросли, явилась лиса.

— Ах, вот и лиса явилась! — сказал музыкант. — Но видеть ее у меня нет особой охоты.

А лиса подошла к нему и говорит:

— Ой, милый музыкант, как ты прекрасно играешь! Так бы и мне тоже хотелось научиться.

— Что ж, научиться этому можно быстро, — сказал музыкант, — только ты должна исполнять все, что я тебе велю.

— О, музыкант, — ответила лиса, — я буду тебя слушаться, как ученица своего учителя.

— Ступай за мной, — сказал музыкант.

Вот прошли они часть пути и подошли к тропе, по обеим сторонам которой росли высокие кусты. Тут музыкант остановился, пригнул с одной стороны орешничек до самой земли, наступил на его верхушку ногой, а с другой стороны нагнул другое деревцо и говорит:

— Ну, что ж, лисонька, ежели ты чему-нибудь хочешь научиться, то протяни-ка мне свою левую переднюю лапу.

Лиса послушалась, и музыкант привязал ее лапу к левому стволу дерева.

— А теперь, лисонька, — сказал он, — протяни мне правую, — и привязал лапу к правому стволу дерева. Потом он

посмотрел, прочно ли завязаны узлы, и отпустил лису; и вот поднялись деревья вверх и подбросили лисичку высоко-высоко; она повисла в воздухе и стала трепыхаться.

— А теперь дождайся меня, пока я вернусь, — сказал музыкант и двинулся дальше.

И опять говорит про себя: «Время в лесу тянется медленно; надо бы мне найти себе другого товарища». Он взял свою скрипку, и разнеслись звуки по всему лесу. Вот прискакал к нему зайчик.

— Ах, зайчик явился! — сказал музыкант. — А я-то его и не звал.

— Ох, милый музыкант, — сказал зайчик, — как ты прекрасно играешь на скрипке, хотел бы и я научиться так играть.

— Этому делу быстро можно научиться, — сказал музыкант, — только ты должен делать все, что я тебе велю.

— О музыкант, — ответил зайчик, — я буду тебя слушаться, как ученик своего учителя.

Прошли они часть дороги вместе, подошли к лесной поляне; а стояла там осина. Привязал музыкант зайчику на шею длинную бечевку, а другой конец прикрепил к дереву.

— Ну, зайчик, а теперь беги-ка двадцать раз вокруг дерева, — крикнул музыкант.

Зайчик послушался, обежал двадцать раз вокруг осины, и двадцать раз обкрутилась бечевка вокруг ствола, и зайчик был пойман; и как ни тянул он и ни грыз бечевку, она только больше и больше врезалась в его нежную шею.

— А теперь дождайся, пока я назад вернусь, — сказал музыкант и двинулся дальше.

А волк тем временем все дергался, тянул, кусал камень и трудился до тех пор, пока не высвободил лап и не вытащил их из расщелины. Разгневанный, разъяренный, он кинулся вслед за музыкантом и решил его разорвать. Увидала лиса бегущего волка, начала выть и завопила во все горло:

— Братец мой волк, ступай ко мне на помощь, меня музыкант обманул!

Нагнул волк деревья, перегрыз веревки и освободил лису; и отправились они вместе, чтоб отомстить музыканту. Они нашли привязанного зайчика, освободили его тоже, а потом все вместе кинулись на поиски своего врага.

А музыкант, идя по дороге, заиграл опять на своей скрипке, но на этот раз ему посчастливилось больше. Его игру услышал

один бедный дровосек, и он невольно бросил свою работу и пришел с топором в руке, чтобы послушать музыку.

— Наконец-то явился ко мне настоящий товарищ, — сказал музыкант, — ведь я-то искал человека, а не диких зверей.

И он начал играть на скрипке и играл так прекрасно и с таким мастерством, что бедняк стоял, как зачарованный, и сердце у него ширилось от радости. И когда он стоял, явились волк, лиса и зайчик; и заметил дровосек, что они замышляют что-то недоброе. Поднял тогда дровосек свой острый топор и стал впереди музыканта, словно желая этим сказать: «Кто посмеет его тронуть, берегись, тому придется дело иметь со мной!» Испугались тогда звери и убежали назад в лес, а музыкант сыграл дровосеку еще раз в знак благодарности и пошел себе дальше.

СМЫШЛЕННЫЙ ГАНС

Спрашивает мать Ганса:

— Ты куда, Ганс?

Ганс отвечает:

— К Гретель.

— Смотри, Ганс, чтоб все было ладно.

— Все будет ладно. Прощай, матушка.

— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день, Гретель!

— Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?

— Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу иголку.

Говорит Ганс:

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Ганс.

Берет Ганс иглу, втыкает ее в повозку с сеном и идет вслед за повозкой домой.

— Добрый вечер, матушка.

— Добрый вечер, Ганс. Где ты был?

— Был я у Гретель.

— А что ж ты ей подарил?

- Ничего не дарил, она мне дала.
- Что ж тебе Гретель дала?
- Иголку дала.
- Ганс, а где же иголка?
- Воткнул в повозку с сеном.
- Глупо ты поступил, Ганс, надо было ее в рукав воткнуть.
- Ничего, в другой раз сделаю лучше.

- Ты куда, Ганс?
- К Гретель, матушка.
- Смотри ж, Ганс, чтоб все было ладно.
- Все будет ладно. Прощай, матушка.
- Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

- Добрый день, Гретель.
 - Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?
 - Ничего не принес, получить бы хотел.
- Подарила Гретель Гансу нож.
- Прощай, Гретель.
 - Прощай, Ганс.

Берет Ганс нож, втыкает его в рукав и идет домой.

- Добрый вечер, матушка.
- Добрый вечер, Ганс. Где ты был?
- Был я у Гретель.
- А что подарил ей?
- Ничего не дарил, она мне дала.
- А что ж тебе Гретель дала?
- Нож дала.
- Где же нож, Ганс?
- Да я его в рукав воткнул.
- Глупо ты, Ганс, поступил, нож надо было в карман положить.
- Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

- Ты куда, Ганс?
- К Гретель, матушка.
- Смотри ж, Ганс, чтоб все было ладно.
- Все будет ладно. Прощай, матушка.

— Прощай, Ганс.

— Ты куда, Ганс?

— К Гретель, матушка.

— Смотри, чтоб все было ладно.

— Уж будет ладно. Прощай, матушка.

— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день, Гретель!

— Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?

— Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу молодую козочку.

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Ганс.

Берет Ганс козу, связывает ей ноги и кладет ее в карман.

Приходит домой, а козочка по дороге задохнулась.

— Добрый вечер, матушка.

— Добрый вечер, Ганс. Где ты был?

— Был я у Гретель.

— Что ж ты ей подарил?

— Ничего не дарил, она мне дала.

— А что ж тебе Гретель дала?

— Козочку дала.

— А где же, Ганс, козочка?

— Я в карман ее положил.

— Глупо ты сделал, Ганс, надо было козу на веревку привязать.

— Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

— Ты куда, Ганс?

— К Гретель, матушка.

— Смотри, чтобы все было ладно.

— Уж будет ладно. Прощай, матушка.

— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день, Гретель!

— Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?

— Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу сала кусок.

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Ганс.

Берет Ганс кусок сала, привязывает его на веревку и тащит за собой. Сбежались по дороге собаки и сало все съели. Приходит Ганс домой, а в руке у него одна лишь веревка, а на ней ничего.

— Добрый вечер, матушка.

— Добрый вечер, Ганс. Где же ты был?

— Был я у Гретель.

— Что ж ты ей подарил?

— Ничего не дарил, она мне дала.

— А что ж тебе Гретель дала?

— Кусок сала дала.

— А куда же ты, Ганс, сало-то дел?

— Привязал на веревку, повел домой, да собаки стащили.

— Глупо ты сделал, Ганс, надо было сало на голове нести.

— Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

— Ты куда, Ганс?

— К Гретель, матушка.

— Смотри, Ганс, чтоб все было ладно.

— Уж будет ладно. Прощай, матушка.

— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день, Гретель!

— Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?

— Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу телятца.

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Ганс.

Берет Ганс телятца, кладет его на голову, и разбил телятенок все лицо Гансу.

— Добрый вечер, матушка.

— Добрый вечер, Ганс. Где ты был?

— Был я у Гретель.

— Что ж ты ей подарил?

— Ничего не дарил, она мне дала.
— А что же тебе Гретель дала?
— Теленка дала.
— Ганс, а где же теленок?
— Положил его себе на голову, а он мне лицо разбил.
— Эх, глупо ты сделал, Ганс, надо было теленка привести да в стойло поставить.

— Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

— Ты куда, Ганс?
— К Гретель, матушка.
— Смотри, чтобы все было ладно.
— Уж будет ладно. Прощай, матушка.
— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день, Гретель!
— Добрый день, Ганс. Что ж принес ты хорошего?
— Ничего не принес, получить бы хотел.
Говорит Гретель Гансу:
— Пойду я сама с тобой.

Берет Ганс Гретель, привязывает ее на веревку, ведет, приводит к стойлу и крепко-накрепко привязывает. Идет потом Ганс к матери.

— Добрый вечер, матушка.
— Добрый вечер, Ганс. Где же ты был?
— Был я у Гретель.
— Что ж ты ей подарил?
— Ничего не дарил, она со мной вместе пришла.
— Где же ты Гретель оставил?
— Привел ее на веревке, привязал к стойлу, подложил ей травы.
— Это ты, Ганс, глупо сделал, надо было на нее ласково глазами вскинуть.
— Ничего, в другой раз сделаю лучше.

Идет Ганс в стойло, выкалывает всем телятам и овцам глаза и кидает их в лицо Гретель. Рассердилась тут Гретель, вырвалась и убежала, а была ведь невестой Ганса.

УМНАЯ ЭЛЬЗА

Жил-был человек, и была у него дочь, звали ее Умной Эльзой. Вот выросла она, а отец и говорит:

— Пора бы отдать ее замуж.

— Да, — сказала мать, — если только найдется такой человек, что захочет ее взять.

И вот пришел наконец из дальних мест человек, звали его Ганс; стал он к ней свататься, но поставил условие, чтобы Умная Эльза была к тому же и весьма рассудительной.

— О, — сказал отец, — смекалка у нее в голове имеется.

А мать добавила:

— Ах, да уж что и говорить-то: она все понимает, видит даже, как ветер по улице гуляет, и слышит, как мухи кашляют.

— Ну, — сказал Ганс, — а если она окажется не очень смышленной, то я на ней не женюсь.

Вот сидят они за столом, обедают, а мать и говорит:

— Эльза, сходи-ка в погреб да принеси нам пива.

Взяла Умная Эльза с полки кувшин и спустилась в погреб, весело постукивая крышкой, чтобы время шло побыстрей. Пришла она в погреб, поставила перед пивной бочкой скамейку, чтобы не надо было нагибаться, и спина чтоб не заболела, и чтоб не слишком устать. Поставила она перед собой кувшин, отвернула кран и, чтобы глаза не оставались без дела, пока пиво нальется, стала она стену разглядывать; вот смотрит она да разглядывает и заметила вдруг над собой кирку на стене, что забыли там по ошибке каменщики.

И вот начала Умная Эльза плакать и причитать: «Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, и вырастет он, и пошлем мы его в погреб пива нацедить, вдруг упадет ему на голову кирка и убьет его насмерть». Вот сидит она и плачет, изо всех сил причитает по поводу предстоящего несчастья. А в доме наверху ждут в это время пива, а Умная Эльза все не возвращается. Хозяйка и говорит работнице:

— Сходи-ка ты в погреб да погляди, что там с Эльзой случилось.

Пошла работница, видит — сидит Эльза перед бочкой и плачет-заливается.

— Эльза, чего ты плачешь? — спрашивает работница.

— Ох, — отвечает она, — да как же мне не плакать? Коли

выйду я замуж за Ганса и родится у нас ребенок, вырастет он большой, и придется ему пойти в погреб пива нацедить, то вдруг невзначай может упасть ему на голову кирка и убить его насмерть...

И сказала работница:

— Вот какая у нас Эльза умная!

Подсела она к ней и начала тоже горе оплакивать. А в доме все пива ждут не дождутся, а работница не возвращается. Тогда отец и говорит работнику:

— Сходи-ка ты в погреб да погляди, что там Эльза с работницей делают.

Спустился работник в погреб, видит — сидит Умная Эльза с работницей и обе плачут. Спрашивает он у них:

— Чего вы плачете?

— Ох, — отвечает Эльза, — да как же мне не плакать? Коли выйду я замуж за Ганса и родится у нас ребенок, вырастет он большой, и придется ему пойти в погреб пива нацедить, то вдруг упадет ему на голову кирка и убьет его насмерть...

Работник и говорит:

— Вон какая у нас Эльза умная! — подсел к ней и тоже заплакал. А в доме ждут работника, а он все не возвращается. Тогда отец говорит матери:

— Сходи-ка ты сама в погреб да погляди, что там с Эльзой случилось.

Спустилась мать в погреб, видит — все трое плачут. Спрашивает она у них, чего это они плачут; и рассказала ей Эльза, что ее будущего ребенка, когда он подрастет, может убить кирка — будет он наливать пиво, а кирка вдруг и упадет ему на голову. И сказала мать:

— Ох, какая же у нас умная Эльза! — и подсела к ним и тоже заплакала.

Подождал отец немного, видит — мать тоже не возвращается, а выпить пива все больше и больше хочется. Вот и говорит он:

— Надо будет мне самому в погреб сходить да посмотреть, что это там с Эльзой случилось.

Спустился он в погреб, видит — сидят все рядышком и горько плачут; узнал он, что причиной тому Эльзин ребенок, которого она, пожалуй, когда-нибудь родит, и что может его убить кирка, если, нацеживая пиво, он будет сидеть как раз под киркой, а в это время она может упасть, и он воскликнул:

— Какая же у нас, однако, умная Эльза! — сел и тоже вместе с ними заплакал.

Долго дожидался жених в доме один, но никто не возвращался, и подумал он: «Пожалуй, они меня внизу ожидают, надо будет и мне тоже туда сходить да поглядеть, что они там делают». Спустился он вниз, видит — сидят они все впятером и плачут-рыдают, да так жалобно — один пуще другого.

— Что у вас за беда случилась? — спрашивает он.

— Ах, милый Ганс, — ответила Эльза, — когда мы с тобой поженимся и будет у нас ребенок, вырастет он большой, то может случиться, что пошлем мы его в погреб пива нацедить, а кирка, что торчит на стене, может, чего доброго, упасть и разбить его голову и убить его насмерть. Ну, как же нам не плакать об этом.

— Ну, — сказал Ганс, — большего ума для моего хозяйства и не надо. Эльза, ты такая умная, что я на тебе женюсь, — и взял ее за руку, повел наверх и отпраздновал с ней свадьбу.

Пожила она с Гансом немного, а он и говорит:

— Жена, я пойду на заработки. Надо нам деньгами разжиться, а ты ступай на поле жать пшеницу, чтоб был у нас в доме хлеб.

— Хорошо, милый Ганс, я так и сделаю.

Ушел Ганс, наварила она себе вкусной каши и взяла с собой на поле. Пришла туда и сама себя спрашивает:

— Что мне делать? Жать ли сначала или сперва поесть? Э, пожалуй, поею я сначала.

Съела она целый горшок каши, наелась до отвала и опять спрашивает:

— Что мне делать? Жать ли или, может, сперва поспать? Пожалуй, посплю я сперва. — Легла она в пшеницу и уснула.

А Ганс в это время давно уже домой воротился, а Эльзы все нету и нету. Вот он и говорит:

— Какая у меня умная Эльза, она такая прилежная — и домой не возвращается, и ничего не ест.

А ее все нету и нету. Вот уже и вечер наступил, вышел Ганс в поле поглядеть, сколько она пшеницы нажала; видит, что ничего не сжато и лежит Эльза в пшенице и спит. Побежал Ганс поскорей домой, принес с собой птицеловную сеть с бубенцами и накинул ее на Эльзу; а она все продолжает спать. Побежал он домой, запер двери, уселся на лавку и принялся за работу.

Наконец совсем уж смерклось, проснулась Умная Эльза, и только она поднялась, а бубенцы на ней и зазвенели, и что ни

сделает она шаг, а бубенцы все звенят и звенят. Испугалась она и призадумалась: а вправду ли она Умная Эльза? И стала сама себя спрашивать: «Я ли это или не я?» И сама не знала, как ей на это ответить, и стояла она некоторое время в сомнении; наконец она подумала: «Пойду-ка я домой да спрошу, я ли это или не я, они уж наверное знают».

Прибежала она домой, а двери заперты. Постучала она в окошко и спрашивает:

— Ганс, дома ли Эльза?

— Да, — ответил Ганс, — она дома.

Испугалась она и говорит:

— Ах, боже мой, значит, это не я! — и кинулась к другим дверям. А люди услышали звон бубенцов и не захотели ей отпирать, и нигде не нашлось ей приюта. И убежала она тогда из деревни; и никто ее с той поры больше не видел.

СТОЛИК-НАКРОЙСЯ, ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ И ДУБИНКА ИЗ МЕШКА

Давно тому назад жил на свете портной. Было у него три сына и одна-единственная коза; она их всех молоком кормила, и потому приходилось за ней ухаживать как следует и каждый день гонять ее на пастбище.

Сыновья пасли козу каждый по очереди. Погнал ее раз старший сын пастись на кладбище, а трава росла там высокая да сочная, вот коза щипала траву и прыгала. Вечером, когда надо было уже домой возвращаться, он у нее и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

Ответила коза:

*Я уж так сыта,
Что не съесть мне больше ни листа.
Ме-ме!*

— Ну, так ступай домой, — сказал мальчик. Взял ее за веревочку, привел в стойло и крепко привязал.

— Ну, — спросил старик портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но захотелось отцу самому в этом убедиться, и он пошел в стойло, погладил любимую свою козочку и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

И ответила ему коза:

С чего же быть мне сытою?

Скакала я через могилочку

И съела лишь былиночку.

Ме-ме!

— Что я слышу! — воскликнул портной, выскочил из стойла и говорит сыну: — Эх ты, лгунишка, что же ты говоришь, что коза наша сыта, она-то совсем голодная! — и, разгневавшись, он взял со стены свой аршин, побил сына и прогнал его со двора.

На другой день настал черед пасти козу среднему сыну. Вот нашел он в саду возле забора местечко, где трава была хорошая, и коза всю ее поела. Вечером он собрался домой и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

А коза отвечает:

Я уж так сыта,

Что не съест мне больше ни листа.

Ме-ме!

— Тогда ступай домой, — сказал мальчик, повел ее и крепко привязал к стойлу.

— Ну, — спросил старик портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но портной решил сам в этом убедиться. Он пошел в стойло и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

И ответила коза:

Да как же мне быть сытою?

Скакала я через могилочку

Да съела лишь былиночку.

Ме-ме!

— Ах ты, этакий злодей! — крикнул портной. — Такую смирную козу да еще заставлять голодать! — И он выбежал из стойла, схватил аршин, отчесал им сына и прогнал его со двора.

Пришел черед младшему сыну козу пасти, и порешил он дело поставить лучше: нашел заросль с густою листвою и стал пасти там козу. Вечером, когда подошло время домой возвращаться, спрашивает он козу:

— Сыта ли нынче, коза моя?

И ответила коза:

*Я уж так сыта,
Что не съест мне больше ни листа.
Ме-ме!*

— Ну, так ступай домой, — сказал мальчик, повел ее в стойло и крепко-крепко привязал.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но портной тому не поверил, пошел в стойло и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза наша, нынче?

И ответила злая коза:

*С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!*

— Ах ты, лживая тварь! — воскликнул портной. — Все вы тут лентяи да негодяи! Ну, теперь уж в дураках меня не оставите! — и, разгневанный, он выскочил из стойла да так отчесал по спине бедного мальчика, что тот еле из дому выскочил.

И остался старик портной один со своею козой. На другое утро зашел он в стойло, начал ласкать и гладить козу и говорит:

— Иди, моя милая козочка, я уж сам тебя поведу на пастбище.

Взял он ее за веревку и завел в зеленые кусты, где росла трава-деревей и другие растения, которые так любят щипать козы.

— Тут уж ты хоть раз, а вдосталь наешься, — сказал он и оставил ее пастись до самого вечера. А потом спрашивает ее: — Сыта ли ты, коза моя?

И она ответила:

*Я уж так сыта,
Что не съест мне больше ни листа.
Ме-ме!*

— Ну, так ступай тогда домой, — сказал портной, отвел ее в стойло и привязал крепко-накрепко. Он ушел, а потом вернулся опять и спрашивает: — Ну, что, а теперь-то ты сыта?

Но коза ответила то же, что и сыновьям:

*С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!*

Услыхал это портной да так и остолбенел; он понял, что понапрасну выгнал своих трех сыновей из дому.

— погоди уж, — закричал он, — неблагоприятная ты тварь! Тебя мало со двора прогнать, я тебе еще такую отметину сделаю, что ты честным портным и на глаза не покажешься!

Выскочил он из хлева, принес свою бритву, нагнул козе голову и выбрил ее наголо. Потом взял плетку и так отчесал козу, что пустилась она бежать от него со всех ног.

И остался портной один-одинешенек в своем доме. Стало ему очень грустно и захотелось теперь вернуть своих сыновей, да никто не знал, куда они девались.

Старший из них поступил в обучение к одному столяру и учился у него прилежно и старательно, и когда срок ему вышел и пришло время идти странствовать и работу искать, подарил ему мастер столик, с виду совсем неказистый, и сделан он был из простого дерева; но было у него одно свойство — если поставить его и сказать: «Столик, накройся!» — то добрый столик тотчас накрывался чистой маленькой скатертью, и стояли на нем тарелки, а рядом нож и вилка, и столько вареного и жареного, сколько места хватало, да еще большой стакан красного вина искрился так, что сердце прямо радовалось.

Вот молодой подмастерье и подумал: «Ну, этого-то мне, пожалуй, на целую жизнь хватит!» — и, довольный и веселый, отправился странствовать по свету; и его мало огорчало, хороша ли, плоха ли гостиница и можно ли там найти что поесть. Иногда он в нее и вовсе не заходил, а ставил свой столик перед собой, где ему было любо, будь то в поле, в лесу или на лугу, и говорил: «Столик, накройся!», и тотчас являлось все, что его душе было угодно.

Наконец подумал он, что пора бы ему и домой к отцу воротиться — гнев у него, пожалуй, уже поостыл, а с таким столиком старик примет его назад охотно. Но случилось так, что по пути домой забрел он под вечер в гостиницу, а гостей там было полным-полно. Они поздоровались с ним и пригласили его присесть с ними вместе за стол и поужинать, а то трудно-де будет ему здесь что-нибудь получить.

— Нет, — ответил молодой столяр, — зачем я буду вас еще объедать, уж лучше вы будьте моими гостями.

Посмеялись они и подумали, что они над ними шутит. Но он поставил свой деревянный столик посреди комнаты и сказал: «Столик, накройся!» И вмиг появились на нем кушанья, да такие вкусные, что подобных и сам хозяин гостиницы не мог бы им предложить, и запах пищи приятно щекотал нос гостям.

— Ну, давайте начнем, дорогие друзья, — сказал столяр.

И гости поняли его как должно и не заставили себя долго упрашивать, подсели к столику, достали свои ножи и смело и принялись за еду. И что удивило их больше всего — это то, что когда они съедали одно кушанье, то вмиг появлялось само собой на его место другое. А хозяин стоял в сторонке и все это видел; он не знал, что ему и сказать, и подумал: «Да, такого повара и мне в хозяйстве неплохо бы иметь».

Столяр и его гости веселились до самой поздней ночи и наконец улеглись спать, а с ними и молодой подмастерье, а столик свой волшебный он поставил к стене. Но хозяину гостиницы мысли о нем не давали покоя; он вспомнил, что у него в кладовой стоит старый столик, точь-в-точь похожий на этот, и он принес и тихонько подменил волшебный столик своим.

На другое утро столяр уплатил деньги за ночлег, взял столик, не подозревая, что его подменили, и отправился своим путем-дорогой дальше. К полудню пришел он к отцу, и тот встретил его с большой радостью.

— Ну, дорогой сынок, чему же ты научился? — спросил он кого.

— Стал я, батюшка, столяром.

— Что ж, это хорошее ремесло, — ответил старик, — а что ты принес домой, что заработал во время странствий?

— Батюшка, самое дорогое, что я принес с собой, — это вот этот столик.

Осмотрел его портной со всех сторон и говорит:

— Что ж, сделан-то он неважно, столик старый и плохой.

— Но ведь это «столик-накройся», — ответил сын, — если поставить его да сказать, чтоб он накрылся, то появятся на нем тотчас самые прекрасные блюда, да еще и вино, чтоб сердцу было веселей. Вы вот пригласите всех родных и друзей, пусть попируют и попьют — столик их всех накормит.

Вот собрались гости. Взял он свой столик, поставил его посередине комнаты и говорит: «Столик, накройся!» Но столик даже и не пошевелился и остался таким же пустым, как и всякий другой, который слов не понимает. Понял тогда бедный подмастерье, что столик-то подменили, и стыдно стало ему, что оказался он перед гостями лгуном.

Посмеялись над ним родственники, и пришлось им несолоно хлебавши домой возвращаться. Достал портной опять свое тряпье и принялся снова за шитье, а сын поступил к мастеру на работу.

Средний сын попал к мельнику и поступил к нему в обучение. Когда ему вышел срок, мастер сказал:

— Ты работал хорошо, и вот за это дарю я тебе осла не простого, а особенного — в упряжку он не годится и мешков тоже таскать не станет.

— Да на что же он мне тогда нужен? — спрашивает молодой подмастерье.

— Он золото выплевывает, — ответил мельник, — ежели поставить его на платок и сказать: «Бриклебрит!», то доброе животное станет выплевывать золотые и сзади и спереди.

— Дело это хорошее, — сказал подмастерье, поблагодарил мастера и отправился странствовать по свету. Когда он нуждался в деньгах, то стоило ему только сказать своему ослу: «Бриклебрит!», и тотчас сыпался дождь золотых, и одна была лишь работа — подымать их с земли.

И куда ни приходил молодой мельник, подавали ему самое

что ни на есть лучшее и самое дорогое, ведь денег-то у него был полон кошелек.

Насмотрелся он всего на свете и подумал: «Что ж, надо бы, пожалуй, теперь и отца проведать, если явиться к нему с золотым ослом, то он, наверно, и гнев свой позабудет и встретит меня хорошо». И случилось так, что попал он в ту же самую гостиницу, в которой его брату подменили столик. Он вел своего осла под уздцы, и хозяин хотел было взять у него осла и привязать его к стойлу, но молодой подмастерье сказал:

— Вы, пожалуйста, не трудитесь, своего серого я уж сам отведу в стойло и сам привяжу, я должен знать, где он будет находиться.

Хозяину это показалось странным; он подумал, что у того, кто должен сам ухаживать за своим ослом, денег-то, пожалуй, не очень густо; но когда незнакомец сунул руку в карман и достал оттуда два золотых и велел дать ему поесть чего получше, то хозяин от удивления глаза вытаращил, побежал и достал самое лучшее, что у него было.

После обеда гость спросил, сколько он должен заплатить; ну, тут уж хозяин мелу не пожалел, подсчитал вдвое больше, чем следует, и сказал, что надо доложить еще два золотых. Сунул подмастерье руку в карман, а золота в нем больше не оказалось.

— Хозяин, вы подождите маленько, — сказал он, — я пойду и принесу вам золотые, — и взял с собою скатерть.

Хозяин не знал, что бы это должно значить; стало ему любопытно, и он пробрался следом за гостем, и когда тот закрыл двери конюшни на засов, стал он поглядывать в щелку. Гость разостлал под ослом платок, крикнул: «Бриклебрит!» — и вмиг посыпалось золото из осла и сзади и спереди, и напало его на землю немало.

— Вот она чертовщина какая! — сказал хозяин. — Да ведь это все новенькие дукаты! Таких и целый кошелек бы неплохо!

Гость оплатил свой трактирный счет и улегся спать. А хозяин пробрался ночью на конюшню, вывел оттуда монетных дел мастера, а на его место привязал другого осла.

На другое утро, только стало светать, отправился подмастерье дальше со своим ослом, думая, что это и есть его золотой осел. К полудню явился он к своему отцу; тот очень ему обрадовался и принял его ласково.

— Ну, скажи, сынок, что ж из тебя вышло? — спросил старик.

— Стал я мельником, милый батюшка, — ответил он.

— А что же принес ты домой из своих странствий?

— Да вот одного лишь осла.

— Ослов-то и здесь достаточно, — заметил отец, — лучше бы ты привел хорошую козу.

— Так-то оно так, — ответил сын, — но ведь это осел не простой, а золотой — скажу я ему: «Бриклебрит!», и навалит он вам на платок целую кучу золота. Вот созовите родных, я всех их сделаю богачами.

— Это дело подходящее, — сказал портной, — теперь незачем мне будет с иглой мучиться, — и побежал тотчас сам и созвал всех родичей в гости.

Собрались гости, и вот просит мельник очистить место, расстилает свой платок и приводит осла в комнату.

— Теперь смотрите, — сказал он и крикнул: «Бриклебрит!», но было то не золото, что на пол упало; и стало всем ясно, что этот осел искусству такому не обучен; да оно и верно, что не всякий осел на это способен бывает.

У бедного мельника лицо так и вытянулось; он понял, что его обманули; и стал он просить у родных прощения, что придется им домой возвращаться такими же бедными, как и раньше. И ничего больше не оставалось, как взяться старику опять за свою иглу, а подмастерью поступить на работу к мельнику.

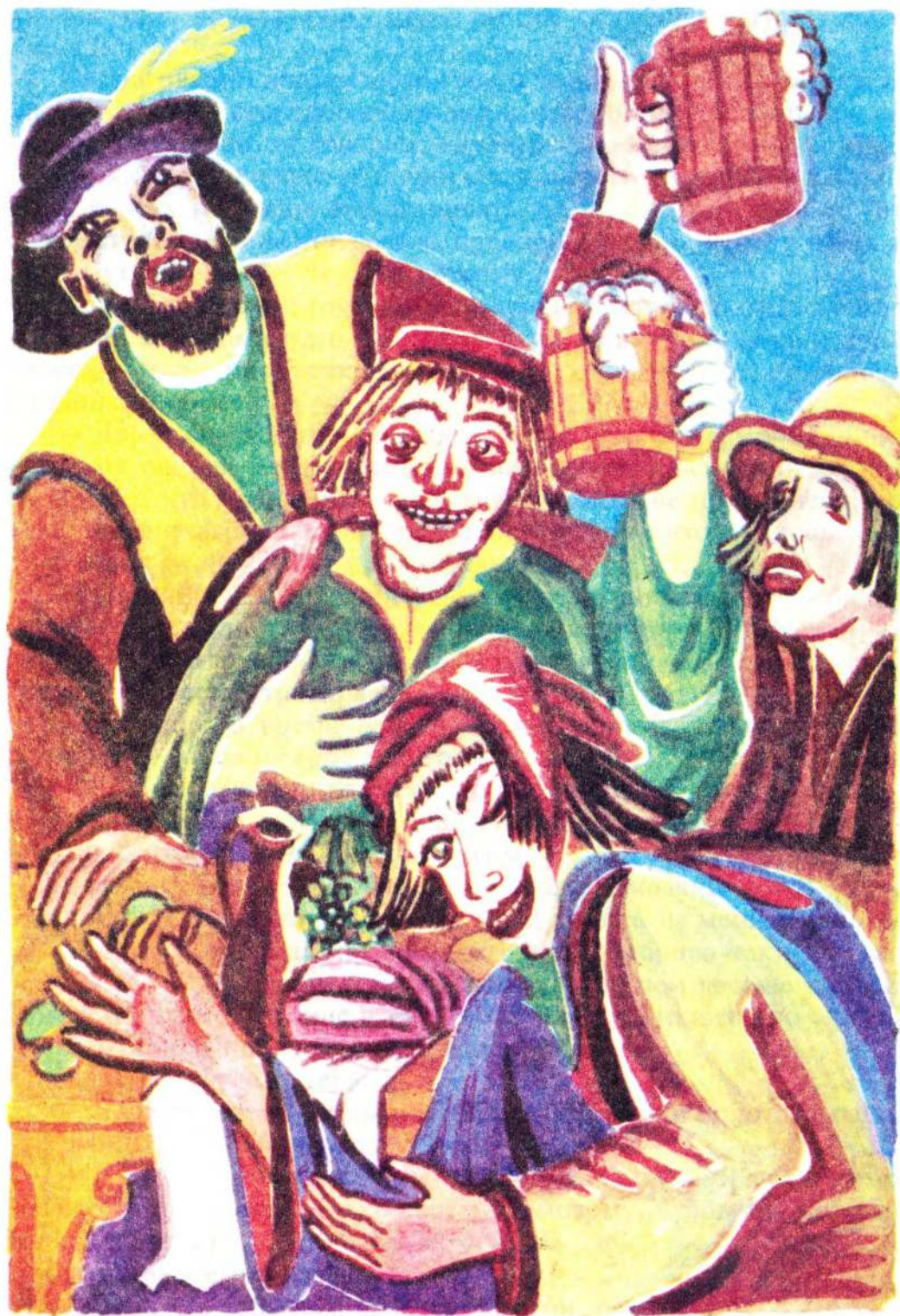
Младший брат попал в обучение к одному токарю, а ремесло это тонкое, вот и пришлось ему дольше всех учиться. Но братья написали ему письмо и сообщили, какая беда с ними приключилась и как в самый последний вечер хозяин гостиницы украл у них их волшебные вещи.

Вот обучался токарь своему ремеслу, и настала пора ему странствовать, работу искать, и подарил ему мастер за хорошее поведение мешок и сказал:

— А лежит в этом мешке дубинка.

— Ну, мешок-то я могу положить себе на плечи, он может мне, пожалуй, и пригодиться, но дубинка на что? От нее только тяжесть одна.

— А вот я тебе объясню, — ответил мастер: — ежели тебя кто обидит, то стоит тебе только сказать: «Дубинка, из мешка!» — и тотчас выскочит она и бросится на людей и станет так весело по их спинам отплясывать, что целую неделю им нельзя будет ни двинуться, ни пошевелинуться; и не остано-

вится она до тех пор, пока ты не скажешь: «Дубинка, в мешок!»

Поблагодарил подмастерье своего хозяина, повесил мешок за плечи, и если кто-либо подходил к нему близко, собираясь на него напасть, то он говорил: «Дубинка, из мешка!» — и мигом дубинка выскакивала и начинала у одного за другим кафтан или куртку на спине выколачивать, да не ожидая, пока ее тот снимет; и так она это делала проворно, что не успеет один и оглянуться, как тут черед и другому подходит.

Пришел молодой токарь под вечер в ту самую гостиницу, где братьев его обманули. Положил свой мешок на стол и стал рассказывать про всякие диковины, которые ему пришлось повидать на свете.

— Да, — сказал он, — бывают этакие столики-самобранки, а бывают еще и ослы золотые и всякая всячина; вещи-то они хорошие, что и говорить, смеяться над этим не приходится, но все это ничего не стоит перед богатством, что удалось мне добыть, а лежит оно у меня в мешке.

Тут хозяин и наострил уши. «Что же оно может быть такое? — подумал он. — Должно быть, мешок полон драгоценных камней. Неплохо бы мне и его заполучить, ведь хорошее-то случается всегда трижды».

Вот подошло время ложиться спать, и завалился гость на скамью и положил себе под голову свой мешок вместо подушки. Хозяин, решив, что гость спит глубоким сном, подошел к нему, ухватился за мешок и ну его тащить тайком да поосторожней, чтоб подменить его другим.

А токарь только этого и ждал; только хозяин хотел было мешок вытащить, токарь крикнул: «Дубинка, из мешка!» И как выскочит дубинка да прямо на хозяина и здорово-таки намяла ему бока. Стал хозяин просить пощады, но чем громче кричал он, тем сильнее, да еще в такт, колотила дубинка его по спине, пока наконец не упал он без чувств наземь.

И сказал тогда токарь:

— Если ты не вернешь «столика-накройся» и золотого осла, то дубинка начнет плясать снова.

— Ой, нет! — застонал еле слышно хозяин. — Я все охотно верну назад, скажи только своему домовому, чтобы он убрался опять в мешок.

И ответил ему подмастерье:

— Ладно, я тебя помилую, но смотри, берегись!

Он крикнул: «Дубинка, в мешок!» — и дубинка оставила хозяина в покое.

На другое утро отправился токарь со «столиком-накройся» и золотым ослом домой к своему отцу. Обрадовался портной, увидев снова своего сына, и спросил его тоже, чему он в чужих краях научился.

— Дорогой батюшка, — ответил тот, — я токарем сделался.

— Это тонкое ремесло, — сказал отец, — ну, а что же принес ты с собой из странствий?

— Дорогую вещицу, милый батюшка, — ответил сын, — дубинку в мешке.

— Что? — закричал отец. — Дубинку? Стоило еще трудиться! Да ведь ее же можно из каждого дерева вытесать.

— Да, но, пожалуй, не такую, милый батюшка; стоит мне только сказать ей: «Дубинка, из мешка!», и вмиг выскочит она и заставит того, кто плохо со мной обращается, так заплясать, что на земле лежать будет да просить о пощаде. Вот видите, благодаря этой дубинке я вернул назад и столик и золотого осла, которые отнял вороватый хозяин гостиницы у моих братьев. Теперь позовите их обоих и пригласите всех родных, я всех досыта и угощу, и напою, и полные карманы им золотом набью.

Старик портной не поверил было тому, однако ж созвал всю родню. Вот разостлал токарь в комнате платок, привел золотого осла и сказал своему брату:

— Ну, милый братец, поговори-ка с ним.

И сказал мельник: «Бриклебрит!» — и тотчас стали падать на платок дождем червонцы; и осел делал это до тех пор, пока у всех золота стало столько, что его еле можно было дотащить.

(А по тебе видать, что и ты не прочь был бы там побывать!)

Потом токарь принес столик и сказал:

— Ну, братец, поговори-ка ты с ним.

И только столяр вымолвил: «Столик, накройся!» — он уже и скатертью был покрыт, и весь богато уставлен самыми прекрасными блюдами. Тут начался пир — и не было за всю жизнь у портного в доме такого обеда, и вся родня засиделась до самой поздней ночи, и все были веселы и довольны.

И запер портной в свой шкаф иглу и нитки, аршин и утюг и стал жить да поживать вместе со своими сыновьями в радости и в богатстве.

— Ну, а куда же девалась коза, что была причиной того, что прогнал портной из дому своих сыновей?

— Это я тебе сейчас расскажу. Стыдно ей стало, что бритая у нее голова, вот и забежала она в лисью нору, да там и спряталась. Вернулась лиса домой, видит, поблескивают в темноте ей навстречу два больших глаза, испугалась она и убежала. Встретился ей по дороге медведь, видит, что лиса в большом смущении, и спрашивает у нее:

— Что это с тобой, лисичка-сестричка, чего это у тебя такой испуганный вид?

— Ох, — отвечает рыжая, — страшный зверь засел у меня в норе и тарашит на меня огненные глазища.

— Да мы его враз выгоним, — говорит медведь, и пошел с ней к норе, и заглянул туда; но как увидел огненные глазища, тут страх на него и напал: что тут со страшным зверем поделаешь? И давай медведь из норы ходу. Тут повстречалась ему пчела; заметила она, что медведю как-то не по себе, и спрашивает:

— Медведь, чего это у тебя вид такой мрачный, куда девалась твоя веселость?

— Тебе-то хорошо рассуждать, — ответил медведь, — а вот у лисы в доме засел страшный зверь, глаза вылучил, и выгнать его мы никак не в силах.

И сказала пчела:

— Жаль мне тебя, медведь; хоть я существо слабое и бедное и вы на меня и глядеть не хотите, но я все-таки могу вам помочь.

И она влетела в лисью нору, села козе на бритую голову и так больно ее ужалила, что та так и подпрыгнула да как закричит: «Ме-ме!» и как угорелая выскочила оттуда. И никто до сих пор так и не знает, куда она забежала.

СТАРЫЙ СУЛТАН

Был у одного крестьянина верный пес; звали его Султаном. Вот состарился он, повыпали у него зубы, и нечем ему было теперь кусать. Стоит раз крестьянин со своей женой у порога и говорит:

— А завтра я старого Султана пристрелить собираюсь, стал он уже никуда негоден.

А жена пожалела верного пса и говорит:

— Да ведь он же нам честно служил столько лет, и нам надо было бы кормить его теперь из милости.

— Э, что ты говоришь, — сказал муж, — видно, у тебя ума не хватает. У него ведь и зубов-то нету, ни один вор его не боится; службу он свою уже отслужил, может себе и убираться. Когда он служил нам, мы ведь его неплохо кормили.

А бедный пес лежал в это время, растянувшись на солнышке, и все это слышал, и стало ему грустно, что завтра его последний день наступает. А был у него добрый товарищ, и был то волк. Вот пробрался к нему пес вечером в лес и стал на судьбу свою жаловаться.

— Послушай, куманек, — сказал ему волк, — успокойся, уж я тебя из беды выручу. Я кое-что надумал. Завтра на рассвете твой хозяин пойдет с женой сено косить, а так как дома некому будет остаться, то возьмут они с собой и своего маленького ребенка. Во время работы они кладут ребенка всегда в тень за кустами. А ты ложись с ним рядом, будто сторожить его собираешься. Я выйду из лесу и утащу ребенка; а ты кинься за мной, будто его отбить у меня хочешь.

Я ребенка вырону, и ты принесешь его опять родителям, и они подумают, что ты его спас, и уж так будут тебе благодарны, что не то чтобы злое тебе что-нибудь сделать, а напротив, будешь ты у них в большой милости, и ни в чем тебе с той поры отказа не будет.

Этот совет псу понравился; задумано — сделано.

Как увидел отец, что волк утащил ребенка и бежит с ним по полю, он стал кричать; но когда старый Султан принес его назад, начал пса гладить и говорит:

— Теперь я в обиду тебя не дам, будешь ты до самой смерти кормиться у меня из милости.

И говорит он жене:

— Ступай скорее домой да навари старому Султану вкусной похлебки, ведь кусать-то ему трудно, да возьми с моей постели подушку, я дарю ее Султану, пускай он на ней спит.

И с той поры стало жить старому Султану так хорошо, что лучшего и желать было нечего.

Приходит после того вскоре волк его навестить, и обрадовался он, что все так хорошо обошлось.

— Ну, куманек, — говорит он, — придется тебе разок прикинуться, будто ты ничего не видишь, а я уж найду случай и утащу у твоего хозяина жирную овечку. Если нынче жить

особняком, нам туго придется.

— Нет, уж на это ты не рассчитывай, — ответил пес, — моему хозяину я останусь верен, на такое дело я не согласен.

Подумал волк, что это он просто так говорит, и подкрался ночью, чтоб овцу утащить. Но верный Султан разгласил хозяину про замысел волка, и тот подстерег его и здорово намял ему цепом бока. Но волку удалось вырваться, и он крикнул псу:

— погоди, скверный товарищ, ты в этом еще расскаешься!

На другое утро послал волк дикую свинью и велел ей вызвать пса в лес, чтобы там порешить дело. И никого не нашел старый Султан себе в помощь, кроме кошки, да и та была без одной ноги. Вот вышли они вместе, и заковыляла бедная кошка в лес и от боли подняла свой хвост вверх.

А волк с товарищем был уже на месте. Увидели они, что противники идут к ним навстречу, и показалось им, будто пес с собой саблю несет, это они поднятый хвост кошки за саблю приняли. А ковыляла несчастная кошка на трех ногах, и они подумали, что это она подымает каждый раз камень, чтобы в них бросить. И стало им страшно: забралась дикая свинья в листья, а волк на дерево вспрыгнул.

Подошли собака с кошкой, видят — никого нету, и они очень удивились. Но дикая свинья не могла вся в листву запрятаться — уши у ней торчали наружу. Огляделась кошка внимательно по сторонам, а тут свинья вдруг ушами задвигала. Подумала кошка, что это мышшь шевелится, и как прыгнет на нее и сильно-пресильно ее укусила. Поднялась свинья с великим воем, бросилась со всех ног бежать и кричит:

— Вон на дереве сидит всему делу виновник!

Глянули кошка и собака наверх и увидели там волка, и стало ему стыдно, что он себя таким трусом показал, и заключил он тогда с псом мир.

МУЖИЧОК

Была одна деревня, где жили все сплошь одни только крестьяне-богатеи; и был один только среди них бедняк, звали они его Мужичком. Не было у него никогда коровы, да и денег на ее покупку тоже не было; а ему и жене его вот как хотелось бы ее иметь! Вот и говорит он ей однажды:

— Послушай, жена, мне пришла в голову добрая мысль: кум-

то ведь наш столяр, пусть сделает он нам из дерева телочку да покрасит ее бурою краской, чтоб была она похожа на телят; со временем она подрастет, вот и будет у нас корова.

Жене это тоже понравилось. И смастерил им кум-столяр и выстругал телочку как следует; краской ее покрасил, как полагается, да устроил еще так, что и голову она наклоняла, будто пасется.

Вот на другое утро погнали коров пастись в поле, а Мужичок звал к себе пастуха и говорит:

— Видишь, есть теперь у меня телочка, да она еще мала, ее надо нести на руках.

Сказал пастух:

— Что ж, ладно, — взял он ее на руки, вынес на пастбище и поставил на травку.

Телочка все стоит, будто траву щиплет, а пастух и говорит:

— Скоро она станет и сама бегать; глянь-ка, она уже и есть умеет.

Вечером собрался он гнать стадо домой и говорит телке:

— Коли можешь стоять и есть уж умеешь как следует, то должна сама и ходить, не стану я тащить тебя домой на руках.

А Мужичок стоит у ворот, дожидается своей телочки. Вот гонит пастух коров по деревне, а телочки и нету. Спрашивает Мужичок о ней у пастуха. А пастух отвечает:

— Она на лугу все пасется да пасется, никак уходить не хочет.

Тогда Мужичок говорит:

— Как это так, ты должен был скотину ко мне домой пригнать.

И вернулись они вместе с пастухом на луг; но кто-то телочку, видно, украл, они там ее не нашли. Вот пастух и говорит:

— Она куда-нибудь забежала.

А Мужичок ему в ответ:

— Как бы не так! — и повел пастуха к старосте; а тот и присудил, что должен пастух за свое нерадение дать Мужичку вместо пропавшей телочки корову.

Вот и получил Мужичок со своей женой корову, которую им так давно хотелось иметь. Они очень обрадовались, но кормуто у них не было и корову им нечем было кормить, и вот пришлось ее зарезать. Мясо они засолили, и Мужичок пошел в город, собираясь продать там шкуру, а на вырученные деньги

купить себе новую телочку. Проходил он мимо мельницы; видит — сидит там ворон со сломанным крылом. Пожалел он его, взял и завернул его в шкуру. Но погода стала плохая, поднялся ветер, и дождь начал лить как из ведра — дальше идти было трудно.

Он вернулся на мельницу и попросил его приютить. Мельничиха была дома одна и говорит Мужичку:

— Что ж, ложись на солому, — и дала ему кусок хлеба с сыром.

Мужичок поел и лег спать, а шкуру положил около себя. Женщина подумала: «Он устал и, пожалуй, уже спит». А тут приходит в гости поп. Мельничиха приняла его ласково и говорит:

— Мужа моего сейчас дома нет, давай вместе закусим.

Мужичок стал прислушиваться, и когда речь зашла об угощении, он подосадовал, что пришлось ему довольствоваться одним только хлебом да сыром. А мельничиха принесла еду и наставила всякой всячины — и вареного, и жареного, салат, пироги и вино.

Только они сели за стол и начали есть, как кто-то постучался в дверь. Мельничиха говорит:

— Ах, господи, это, пожалуй, мой муж.

Живо сунула она жаркое в печурку, вино — под подушку, салат — на постель, пироги — под постель, а попа в шкаф спрятала, что в сенцах стоял. Затем открыла она дверь мужу и говорит:

— Слава богу, что ты воротился! Вот уж погода, точно конец света настал!

Увидал мельник Мужичка на соломе и спрашивает:

— А этому чего тут надо?

— Ах, — ответила жена, — да вот бедняга попал в бурю и дождь, ну и попросился переночевать. Дала я ему кусок хлеба с сыром и позволила лечь на соломе.

Муж говорит:

— Пускай его спит, только дай-ка ты мне чего-нибудь поесть.

А жена говорит:

— Нет у меня ничего, кроме хлеба да сыра.

— Я и тем буду доволен, — ответил муж, — давай, пожалуй, хлеба с сыром.

Глянул он на Мужичка и говорит:

— Эй ты, ступай да поешь с нами еще раз!

Мужичок не заставил себя долго просить, поднялся и стал есть. Увидел мельник, что лежит на земле коровья шкура и в нее ворон завернут, вот он и спрашивает:

— Что это у тебя там такое?

А Мужичок и говорит:

— Да там у меня предсказатель запрятан.

— Может, он и мне что-нибудь предскажет? — спросил мельник.

— Пожалуй, — ответил ему Мужичок, — но он предсказывает только четырежды, а пятый раз таит про себя.

Мельнику стало любопытно, и он стал просить:

— Так вели ты ему что-нибудь предсказать.

Прижал Мужичок ворона за голову, тот так и крикнул и закаркал: кар-кар.

Мельник спросил:

— Ну, что же он сказал?

Мужичок ответил:

— Во-первых, сказал он, что вино спрятано под подушкой.

— Это было бы неплохо! — воскликнул мельник; пошел он туда и нашел вино. — Ну, говори дальше! — сказал мельник.

Мужичок заставил ворона снова закаркать и сказать.

— Во-вторых, он говорит, что жаркое стоит в печурке.

— Это было бы кстати! — воскликнул мельник; пошел он туда и нашел жаркое.

Мужичок заставил ворона еще предсказывать и объявил:

— В-третьих, он говорит, что салат лежит на постели.

— Это тоже было б неплохо! — воскликнул мельник; пошел он туда и нашел салат.

Еще раз прижал Мужичок ворона, да так, что тот запищал и закаркал. И объявил Мужичок:

— А в-четвертых, сказал он, что пироги лежат под кроватью.

— Это было б недурно! — воскликнул мельник, полез под кровать и нашел там пироги.

Сели они оба за стол, а мельничиха до смерти перепугалась, легла в постель и все ключи у себя попрятала. Захотелось мельнику узнать и пятое, а Мужичок говорит:

— Давай сначала поедим все четыре, а пятое — оно будет, пожалуй, похуже.

Вот поели они, стали торговаться, сколько должен дать мель-

ник за пятое предсказание, и сошлись они на трехстах талерах. Вот прижал Мужичок еще раз голову ворону — тот так и закаркал во всю глотку. Спрашивает мельник:

— Что же он сказал?

А Мужичок отвечает:

— Он сказал, что в шкафу в сенях спрятался черт.

Мельник говорит:

— Ну, черта надо будет оттуда выгнать, — открыл дверь, и вот пришлось жене отдать мужу ключ.

И Мужичок отпер шкаф. И выскочил оттуда стремглав этот самый поп. А мельник говорит:

— Видал я своими глазами черного человека — это и был черт.

Мужичок на другое утро, только стало светать, захватил свои триста талеров и давай бог ноги. Воротился Мужичок домой и привел мало-помалу хозяйство свое в порядок, выстроил себе красивый дом, и крестьяне стали о нем говорить:

— А Мужичок-то, пожалуй, побывал там, где падает дождь золотой и где деньги гребут прямо лопатами.

И потребовали Мужичка к старосте, чтоб сказал он, откуда у него явилось такое богатство. И ответил он:

— Был я в городе и продал коровью шкуру за триста талеров.

Услыхали это крестьяне, захотелось и им тоже получить такие же деньги. Прибежали они домой, всех коров своих позарезали, шкуры содрали, чтобы продать их в городе да барыш взять побольше. А староста и говорит:

— Моя работница пусть в город идет первая.

Пришла та к купцу в город, и дал он ей всего три талера за шкуру; а когда явились и другие, дал он им и того меньше и сказал:

— Да куда мне все эти шкуры девать-то?

Рассердились крестьяне, что Мужичок их так ловко обманул, и порешили ему отомстить; подали жалобу старосте, что ввел он их-де в обман. И ни в чем не повинный Мужичок был единогласно присужден к смерти; и должны были его спустить в продырявленной бочке в реку.

Привели Мужичка и вызвали попа, чтоб прочитал он по нему заупокойную. А всем остальным велено было разойтись. Как увидел Мужичок попа, узнал в нем того самого, что был в гостях у мельничихи. Вот и говорит он ему:

— Я освободил вас из шкафа, а вы освободите меня из бочки.

А как раз на ту пору пастух гнал овец, а о том пастухе он знал, что давно ему хочется сделаться старостой. И вот закричал он во всю глотку:

— Нет, я не согласен! Даже если бы весь мир того пожелал, то и тогда я бы не согласился.

Услыхал это пастух, подошел и спрашивает:

— Что с тобой? На что ты не согласен?

А Мужичок отвечает:

— Да вот хотят они сделать меня старостой, если сяду я в ту бочку, но я никак не согласен.

Тогда пастух и говорит:

— Если только это и нужно, чтоб стать старостой, я сейчас сяду в бочку.

А Мужичок говорит:

— Если согласен ты сесть, то и старостой будешь.

Пастух согласился, сел в бочку, и Мужичок донышко в бочке заколотил, а сам подошел к стаду и погнал его вместо пастуха. А поп пошел к своим прихожанам и сказал, что заупокойную он уже прочитал. И пришли крестьяне и скатили бочку в реку. Только начала бочка катиться, а пастух из нее как закричит:

— Да, я охотно старостой буду!

Подумали они, что то кричит Мужичок, и говорят:

— И мы думаем то же; но ты сначала осмотришься-ка, что делается там внизу, — и скатили они бочку в реку.

Стали затем крестьяне по домам расходиться; пришли в деревню, видят — и Мужичок возвращается тоже, гонит стадо овец, как ни в чем не бывало. Удивились крестьяне и спрашивают:

— Мужичок, ты это откуда взялся? Ты из воды, что ли, вылез?

— Ну да, — ответил им Мужичок, — я спустился глубоко-глубоко и попал на самое дно; выбил я из бочки донышко, вылез, а там внизу такие прекрасные луга, и пасется на них много ягнят, вот и взял я себе целое стадо.

Спрашивают крестьяне:

— А много ли их там еще осталось?

— О, много! — ответил Мужичок. — Куда побольше, чем вам нужно.

Сговорились тогда меж собой крестьяне, что и они тоже не прочь бы овец раздобыть — каждый по целому стаду. А староста и говорит:

— Я пойду первый.

Вот пришли они все вместе к реке, а по синему небу как раз на ту пору ходили облачка, те, которых называют барашками, они отражались в воде. И вот закричали крестьяне:

— Овец-то уж видно на дне!

Пробился староста вперед и говорит:

— Я первый кинусь на дно, ведь надо поглядеть да осмотреться; если все будет как надо, я вас кликну.

И вот бросился он в воду, «бултых» — отдалось по воде. А крестьяне подумали, что кричит он: «идите», — и вот они всей гурьбой кинулись вслед за ним в воду.

И вымерла вся деревня, и остался один Мужичок наследником всего их добра и сделался человеком богатым.

ТРИ ПЕРЫШКА

Жил-был однажды король; было у него три сына. Из них двое умных да толковых, а третий и говорил-то мало, был он простоват, и звали его все Дурнем.

Вот король состарился уже и стал слаб; видит, что скоро ему помирать придется, но никак не мог решить, кому же из своих сыновей царство свое передать в наследство. Вот и говорит он сыновьям:

— Ступайте странствовать по белу свету, и кто принесет мне самой лучшей работы ковер, тот и будет после смерти моей королем.

А чтоб не было между ними никакого спора, повел он их к замку, взял три перышка, дунул на них, и они взлетели вверх; а он и говорит:

— Куда они полетят, туда и вам идти.

Полетело одно перышко на восток, другое на запад, а третье взлетело, но далеко не улетело и опустилось вскоре на землю. Вот отправился один брат направо, другой пошел налево, и посмеялись они над Дурнем, что остался возле третьего перышка, там, где оно и упало.

Сел Дурень на землю и запечалился. Вдруг он заметил, что там, где лежит перо, находится ход в подземелье. Поднял он дверь, видит — идет дальше лестница, и спустился он по ней вниз. Подошел к другой двери, постучался, слышит — изнутри кто-то настойчиво кричит:

*Девушка зеленая,
Ножка ты сушеная,
Костяной ноги собачка,
Погляди-ка поскорей,
Кто стоит там у дверей.*

Отворилась дверь, видит он — сидит перед ним большая, толстая жаба, а вокруг нее много маленьких жаб. Спрашивает у него толстая жаба, чего он хочет. Он ей говорит:

— Хотел бы я получить самый красивый и самой тонкой работы ковер.

Позвала та молодую жабу и говорит:

*Девушка зеленая,
Ножка ты сушеная,
Костяной ноги собачка,
Эй, поди-ка поскорей,
Принеси ларец живей!*

Принесла молодая жаба ларец. Открыла его толстая жаба, достала оттуда ковер и дала его Дурню. И был тот ковар такой прекрасный и такой тонкой работы, что подобного во всем свете никто и соткать не смог бы. Поблагодарил он ее и выбрался снова наверх.

А те двое братьев считали своего младшего брата таким глупым, что подумали: ничего он никогда не найдет и ничего не принесет.

— Чего нам еще стараться искать, — сказали они и взяли у первой попавшейся им пастушки грубый шерстяной платок и принесли его домой королю.

В это самое время воротился назад Дурень и принес свой прекрасный ковер. Как увидел это король, удивился и говорит:

— Уж если по справедливости поступать, то королевство должно принадлежать младшему сыну.

Но двое братьев не давали отцу покоя, стали говорить и доказывать, что невозможно-де Дурню, у которого и разума не хватает, быть королем, и стали просить его о новом уговоре.

Вот отец и говорит:

— Королевство получит тот, кто принесет мне самое красивое кольцо, — он вывел трех братьев во двор замка, взял три перышка, дунул на них, и поднялись они на воздух и

полетели в разные стороны, куда и должны были отправиться братья.

Два старших брата отправились снова на восток и на запад, а перышко Дурня упало наземь, как раз у самого входа в подземелье. Спустился он снова вниз к толстой жабе и сказал ей, что ему надо добыть самое красивое кольцо. Она тотчас велела принести свой большой ларец, достала оттуда кольцо и подала ему. И блесло оно, усыпанное драгоценными камнями, и было такое красивое, что подобного ни один золотых дел мастер на свете не смог бы никогда сделать.

Посмеялись два старших брата над Дурнем, что собрался он найти золотое кольцо, и не старались его вовсе искать, а взяли старый обод с колеса, посбивали с него гвозди и принесли его королю.

Когда Дурень показал свое золотое кольцо, отец и говорит опять:

— Ему принадлежит королевство.

Но двое старших все докучали королю, пока наконец он не согласился на третий уговор и порешил, что тот должен получить королевство, кто приведет домой самую красивую девушку.

Взял он три перышка, дунул на них, и поднялись они на воздух и полетели так же, как в прошлый раз.

Спустился Дурень, не долго думая, вниз к толстой жабе и говорит:

— Я должен привести домой самую красивую девушку.

Но жаба ответила:

— Самую красивую? Ой, что ты! Такой сейчас нету, но ты ее все-таки получишь.

И она дала ему выдобленную желтую репу, запряженную шестью мышатами. И говорит, совсем запечалась, Дурень:

— А что же мне делать-то с ними?

Ответила жаба:

— А ты посади в нее одну из моих маленьких жаб.

Взял он, какая ему первая под руку попала, и посадил ее в желтый возок; но только села она в него, как тотчас обернулась волшебной красоты девицей, репа — каретой, а шестеро мышат — конями. Поцеловал он девицу, погнал коней и привез ее к королю.

Братья его явились позже — они даже и не старались отыскать красивую девушку, а захватили с собой первых попавшихся им навстречу деревенских баб. Увидел их король и говорит:

— Младшему после смерти моей будет принадлежать королевство.

Но двое старших снова прокричали все уши королю:

— Мы никак не можем допустить, чтобы Дурень стал королем, — и потребовали, чтобы предпочтение оказано было тому, чья жена прыгнет через кольцо, что висит посреди зала. Они думали так: «Деревенские бабы сумеют это сделать, ведь они куда посильней, чем эта нежная девушка, она прыгнет и наверняка разобьется насмерть».

Старый король и на это согласился. И вот прыгнули две деревенские бабы, проскочили через кольцо, но были они неуклюжи, упали и перешибли свои грубые руки и ноги. А затем прыгнула прекрасная девушка, которую привез Дурень, и она проскочила легко, точно лань, и спорить дальше было уж не о чем. Так и получил Дурень королевскую корону, и долгие годы правил он мудро.

ЗОЛОТОЙ ГУСЬ

Жил-был человек. Было у него три сына, звали младшего Дурнем; его презирали, смеялись над ним и всегда обижали. Собрался раз старший идти в лес — дрова рубить, и дала ему мать на дорогу вкусный сдобный пирог и бутылку вина, чтоб не знал он ни голода, ни жажды. Он пришел в лес и вот повстречал там старого седого человечка. Поздоровался с ним человечек и говорит:

— Дай мне кусок пирога, что у тебя в кармане, и глоток вина — я очень проголодался и хочу пить.

Но умный сын ответил:

— Если я отдам тебе пирог да вино, то мне самому ничего не останется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а умный сын пошел себе дальше. Вот начал он рубить дерево; ударил топором да угодил себе прямо в руку, пришлось ему домой возвращаться и делать себе перевязку. А вышло все из-за того седого человечка.

Потом пошел в лес средний сын, и дала ему мать, как и старшему сыну, сдобный пирог и бутылку вина. Ему тоже повстречался старый седой человечек и попросил у него кусок пирога и глоток вина. Но и средний сын, тоже разумный, ответил:

— Дам я тебе — мне меньше достанется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а средний сын пошел себе дальше. Но и он был наказан: ударил он несколько раз по дереву и попал топором в ногу, вот и пришлось его домой на руках относить.

Тогда Дурень и говорит:

— Дозволь мне, батюшка, хоть раз в лес пойти дров нарубить.

Ответил отец:

— Братья твои уже ходили, да только себе навредили, куда уж тебе, ты в этом деле ничего не смыслишь.

Но Дурень все просил да просил, и отец наконец сказал:

— Ну, ступай, авось в беде поумнеешь.

И дала ему мать пирог, а был он на воде замешен да в золе испечен, и бутылку кислого пива. Пришел Дурень в лес; повстречался ему тоже старый седой человечек, поздоровался с ним и говорит:

— Дай мне кусок пирога и глоток из твоей бутылки — я так голоден, и мне очень хочется пить.

Ответил Дурень:

— Но у меня-то ведь пирог на золе испечен, а пиво кислое; но если это тебе по вкусу, давай присядем и вместе закусим.

Сели они; достал Дурень свой пирог, что был на золе испечен, а оказался он сдобным и вкусным, а кислое пиво стало хорошим вином. Поели они, попили, и сказал человечек:

— Оттого, что у тебя сердце доброе и ты охотно со мной поделился, я награжу тебя счастьем. Вон стоит старое дерево, ты сруби его, и между корнями для тебя кое-что найдется. — Потом человечек попрощался и ушел.

Пошел Дурень, подрубил дерево, оно свалилось, вдруг видит он — сидит на корнях гусь, а перья у гуся все из чистого золота. Поднял он гуся, взял его с собой и пошел в харчевню, где и решил заночевать. А у хозяина харчевни были три дочери; увидали они гуся, стало им любопытно, что это за диковинная птица такая, и захотелось им добыть одно из его золотых перьев. Старшая подумала: «Случай к тому, пожалуй, подвернется, я вытащу себе золотое перо». Только Дурень отлучился, схватила она гуся за крыло, но тут пальцы ее так к крылу и пристали.

Пришла вскоре вторая сестра, и было у нее одно на уме: как

бы это вытащить и себе золотое перо; но только она прикоснулась к своей сестре, так тотчас к ней и прилипла. А тут пришла и третья сестра, чтоб добыть себе золотое перо, но сестры ей крикнули:

— Ради бога, не подходи к нам, отойди!

Но она не поняла, почему это нельзя подойти, и подумала: «Если сестры мои там, то и я могу быть тоже с ними», — и только она подбежала и прикоснулась к одной из сестер, так тотчас к ней и прилипла. Вот и пришлось им провести ночь возле гуся.

На другое утро взял Дурень гуся под мышку и ушел, мало беспокоясь о том, что трое девушек тащатся за ним следом. Пришлось им все время бежать следом за гусем то туда, то сюда, куда ноги Дурня надумают. Повстречался им в поле пастор; увидел он такое шествие и говорит:

— Постыдитесь, бесстыжие девушки! Что бежите следом за парнем, куда это годится? — И он схватил младшую за руку, собираясь ее оттащить. Но только он к ней прикоснулся, как тоже прилип, и пришлось ему самому бежать следом за ними.

Повстречался им вскоре на пути причетник; увидел он пастора, спешащего следом за тремя девушками, удивился и закричал:

— Эй, господин пастор, куда это вы так спешите? Не забудьте, что нынче надо еще ребенка крестить, — и он подбежал к пастору, схватил его за рукав и тоже прилип.

Когда они все впятером бежали следом друг за дружкой, повстречались им двое крестьян, возвращавшихся со своими мотыгами с поля; пастор крикнул им, чтоб они освободили его и причетника. Но только прикоснулись крестьяне к причетнику, как тоже прилипли — и стало их теперь семеро, бегущих следом за Дурнем и его гусем.

Вот пришел Дурень в город, а правил в том городе король; и была у него дочка, такая строга да мрачная, что ни один человек не мог ее никак рассмешить. И потому королем был объявлен указ, что кто, мол, ее рассмешит, тот на ней и женится.

Услыхал Дурень об этом и отправился со своим гусем и целой ватагой спутников к королевне. Увидела та семерых, бегущих друг за дружкой, и так начала смеяться, что и остановиться ей было трудно. Потребовал тогда Дурень ее себе в невесты, но королю будущий зять что-то не очень понравился. Стал король придумывать всякие отговорки и сказал, чтоб

привел он ему такого человека, который бы смог целый подвал вина выпить. Тут Дурень и вспомнил про седого человечка и подумал, что тот сможет, пожалуй, прийти ему на помощь. Отправился Дурень в лес и увидел на том самом месте, где рубил он однажды дерево, какого-то человечка; тот сидел, и по лицу его было видно, что он сильно пригорюнился. Стал Дурень его расспрашивать, чего он горюет. Тот ответил:

— Мучит меня сильная жажда, никак не могу я ее утолить. Холодной воды я не пью, бочку вина я уже опорожнил, но для меня это все одно, что капля на раскаленный камень.

— Я могу в этом деле тебе помочь, — сказал Дурень. — Ступай за мной, и ты вдосталь напьешься.

Повел его Дурень в королевский подвал. Подсел человечек к огромным бочкам и стал пить; пил и пил, пока живот у него не раздулся, и не прошло и дня, как выпил он целый подвал.

Потребовал во второй раз Дурень себе невесту, но король рассердился, что такой простой парень, которого всяк величает Дурнем, может взять его дочь себе в жены, и поставил тогда новое условие: должен Дурень сначала найти такого человека, который бы смог целую гору хлеба поесть.

Не долго думая, отправился Дурень прямо в лес; и сидел на том самом месте какой-то человек; он подтянул свой пояс потуже, лицо у него было грустное, и он сказал:

— Я уже съел целую печь ситного хлеба, да что это для меня, когда у меня такой сильный голод! Утробу мою никак не насытишь, и приходится мне пояс подтягивать все туже, чтоб с голоду не пропасть!

Обрадовался Дурень и говорит:

— Так вставай и ступай за мной: уж ты досыта наешься.

Привел он его к королевскому двору, а туда свезли на ту пору всю муку со всего королевства и напекли огромную гору хлебов; ну, тут лесной человек подошел и начал есть — и в один день вся хлебная гора исчезла.

В третий раз потребовал Дурень себе невесту, но королю хотелось от него избавиться, и потребовал он у Дурня такой корабль, чтобы мог по воде и по суше плавать.

— Как только ты на том корабле ко мне подплывешь, — сказал он Дурню, — тотчас получишь дочь мою в жены.

Отправился Дурень прямою дорогой в лес; сидел там старый седой человечек, которому он отдал когда-то свой пирог, и сказал человечек:

— Это ты меня накормил, напоил, дам я тебе за это корабль; я это делаю потому, что ты меня пожалел.

И дал он ему корабль, что мог ходить и по суше и по морю. Увидел король тот корабль и не мог отказаться выдать дочь свою замуж за Дурня. Вот сыграли свадьбу, и после смерти короля наследовал Дурень все королевство и жил долгие годы счастливо со своей женой.

ГАНС В СЧАСТЬЕ

Прослужил Ганс семь лет у хозяина и говорит ему:

— Хозяин, срок работы моей кончился, хочу я домой к матери вернуться, уплатите мне что полагается.

А хозяин отвечает:

— Ты служил мне верно и честно, и какова твоя служба была, такова будет тебе и награда, — и дал он ему кусок золота величиной с голову Ганса. Вынул Ганс из кармана свой платок, завернул в него золотой слиток, взвалил его на плечи и двинулся в путь-дорогу домой.

Идет он, с ноги на ногу переваливаясь, видит — навстречу ему мчится вскачь всадник на резвом коне.

— Ах, — говорит Ганс вслух, — как славно ездить верхом на лошади! Сидит себе человек, точно на стуле, о камень не спотыкается, башмаков не сбивает, а движется вперед, не утруждая себя.

Услыхал это всадник, придержал коня и крикнул:

— Эй, Ганс, чего ты пешком-то идешь?

— А вот должен я, — говорит, — отнести домой этот слиток; хотя он из чистого золота, но голову прямо держать нельзя, да и плечи он здорово давит.

— Знаешь что, — сказал всадник, — давай-ка мы поменяемся: дам я тебе своего коня, а ты мне отдашь свой слиток.

— С большим удовольствием, — ответил Ганс, — но скажу вам наперед, придется вам с ним повозиться.

Слез всадник с коня, взял золото, помог Гансу сесть на коня, дал ему в руки поводья и сказал:

— Если вздумаешь ехать быстрее, ты языком прищелкни да крикни «гоп-гоп».

Сел Ганс на коня, обрадовался и поехал себе молодцом налегке дальше. Вздумалось ему еще скорей коня припустить,

стал он языком прищелкивать да кричать «гоп-гоп». Пустился конь вскачь, и не успел он и оглянуться, как лежал уже в придорожной канаве. Конь тоже перескочил бы через канаву, если б не придержал крестьянин, что гнал по дороге корову. Ганс вылез из канавы и встал на ноги. И вот в досаде говорит он крестьянину:

— Скверное дело ездить верхом на коне, особенно если попадаешь на такую клячу, как эта; и трясет да еще сбрасывает тебя, тут и шею-то легко свернуть. Ну, уж больше ни разу я на нее не сяду. Вот корова твоя — это дело другое; идешь это себе за ней преспокойно да, кроме того, каждый день получаешь и молоко, и масло, и творог. Много бы я дал, чтобы иметь такую корову!

— Ну что ж, — ответил крестьянин, — если тебе угодно, я согласен поменяться с тобой на коня.

Ганс с большой радостью согласился, а крестьянин вскочил на коня и быстро от него усакал.

Ганс спокойно погнал свою корову, вспоминая об удачной сделке. «Будет у меня теперь кусок хлеба, недостатка в этом, пожалуй, не будет, а захочется — можно будет и масла и творогу поесть; а захочется попить — подою я корову и напьюсь молока. Чего же мне еще надо?» Зашел он по дороге в харчевню отдохнуть и поел на радостях все, что у него было с собой и на обед и на ужин, а на свои последние два гроша велел налить себе полкружки пива. Затем погнал он свою корову дальше по дороге, в деревню к своей матери. К полудню жара становилась все тяжелей, а Гансу надо было идти по крайней мере еще целый час полем. Стало Гансу немоготу от жары, и язык во рту у него совсем пересох. «С этим делом можно будет справиться, — подумал он, — подою-ка я свою корову да попью молока». Привязал Ганс корову к сухому дереву, а так как подойника у него с собой не было, то подставил он свою кожаную шапку; но как он ни старался, а молока не выдоил ни капли. А так как стал он доить не умеючи, то корова от нетерпения ударила его задней ногой в голову, да так сильно, что он грохнулся наземь и некоторое время никак не мог сообразить, где он находится. К счастью, проходил на ту пору по дороге мясник, он вез на тележке поросенка.

— Что это с тобой случилось? — крикнул он и помог доброму Гансу подняться.

Ганс рассказал, что с ним произошло. Мясник подал ему свою дорожную фляжку и сказал:

— На, выпей да подкрепишься. Корова, должно быть, яловая: видать, стара и годна разве что для упряжи или на убой.

— Эх-эх-эх, — сказал Ганс, почесывая себе затылок, — и кто бы это мог подумать! Оно, конечно, хорошо, если такую скотину можно будет дома зарезать, и мяса-то сколько будет! Да много ли сделаешь вкусного из говядины? По-моему, мясо-то не очень сочное. Вот если бы иметь такого поросенка! И вкус у него другой, да еще и колбас можно наделать.

— Послушай-ка, Ганс, — сказал мясник, — уж я для твоего удовольствия готов поменяться: отдам тебе за корову свинью.

— Да вознаградит тебя господь бог за твою доброту ко мне, — сказал Ганс, отдал ему корову и попросил, чтобы мясник развязал свинку и дал бы ему в руки веревку, которой была та привязана.

Отправился Ганс дальше, и стал он раздумывать, что все вот желания его исполняются, а если встретится какая помеха, то все снова тотчас хорошо улаживается. А тут ввязался идти с ним вместе по пути парень, нес он под мышкой красивого белого гуся. Заговорили они, и Ганс начал рассказывать ему про свое счастье и как ему удавалось все обменивать выгодно и удачно. Парень ему рассказал, что несет гуся этого на пирушку по случаю крестин.

— Вот попробуй-ка ты его поднять, — сказал он и схватил гуся за крылья, — вишь, какой он тяжелый! Мы целых восемь недель его откармливали. Если зажарить его да начать есть, то придется, пожалуй, жир с обеих щек вытирать.

— Да, — сказал Ганс, взял его в руку и попробовал, какой он будет на вес, — что и говорить, жирный, но моя-то свинья тоже подходящая свинка.

Стал парень между тем по сторонам с тревогой оглядываться и покачивать головой.

— Послушай, — сказал он снова, — а с твоей-то свиньей дело может выйти плохое. В деревне, через которую я проходил, только что у старосты свинью из хлева украли. Боюсь я, не эта ли самая она и есть. Послали уже и людей на розыски, и плохо придется, если тебя с ней поймают, — в лучшем случае запрячут тебя куда-нибудь.

Стало страшному доброму Гансу.

— Ах, боже ты мой! — сказал он, — выручи ты меня из беды,

тебе тут в случае чего легче справиться будет, возьми-ка ты мою свинью, а мне дай своего гуся.

— Дело-то оно несколько опасное, — ответил парень, — но не хочется мне в твоей беде быть виноватым. — Взял он веревку в руку и быстро погнал свинью окольной дорогой; а добрый Ганс шел без забот и печалей с гусем под мышкой домой.

«Если оно хорошенько-то поразмыслить, — сказал он про себя, — я обменял еще выгодно: будет у меня славное жаркое, да к тому же и жиру немало, а его можно будет перетопить, и хватит его, чтобы есть с хлебом, по крайней мере на целую четверть года; да еще какой прекрасный белый пух, я велю им набить себе подушку, и засыпать-то на ней как будет сладко. Вот матери будет радость!»

Проходил он уже через последнюю деревню и увидел точильщика, что стоял у своей тележки; колесо его жужжало, и он, работая, напевал:

*Точу ножи-ножницы, верчу колесо,
Вот жизнь развеселая, крути, да и все.*

Ганс остановился и стал смотреть на его работу; наконец он обратился к нему и говорит:

— Должно быть, тебе хорошо живется, ты вон как весело точишь.

— Да, — ответил точильщик, — ремесло мое золотое. Хороший точильщик как полезет к себе в карман, так и деньги найдутся. Но где это ты купил такого красивого гуся?

— Да я его не покупал, я его на свинью променял.

— А свинью ты откуда взял?

— Выменял на корову.

— А корову?

— Выменял на коня.

— А коня?

— За него я дал слиток золота величиной с мою голову.

— А золото?

— А то уплата за мои семь лет работы.

— Ну, что и говорить, был ты всегда находчив, — заметил точильщик, — надо бы тебе так дело устроить, чтоб деньги у тебя всегда в кармане водились, и будешь ты тогда вполне счастлив.

— А как это сделать? — спросил Ганс.

— Надо тебе стать точильщиком, таким вот, как я; требуется для этого всего-то один точильный камень, а все остальное уж само собой приложится. Вот есть у меня камень, правда, он малость попорчен, да возьму я за него всего лишь твоего гуся; согласен?

— Да как можешь ты еще спрашивать? — отвечал Ганс. — Ведь стану я тогда счастливейшим человеком на свете; ежели будут у меня всегда деньги в кармане водиться, о чем же мне тогда и печалиться будет?

И он отдал ему гуся, а вместо него взял точильный камень.

— Ну, — сказал точильщик, подымая с земли простой тяжелый булыжник, — вот тебе в придачу хороший камень, на нем будет удобно старые гвозди расправлять. Возьми и его заодно и донеси как следует.

Взвалил Ганс камни на плечи и с легким сердцем отправился дальше; глаза его сияли от радости. «Должно быть, родился я в рубашке, — воскликнул он, — все, чего я ни пожелаю, само идет ко мне в руки, словно к какому-нибудь счастливцу». А надо сказать, был он на ногах с самого раннего утра и притомился; да и голод стал его мучить, а весь свой дорожный запас он на радостях по поводу проданной коровы проел. И вот он уже еле-еле передвигал ноги и то и дело останавливался, чтобы передохнуть, а к тому же и камни оттягивали ему плечи. И стал он подумывать, что было бы неплохо, если б можно было от них избавиться. Еле добрался он до придорожного колодца, собираясь отдохнуть и свежей воды напиться; а чтобы как-нибудь не повредить камней, он положил их осторожно у самого края колодца. Затем сел он и сам, хотел было нагнуться, чтобы воды напиться, да как-то недоглядел, столкнул и, — и оба камня бултыхнулись прямо в колодец. Ганс, увидя, что они пошли на самое дно, вскочил от радости, бросился на колени и в слезах стал благодарить господа бога за то, что оказался он к нему и на этот раз милостив и освободил его так легко от тяжелых камней, которые ему только мешали, и случилось это так, что ему ни в чем и упрекать себя не придется.

— Нет на свете, — воскликнул он, — такого счастливого человека, как я!

С легким сердцем и без всякой ноши двинулся он дальше и воротился наконец домой к своей матери.

САЛАТНЫЙ ОСЕЛ

Жил-был когда-то молодой охотник, вышел он раз в лес поохотиться. На душе у него было весело и радостно, он сорвал листочек, стал на нем насвистывать, но явилась вдруг перед ним старая-престарелая уродливая старуха, заговорила с ним и рассказала:

— Здравствуй, милый охотничек! Ты вон какой веселый и довольный, а я мучаюсь от голода и жажды, подай мне милостыньку.

Пожалел охотник бедную старушку, сунул руку в карман и подал ей что мог. Собрался он идти дальше, но старуха остановила его и говорит:

— Послушай, милый охотник, что я тебе скажу: хочу я за твое доброе сердце сделать тебе подарок. Ступай дальше, своим путем-дорогой, и в скором времени ты подойдешь к дереву, будут сидеть на нем девять птиц, и будут они держать в когтях плащ и вырывать его друг у друга. Ты возьми приложи ружье и выстрели как раз в середину: они сбросят тебе плащ на землю, но ты попадешь в одну из птиц, и она упадет мертвая наземь. Плащ ты возьми с собой, это плащ волшебный: если ты накинешь его себе на плечи, он выполнит все, что ты пожелаешь, и куда ты захочешь попасть, там и окажешься. А из мертвой птицы ты вынь сердце, проглоти его целиком — и будешь каждое утро, когда проснешься, находить у себя под подушкой золотой.

Поблагодарил охотник вещую старуху и подумал про себя: «Чудесные вещи она мне наобещала, если бы только все это исполнилось». Но не прошел он и ста шагов, как услышал вверху на ветвях птичий крик и щебет. Он глянул наверх и увидел стаю птиц, которые рвали клювами и когтями какое-то покрывало, кричали, клевали одна другую и дрались между собой, будто каждая из них хотела захватить его себе.

— Вот удивительное дело, — сказал охотник, — выходит, как говорила старушка. — Он снял с плеча ружье, приложил его и выстрелил прямо в середину, и посыпались кругом перья. Вмиг все птицы с шумом разлетелись, но одна упала мертвая наземь, и плащ тоже упал на землю. Охотник сделал так, как велела ему старуха: распотрошил птицу, вынул у нее сердце, проглотил его, а плащ взял с собою домой.

На другое утро, только он проснулся, вспомнил про обеща-

ние и решил проверить, исполнилось ли оно. Он поднял подушку — и перед им блеснул золотой. На другое утро он нашел еще золотой, и так было каждое утро, когда он просыпался. Он собрал целую кучу золота и наконец подумал: «На что мне все это золото, если сижу я все дома? Пойду-ка я странствовать, погляжу, что на белом свете делается».

Простился он со своими отцом-матерью, взял охотничью сумку и ружье и отправился странствовать по свету. Случилось ему однажды идти дремучим лесом, и когда тот лес кончился, он увидел, что перед ним на равнине стоит стройный замок. Стояла у окна замка старуха с девушкой чудесной красоты и смотрела вниз. А была та старуха ведьмой, и молвила она девушке:

— Вон идет из лесу человек, у него внутри находится волшебный клад, надо бы этого человека, милая доченька, ввести в обман: тем кладом нам больше пристало владеть, чем ему. У него находится птичье сердце, и потому у него каждое утро под подушкой оказывается золотой.

Старуха объяснила девушке, как с этим делом справиться, какую надо повести с ним игру, а потом она пригрозила ей и сказала, гневно на нее поглядев:

— А если ты меня не послушаешься, то плохо тебе придется!

Подошел охотник ближе, увидел девушку и молвил про себя: «Я так долго бродил, что хотелось бы мне наконец отдохнуть, хорошо бы зайти в этот прекрасный замок, денег-то у меня вдосталь». Но, правду сказать, причиной тому было то, что увидел он издали прекрасную девушку.

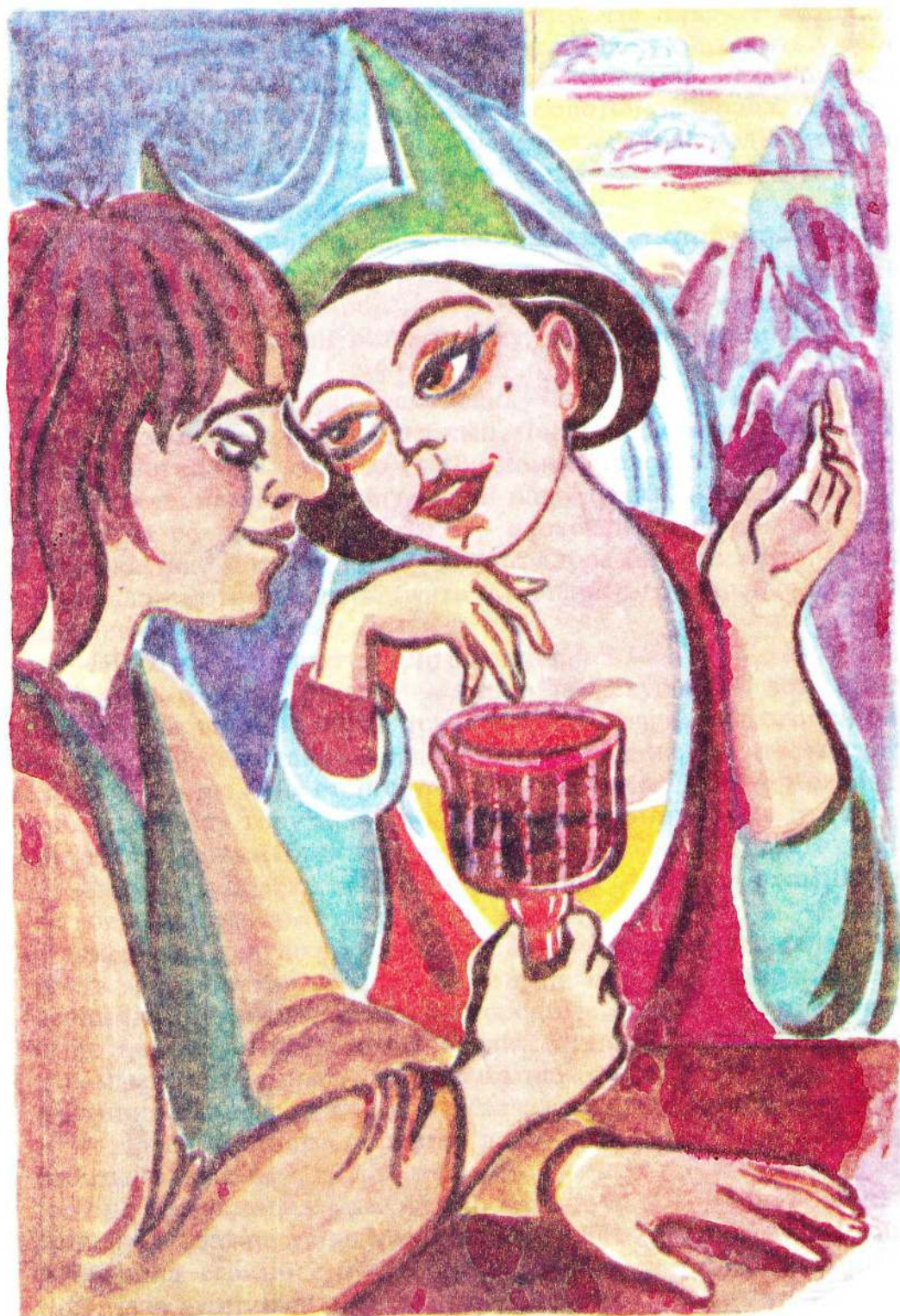
Он вошел в замок; его приняли там радушно и любезно угощали. И вот прошло немного времени, и он так влюбился в ведьмину дочь, что ни о ком другом и думать не хотел и все глядел ей в глаза и исполнял все, что она хотела. И сказала тогда старуха:

— А теперь надо отобрать у него птичье сердце, он и подозревать не будет, если его лишится.

Они приготовили зелье, и когда оно было готово, старуха подлила его в кубок, дала его девушке, и та должна была поднести его охотнику.

— Возьми, мой милый, — сказала девушка, — да выпей за мое здоровье.

Он взял кубок и только выпил напиток, как тотчас выплюнул из себя птичье сердце. Девушка должна была его тайком

унести, потом его проглотить, потому что старухе хотелось обладать тем сердцем. С той поры он перестал находить у себя под подушкой золотые, они оказались теперь под подушкой у девушки, и каждое утро старуха тот золотой забирала. А охотник так безумно влюбился в девушку, что думал только о том, как бы провести ему время вместе с ней.

И сказала старая ведьма:

— Птичье сердце у нас имеется, надо будет отобрать у него и волшебный плащ.

Девушка ответила:

— Давай мы плащ оставим ему, он и так лишился всего богатства.

Рассердилась старуха и сказала:

— Да это ведь плащ волшебный, такой редко на свете сыщется, я должна иметь его во что бы то ни стало.

Дала она девушке совет, что ей надо делать, и объявила, что если она ее не послушается, то плохо ей придется. Сделала девушка так, как велела ей старуха. Стала она однажды у окна и начала смотреть вдаль, будто ей очень взгрустнулось. Спрашивает ее охотник:

— Чего ты стоишь тут пригорюнившись?

— Ах, мой любимый, — ответила девушка, — вон стоит гранатовая гора, и находятся в ней прекрасные драгоценные камни. И у меня такое большое желание их иметь, что, когда я об этом думаю, мне становится очень грустно. Но кто может их добыть? На ту гору могут долететь разве одни только птицы, а человеку туда никогда не взобраться.

— Если ты только об этом и грустишь, — сказал охотник, — я твое горе развею.

Он обнял девушку, укрыл ее своим плащом и пожелал попасть на гранатовую гору — и вмиг они уже сидели на ее вершине. Всюду сверкали благородные камни, и видеть это было так радостно; и вот отобрали они из них самые красивые и самые драгоценные. Но старуха начала колдовать, и вдруг у охотника отяжелели глаза. Он сказал девушке:

— Давай немного посидим да отдохнем, я так устал, что стоять больше не в силах.

Они уселись на земле, и он положил ей голову на колени и уснул. Только он уснул, отвязала девушка у него с плеч плащ, набросила его на себя, собрала гранаты и разные камни и пожелала вернуться с ними домой.

Когда юноша выпался, он очнулся и увидел, что возлюбленная его обманула и оставила его одного в диких горах.

— О, — сказал он, — как сильна на свете измена! — И сидел он в горе и печали, не зная, как ему теперь быть.

А принадлежала эта гора диким и страшным великанам, они там жили и занимались разбоем. Просидел охотник недолго и вскоре заметил, что к нему приближаются трое из них. Он улегся на землю, будто погруженный в глубокий сон. Вот подошли великаны, первый из них толкнул его ногой и сказал:

— Что это за червяк лежит тут на земле и все поглядывает?

Второй сказал:

— А ты его раздави ногой.

Но третий презрительно заметил:

— Да стоит ли это делать! Бросьте его, пусть себе живет; остаться здесь он все равно не сможет, а если подыметься на самую вершину горы, его подхватят облака и утащат за собой.

Поговорили они так и прошли мимо, но охотник эти слова хорошо запомнил; и как только великаны ушли, он поднялся и взобрался на вершину горы. Просидел он там некоторое время, и вот подплыло облако, схватило его и понесло. Облако блуждало некоторое время по небу, потом стало опускаться и спустилось над большим, обнесенным стеной огородом, и охотник мягко опустился на землю прямо среди капустных грядок и овошей.

Огляделся охотник и говорит:

— Вот если бы мне теперь чего-нибудь покушать! Я так проголодался, что идти дальше мне будет трудно, а здесь не видно ни яблок, ни груш, ни ягод каких-нибудь, растет одна только зелень.

Наконец он подумал: «В крайнем случае, я мог бы поесть салата, правда, он не особенно вкусный, но он все же меня подкрепит». Он выбрал себе хороший пучок и принялся есть: но только проглотил он несколько листьев, как вдруг стало у него на душе так странно, и он почувствовал, что совершенно изменился. У него выросли четыре ноги, большая голова, два длинных уха, и он в ужасе увидел, что обратился в осла. А так как он все еще чувствовал большой голод и по его теперешней натуре салат пришелся ему как раз по вкусу, он принялся за него с большой жадностью.

Наконец он попал на другой сорт салата, и только он немно-

го его поел, как почувствовал снова превращение, и к нему вернулся опять его человеческий образ.

Прилег охотник на землю, выспался как следует, и усталость у него прошла. Проснулся он на другое утро, сорвал пучок злого салата и пучок доброго салата и подумал: «Это поможет мне добиться своего и наказать неверность». Он спрятал оба пучка салата, перелез через стену и направился на поиски замка своей возлюбленной. Он проблуждал несколько дней, но, по счастью, нашел его снова. Он быстро выкрасил себе лицо в смуглый цвет, и его не узнала бы даже родная мать, потом направился в замок и попросил там ночлега.

— Я устал, — сказал он, — и дальше идти не в силах.

Ведьма спросила:

— Земляк, а скажи мне, кто ты такой? Чем ты занимаешься?

Он ответил:

— Я скороход королевский, был послан на поиски самого вкусного салата, который только растет на земле. И мне повезло его найти; теперь я несу его с собой, но солнце печет так сильно, что я опасюсь, как бы нежный салат не увял, и не знаю, смогу ли его донести.

Как услышала старуха про вкусный салат, ей захотелось его отведать, и она сказала:

— Милый земляк, дай мне попробовать этого чудесного салата.

— Что ж, можно, — ответил он. — Я захватил с собой два пучка, один из них готов вам отдать, — он развязал свою сумку и подал ей злой салат.

Ведьма не подозревала ничего дурного, и при виде нового кушанья у нее потекли слюнки, и она сама отправилась на кухню и начала его готовить. Когда салат был готов, она никак не могла дождаться, пока он будет подан на стол, взяла два листочка и сунула их в рот. Но только она их проглотила, как потеряла тотчас своей человеческий образ, обратилась в ослицу и бросилась во двор. Пришла на кухню служанка, видит — стоит приготовленный салат; хотела было его отнести, но ей так захотелось его отведать, что она, по своей старой привычке съела несколько листков. Колдовство тотчас действовало, и она тоже обратилась в ослицу и бросилась к старухе, а блюдо с салатом упало на землю.

Скороход сидел в это время у красивой девушки; салата

никто не приносил, а девушке тоже очень хотелось его отвe-
дать, и она спросила:

— А где же салат?

Охотник подумал: «А трава, видно, уже подействовала», — и ответил:

— Я пойду на кухню, узнаю.

Спустился он вниз, видит — бегают во дворе две ослицы, а салат лежит на полу.

— Хорошо, — сказал он, — две свою долю уже получили, — и он подобрал с пола листья салата, положил их на блюдо и принес красивой девушке.

— Чтоб вам долго не дожидаться, — сказал он, — я сам вам принес эту вкусную еду.

Она съела салат и вмиг, как и те две, потеряла свой человеческий вид, обратилась в ослицу и убежала во двор.

Умыл тогда охотник лицо, чтоб обращенные в ослиц могли его узнать, спустился во двор и сказал:

— Теперь получайте награду за вашу неверность. — И он привязал всех трех на веревку, повел за собой и пришел на мельницу.

Он постучался в окошко, высунул оттуда голову мельник и спросил, что ему надо.

— Да вот есть у меня три строптивые ослицы, — ответил он, — не хочу их держать больше у себя. Ежели вы согласитесь взять их себе, предоставить им корм и стойло и обращаться с ними так, как я вам скажу, я заплачу вам за это, сколько вы потребуете.

Мельник сказал:

— Что ж, я согласен. А как же я должен с ними обращаться?

И охотник объяснил, что старую ослицу — а была то ведьма — он должен бить трижды в день, а кормить один раз; ослицу помоложе — а была то служанка — он должен бить один раз в день, а кормить трижды; самую молодую — а была то девушка-красавица — бить не надо, а кормить следует ее трижды в день — охотник никак не мог пересилить своего сердца и допустить, чтобы девушку били. Потом он вернулся назад в замок, и там оказалось все, что ему было надо.

Спустя несколько дней явился старый мельник и сказал, что должен, мол, доложить, что старая ослица, получавшая одни только побои, а корм один раз в день, околела.

— А две остальные, — продолжал он, — хотя и не околели

еще и свой корм получают три раза на день, но так загрустили, что проживут, пожалуй, недолго.

Сжалился тогда охотник, гнев у него поостыл, и он сказал мельнику, чтобы тот привел их сюда. Как только ослицы явились, дал он им поесть доброго салата, и они опять обратились в людей. Бросилась прекрасная девушка перед ним на колени и сказала:

— Ах, мой любимый, простите мне все, что я причинила вам злого, это меня заставляла делать моя мать; это вышло против моей воли, а я люблю вас от всего сердца. Ваш волшебный плащ висит здесь, в шкафу, а чтоб вернуть вам птичье сердце, я выпью рвотного лекарства.

Но в мыслях у него было теперь совсем другое, и он сказал:

— Пусть оно останется у тебя, теперь мне это все равно, я хочу, чтоб ты стала моей верной женой.

И вот справили они свадьбу и прожили счастливо вместе до самой смерти.

Ганс Христиан АНДЕРСЕН

МАЛЕНЬКИЙ КЛАУС И БОЛЬШОЙ КЛАУС

В одной деревне жили два человека; обоих звали Клаусами, но у одного было четыре лошади, а у другого только одна; так вот, чтобы различить их, и стали звать того, у которого было четыре лошади, Большой Клаус, а того, у которого одна, Маленький Клаус. Послушаем-ка теперь, что с ними было, ведь это целая история!

Всю неделю, как есть, должен был Маленький Клаус пахать на своей лошадке поле Большого Клауса. Зато Большой Клаус давал ему всех своих четырех, но только раз в неделю, по воскресеньям. Ух ты, как звонко шелкал кнутом Маленький Клаус по всему пятерику — сегодня ведь все лошадки были как будто его собственные. Солнце так и сияло, колокола звонили к обедне, люди все были такие нарядные и шли с молитвенниками в руках в церковь послушать проповедь священника. Все они видели, что Маленький Клаус пашет на пяти лошадях, и он был очень доволен, пощелкивал кнутом и покрикивал:

— Эх вы, мои лошадушки!

— Не смей так говорить! — сказал Большой Клаус. — У тебя ведь всего одна лошадь!

Но вот опять кто-нибудь проходил мимо, и Маленький Клаус забывал, что не смел говорить так, и опять покрикивал:

— Ну вы, мои лошадушки!

— Послушай, я прошу тебя перестать! — сказал ему наконец Большой Клаус. — Если ты скажешь это еще хоть раз, я возьму да хвачу твою лошадь по лбу, вот ей и конец будет!

— Право, я не буду больше! — сказал Маленький Клаус, да вдруг опять кто-то прошел мимо и поздоровался с ним, а он от радости, что пашет так важно на пяти лошадях, опять щелкнул кнутом и закричал:

— Ну вы, мои лошадушки!

— Вот я тебе понукаю твоих лошадушек! — сказал Большой Клаус.

Взял он обух, которым вколачивают в поле колья для привязи лошадей, и так хватил лошадь Маленького Клауса по лбу, что убил ее наповал.

— Эх, нет теперь у меня ни единой лошадки! — сказал Маленький Клаус и принялся плакать.

Потом он снял с лошади шкуру, высушил ее хорошенько на ветру, положил в мешок, взвалил мешок на спину и пошел в город продавать шкуру.

Идти пришлось очень далеко. через большой темный лес, а тут еще, как на грех, разыгралась непогода, и Маленький Клаус заблудился, а когда опять выбрался на дорогу, совсем уже стемнело. До города было еще далеко, да и домой назад не близко; до ночи ни за что не добраться ни туда, ни сюда.

На дороге стоял как раз большой крестьянский двор; ставни в доме были уже закрыты, но сквозь щели светился огонь.

«Вот тут я, верно, найду себе приют на ночь», — подумал Маленький Клаус и постучался.

Хозяйка отперла, узнала, что ему надо, и велела идти своей дорогой; мужа ее не было дома, а без него она не могла принимать гостей.

— Видно придется переночевать на дворе! — сказал Маленький Клаус, ведь хозяйка заперла перед ним дверь.

Возле дома стоял большой стог сена, а между стогом и домом — сарайчик с плоской соломенной крышей.

— Вон там я и улягусь! — сказал Маленький Клаус, увидев

эту крышу. — Чудесная постель! Авось аист не прилетит и не ушибнет меня за ногу!

Это он сказал потому, что на крыше дома было гнездо и стоял живой аист.

Маленький Клаус влез на крышу сарая, растянулся на соломе и принялся ворочаться с боку на бок, стараясь улечься поудобнее. Ставни не доходили до верха окон, и ему видна была вся горница.

В горнице был накрыт большой стол; чего-чего только на нем не было: и вино, и жаркое, и чудеснейшая рыба; за столом сидели хозяйка и пономарь — больше никого.

Хозяйка наливала гостю вино, а он уплетал рыбу — он был большой до нее охотник.

«Вот бы мне присоседиться!» — подумал Маленький Клаус и, вытянув шею, заглянул в окно. Боже, какой дивный пирог он увидал! Вот так пир!

Но тут он услышал, что кто-то подъезжает к дому верхом, — это вернулся домой хозяйкин муж. Он был очень добрый человек, но за ним водилась одна слабость: он видеть не мог пономарей. Стоило ему встретить пономаря — и он приходил в бешенство. Поэтому пономарь и пришел в гости к его жене в то время, когда мужа не было дома, а добрая женщина постаралась угостить его на славу. Оба они очень испугались, услышав, что хозяин вернулся, и хозяйка попросила гостя поскорее влезть в большой пустой сундук, который стоял в углу. Пономарь послушался, он ведь знал, что бедняга-муж видеть не может пономарей, а хозяйка проворно убрала все угощение в печку: если бы муж увидал все это, он, конечно, спросил бы, кого она вздумала угощать.

— Ах! — вздохнул Маленький Клаус на крыше, глядя, как она прятала кушанье и вино.

— Кто там? — спросил крестьянин и вскинул глаза на Маленького Клауса. — Чего ж ты лежишь тут? Пойдем-ка лучше в горницу!

Маленький Клаус объяснил, как он заблудился, и попросился ночевать.

— Ладно, — сказал крестьянин. — Только сперва нам надо с тобой подкрепиться с дороги.

Жена приняла их обоих очень ласково, накрыла на стол и вынула из печки большой горшок каши.

Крестьянин проголодался и ел с аппетитом, а у Маленького

Клауса из головы не шли жаркое, рыба и пирог, которые были спрятаны в печке.

Под столом, у ног Маленького Клауса, лежал мешок с лошадиной шкурой, с той самой, которую он нес продавать. Каша не лезла ему в горло, и вот он наступил на свой мешок ногой; сухая шкура громко заскрипела.

— Тсс! — сказал Маленький Клаус мешку, а сам опять наступил на него, и шкура заскрипела еще громче.

— Что там у тебя? — спросил хозяин.

— А это колдун мой! — сказал Маленький Клаус. — Он говорит, что не стоит есть кашу, он наколдовал нам полную печку вкусных вещей — там и жаркое, и рыба, и пирог!

— Вот так штука! — сказал крестьянин, мигом открыл печку и увидел там чудесные кушанья. Их спрятала туда его жена, а он подумал, что это все колдун наколдовал!

Жена не посмела сказать ни слова и живо поставила все на стол, а муж с гостем принялись есть и жаркое, и рыбу, и пирог. Вдруг Маленький Клаус опять наступил на мешок, и шкура заскрипела.

— А что он теперь сказал? — спросил крестьянин.

— Да вот, говорит, что наколдовал нам еще три бутылки вина, они тоже в печке, — ответил Маленький Клаус.

Жене пришлось вытащить и вино. Крестьянин выпил стаканчик, другой, и ему стало так весело! Да, такого колдуна, как у Маленького Клауса, он не прочь был заполучить!

— А может он вызвать черта? — спросил крестьянин. — Вот на кого бы я посмотрел, ведь мне сейчас весело!

— Да, — сказал Маленький Клаус, — мой колдун может сделать все, чего я захочу. Правда? — спросил он у мешка, а сам наступил на него, и шкура заскрипела.

— Слышишь? Он отвечает «да». Только черт такой безобразный, что не стоит и смотреть на него!

— Но я его ни капельки не боюсь. А каков он на вид?

— Да он точь-в-точь пономарь!

— Тьфу! — сплюнул крестьянин. — Вот безобразие! Надо тебе сказать, что я видеть не могу пономарей! Но все равно, я ведь буду знать, что это черт, и мне не будет так противно! Теперь, кстати, я набрался храбрости! Только пусть он не подходит слишком близко!

— А вот я сейчас скажу колдуну! — сказал Маленький Клаус, наступил на мешок и прислушался.

— Ну что?

— Он велит вам пойти и открыть вон тот сундук в углу, там притаился черт. Но надо придерживать крышку, а то он выско-чит.

— Так помогите мне придерживать! — сказал крестьянин и пошел к сундуку, куда жена спрятала настоящего пономаря.

Пономарь был на жив ни мертв от страха. Крестьянин при-открыл крышку и заглянул в сундук.

— Тьфу! — закричал он и отскочил прочь. — Видел, видел! Точь-в-точь наш пономарь! Вот гадость-то!

Такую неприятность надо было запить, и они пили до позд-ней ночи.

— А колдуна этого ты мне продай! — сказал крестьянин. — Проси, сколько хочешь, хоть целый четверик денег!

— Нет, не могу! — сказал Маленький Клаус. — Подумай, сколько мне от него пользы!

— Ах, мне страсть как хочется! — сказал крестьянин и стал упрашивать Маленького Клауса.

— Ну ладно, — сказал наконец Маленький Клаус, — пусть будет по-твоему! Ты ласково обошелся со мной, пустил меня ночевать, так бери ж себе моего колдуна за четверик денег, только насыпай полный!

— Хорошо! — сказал крестьянин. — Но ты должен взять и сундук, я и часу не хочу держать его у себя в доме. Почему знать, может быть, он все еще там сидит.

Маленький Клаус отдал крестьянину свой мешок с высу-шенной шкурой и получил за него полный четверик денег да еще большую тачку, чтобы было на чем везти деньги и сундук.

— Прощай! — сказал Маленький Клаус и покатил тачку с деньгами и с сундуком, где все еще сидел пономарь.

По ту сторону леса протекал большой глубокий ручей, такой быстрый, что едва можно было справиться с течением. Через ручей был перекинут новый мост. Маленький Клаус встал посередине моста и сказал нарочно как можно громче, чтобы пономарь услышал:

— К чему мне этот дурацкий сундук? Он такой тяжелый, точно набит камнями! Я совсем измучусь с ним! Брошу-ка его в реку; приплывет он ко мне домой сам — ладно, а не приплы-вет — и не надо!

Потом он взялся за сундук одною рукою и слегка приподнял его, точно собираясь столкнуть в воду.

— Пстой! — закричал из сундука пономарь. — Выпусти сначала меня!

— Ай! — вскрикнул Маленький Клаус, притворяясь, что испугался. — Он все еще тут! В воду его скорее! Пусть тонет!

— Нет, нет! Это не черт, это я! — кричал пономарь. — Выпусти меня, я тебе дам целый четверик денег!

— Вот это другое дело! — сказал Маленький Клаус и открыл сундук.

Пonomарь мигом выскочил оттуда и столкнул пустой сундук в воду. Потом они пошли к нему домой, и Маленький Клаус получил еще целый четверик денег. Теперь тачка была полна денег.

— А ведь лошадка принесла мне недурной барыш! — сказал себе Маленький Клаус, когда пришел домой и высыпал на пол целую кучу денег. — Вот Большой Клаус-то рассердится, когда узнает, как я разбогател от своей единственной лошади. Только пусть не ждет, чтобы я сказал ему всю правду!

И он послал к Большому Клаусу мальчика попросить меру, которою мерят зерно.

«На что ему эта мера?» — подумал Большой Клаус и слегка смазал дно меры дегтем — авось, мол, к нему что-нибудь да пристанет. Так оно и вышло: получив меру назад, Большой Клаус увидел, что ко дну прилипли три новенькие серебряные монетки.

— Вот так штука! — сказал Большой Клаус и сейчас же побежал к Маленькому Клаусу.

— Откуда у тебя столько денег?

— Я продал вчера вечером шкуру своей лошади.

— С барышом продал! — сказал Большой Клаус, побежал домой, взял топор и убил всех своих четырех лошадей, снял с них шкуры и отправился в город продавать.

— Шкуры! Шкуры! Кому надо шкуры! — кричал он по улицам.

Все сапожники и кожевники сбежались к нему и стали спрашивать, сколько он просит за шкуры.

— Четверик денег за штуку! — отвечал Большой Клаус.

— Да ты в уме? — возмущились покупатели. — У нас деньги не водятся четвериками!

— Шкуры! Шкуры! Кому надо шкуры! — кричал он опять и всем, кто спрашивал, почем у него шкуры, отвечал: — Четверик денег за штуку!

— Да он нас дурачить вздумал! — закричали сапожники и

кожевники, и вот одни схватили свои ремни, другие сели кожаные передники и принялись хлестать ими Большого Клауса.

— «Шкуры! Шкуры!» — передразнивали они его. — Вот мы покажем тебе шкуры! Вон из города!

И Большой Клаус давай бог ноги! Сроду еще его так не колотили!

— Ну, — сказал он, добравшись до дому, — поплатится же мне за это Маленький Клаус! Убью его!

А у Маленького Клауса умерла старая бабушка; она не очень-то ладила с ним, была злая и жадная, но он все-таки очень жалел ее и положил на ночь в свою теплую постель — авось отогреется и оживет, — а сам уселся в углу на стуле, ему не впервой было так ночевать.

Ночью дверь отворилась, и вошел Большой Клаус с топором в руках. Он знал, где стоит кровать Маленького Клауса, подошел к ней и ударил мертвую бабушку по голове, думая, что это Маленький Клаус.

— Вот тебе! Не будешь больше меня дурачить! — сказал Большой Клаус и пошел домой.

— Вот злодей! — сказал Маленький Клаус. — Это он меня хотел убить! Хорошо, что бабушка-то была мертвая, а то бы ей не поздоровилось!

Потом он одел бабушку в праздничное платье, попросил у соседа лошадь, запряг ее в тележку, хорошенько усадил старуху на заднюю скамейку, так, чтобы она не свалилась, когда поедут, и покатил с ней через лес. Когда солнышко встало, они подъехали к большому постоялому двору. Маленький Клаус остановился и пошел спросить себе чего-нибудь закусить.

У хозяина постоялого двора было много-много денег, и сам он был человек очень добрый, но такой горячий, точно весь начинен перцем и табаком.

— Здравствуй! — сказал он Маленькому Клаусу. — Чего это ты нынче спозаранку расфрантился?

— Да вот, — отвечал Маленький Клаус, — надо с бабушкой в город съездить; она осталась там, в тележке, ни за что не хочет вылезать. Пожалуйста, отнесите ей туда стаканчик меду. Только говорите с ней погромче, она глуховата!

— Ладно! — согласился хозяин, взял большой стакан меду и понес старухе.

— Вот, внучек прислал вам стаканчик медку! — сказал

хозяин, подойдя к тележке, но старуха не ответила ни слова и даже не шевельнулась.

— Слышите? — закричал хозяин во все горло. — Ваш внук посылает вам стакан меду!

Еще раз прокричал он то же самое и еще раз, а она все не шевелилась; тогда он рассердился и запустил ей стаканом прямо в лицо, так что мед потек у нее по носу, а сама она опрокинулась навзничь, потому что Маленький Клаус только посадил ее на скамейку, но не привязывал.

— Что ты наделал? — завопил Маленький Клаус, выскочил из дверей и схватил хозяина за ворот. — Ты убил мою бабушку! Погляди, какая у нее дыра во лбу!

— Вот беда-то! — захохотал хозяин, всплеснув руками. — И все это из-за моей горячности! Маленький Клаус, друг ты мой, я тебе целый четверик денег дам и бабушку твою похороню, как свою собственную, только молчи об этом, не то мне отрубят голову, а ведь это ужасно неприятно!

И вот Маленький Клаус получил целый четверик денег, а хозяин схоронил его старую бабушку, точно свою собственную.

Маленький Клаус вернулся домой опять с целой кучей денег и сейчас же послал к Большому Клаусу мальчика попросить меру.

— Как так? — удивился Большой Клаус. — Разве я не убил его? Надо посмотреть самому!

И он сам понес меру Маленькому Клаусу.

— Откуда это у тебя такая куча денег? — спросил он и просто глаза вытаращил от удивления.

— Ты убил-то не меня, а мою бабушку, — сказал Маленький Клаус, — и я ее продал за четверик денег!

— С барышом продал! — сказал Большой Клаус, побежал домой, взял топор и убил свою старую бабушку, потом положил ее в тележку, приехал с ней в город к аптекарю и предложил ему купить мертвого человека.

— Кто это и где вы его взяли? — спросил аптекарь.

— Это моя бабушка! — ответил Большой Клаус. — Я убил ее, чтобы продать за четверик денег!

— Господи помилуй! — воскликнул аптекарь. — Вы сами не знаете, что говорите! Смотрите, ведь это может стоить вам головы!

И он растолковал Большому Клаусу, что он такое наделал, какой он дурной человек и как его за это накажут. Большой Клаус перепугался, опрометью выскочил из аптеки, сел в те-

лежку, стегнул по лошадям и помчался домой. Аптекарь и весь народ подумали, что он сумасшедший, и потому не стали его ловить.

— Поплатишься же ты мне за это, поплатишься, Маленький Клаус! — сказал Большой Клаус, выехав на дорогу, и, как только добрался до дому, взял большущий мешок, пошел к Маленькому Клаусу и сказал:

— Ты опять одурачил меня. Сперва я убил своих лошадей, а теперь и бабушку! Все это по твоей милости! Но уж больше тебе не дурачить меня!

И вот он схватил Маленького Клауса и засунул в мешок, завязал его, вскинул на спину и закричал:

— Пойду да утоплю тебя!

До реки было не близко, и Большому Клаусу тяжеленько стало тащить Маленького. Дорога шла мимо церкви, оттуда слышались звуки органа и чудное пение. Большой Клаус поставил мешок с Маленьким Клаусом у самых церковных дверей и подумал, что не худо бы зайти в церковь, прослушать псалом, а потом уж идти дальше. Маленький Клаус не мог ведь вылезти из мешка сам, а весь народ был в церкви. И вот Большой Клаус зашел в церковь.

— Ох, ох! — вздыхал Маленький Клаус, ворочаясь в мешке, но, как он ни старался, развязать мешок ему не удавалось. В это самое время мимо проходил старый, седой как лунь пастух с большой клюкой в руках; он погонял ею стадо. Коровы и быки набежали на мешок с Маленьким Клаусом и повалили его.

— О-ох! — вздохнул Маленький Клаус. — Такой я молодой еще, а уж должен отправляться в царство небесное!

— А я, бедняга, такой старик и все не могу попасть туда! — сказал пастух.

— Так развяжи мешок, — закричал Маленький Клаус. — Полезай на мое место и живо попадешь туда!

— С удовольствием! — сказал пастух и развязал мешок, а Маленький Клаус мигом выскочил оттуда.

— Теперь тебе смотреть за стадом! — сказал старик и влез в мешок.

Маленький Клаус завязал его и погнал себе стадо дальше.

Немного погодя вышел из церкви Большой Клаус, взвалил мешок на спину, и ему сразу показалось, что мешок стал гораздо легче — Маленький Клаус весил ведь чуть не вдвое больше против старика пастуха.

«Ишь как теперь легко стало! А все оттого, что я побывал в церкви!» — подумал Большой Клаус, дошел до широкой и глубокой реки, бросил туда мешок с пастухом и, думая, что там сидит Маленький Клаус, закричал:

— Ну вот, вперед не будешь меня дурачить!

После этого он отправился домой, но у самого перекрестка встретил Маленького Клауса с целым стадом!

— Вот тебе раз! — сказал Большой Клаус. — Разве я не утопил тебя?

— Конечно! — сказал Маленький Клаус. — Полчаса тому назад ты бросил меня в реку!

— Так откуда же ты взял такое чудесное стадо? — спросил Большой Клаус.

— Это водяное стадо! — ответил Маленький Клаус. — Вот послушай, сейчас я тебе расскажу, как все было. Спасибо тебе, что ты утопил меня, теперь я разбогател, как видишь! А страшно мне было в мешке! Ветер так и засвистал у меня в ушах, когда ты бросил меня с моста в холодную воду! Я сразу пошел ко дну, но не ушибся — там внизу растет такая нежная, мягкая травка, на нее я и упал. Мешок сейчас же развязался, и прелестнейшая девушка, в белом как снег платье, с венком из зелени на мокрых волосах, протянула мне руку и сказала: «А, это ты, Маленький Клаус? Ну вот, прежде всего бери это стадо, а в миле отсюда на дороге пасется другое, побольше, ступай, я тебе его дарю».

Тут я увидел, что река была для водяных жителей все равно что дорога: они ездили и ходили по дну от самого озера и до того места, где реке конец. Ах, как там было хорошо! Какие цветы, какая свежая трава! А рыбки шныряли мимо моих ушей, точь-в-точь как у нас здесь птицы! Что за красивые люди попадались мне навстречу и какие чудесные стада паслись у изгородей и канав!

— Зачем же ты так скоро вернулся? — спросил Большой Клаус. — Уж меня бы не выманили оттуда, если там так хорошо!

— Я ведь это неспроста сделал! — сказал Маленький Клаус. — Ты слышал, что водяная девушка велела мне отправиться за другим стадом, которое пасется на дороге всего в одной версте оттуда? Дорогой она называет реку — другой дороги они ведь там не знают, — а река так петляет, что мне пришлось бы задать здоровый крюк. Вот я и решился выйти на сушу да

пойти напрямик к тому месту, где ждет мое стадо; так я выгадаю почти полмили пути!

— Экий счастливец! — сказал Большой Клаус. — А как ты думаешь, получу я стадо, если спущусь на дно?

— Конечно! — сказал Маленький Клаус. — Только я не могу тащить тебя в мешке до реки, ты больно тяжелый. А вот, коли хочешь, дойди сам да влезь в мешок, а я с удовольствием тебя сброшу в воду!

— Спасибо! — сказал Большой Клаус. — Но если я не получу там стада, я тебя изобью, так и знай!

— Ну-ну, не сердись! — сказал Маленький Клаус, и они пошли к реке.

Когда стадо увидело воду, оно так и бросилось к ней; коровам очень хотелось пить.

— Погляди, как они торопятся! — сказал Маленький Клаус. — Ишь, как соскучились по воде: домой, на дно, знать, захотелось!

— Да, да! Ты вот помоги-ка мне лучше, а не то я тебя изобью! — сказал Большой Клаус и влез в большой мешок, который лежал на спине у одного из быков. — Да положи мне в мешок камень, а то я, пожалуй, не пойду ко дну!

— Пойдешь! — сказал Маленький Клаус, но все-таки положил в мешок большой камень, крепко завязал мешок и толкнул его в воду. Бултых! И Большой Клаус пошел прямо ко дну.

— Ох, боюсь, не найдет он там ни коров, ни быков! — сказал Маленький Клаус и погнал свое стадо домой.

НОВЫЙ НАРЯД КОРОЛЯ

Давным-давно жил-был на свете король; он так любил наряжаться, что тратил на наряды все свои деньги, и смотры войскам, театры, загородные прогулки занимали его только потому, что он мог тогда показаться в новом наряде. На каждый час дня у него был особый наряд, и как про других королей часто говорят: «Король в совете», так про него говорили: «Король в гардеробной».

В столице короля жилось очень весело; каждый день почти приезжали иностранные гости, и вот раз явились двое обманщиков. Они выдали себя за ткачей, которые умеют изготавливать такую чудесную ткань, лучше которой ничего и представить себе нельзя: кроме необыкновенно красивого рисунка и рас-

цветки она отличалась еще удивительным свойством — становиться невидимой для всякого человека, который был не на своем месте или непроходимо глуп.

«Да, вот это будет платье! — подумал король. — Тогда ведь я могу узнать, кто из моих сановников не на своем месте и кто умен, а кто глуп. Пусть поскорее изготовят для меня такую ткань».

И он дал обманщикам большой задаток, чтобы они сейчас же принялись за дело.

Те поставили два ткацких станка и стали делать вид, будто усердно работают, а у самих на станках ровно ничего не было. Нимало не стесняясь, они требовали для работы тончайшего шелку и чистейшего золота, все это припрятывали в карманы и продолжали сидеть за пустыми станками с утра до поздней ночи.

«Хотелось бы мне посмотреть, как подвигается дело!» — думал король. Но тут он вспоминал о чудесном свойстве ткани, и ему становилось как-то не по себе. Конечно, ему нечего бояться за себя, но... все-таки пусть бы сначала пошел кто-нибудь другой! А между тем молва о диковинной ткани облетела весь город, и всякий горел желанием поскорее убедиться в глупости или негодности своего ближнего.

«Пошлю-ка я к ним своего честного старика министра, — подумал король. — Уж он-то рассмотрит ткань; он умен и с честью занимает свое место».

И вот старик министр вошел в покой, где сидели за пустыми станками обманщики.

«Господи помилуй! — думал министр, тараща глаза. — Я ведь ничего не вижу!»

Только он не сказал этого вслух.

Обманщики почтительно попросили его подойти поближе и сказать, как нравятся ему узор и краски. При этом они указывали на пустые станки, а бедный министр, как ни тарашил глаза, все-таки ничего не видел. Да и нечего было видеть.

«Ах ты господи! — думал он. — Неужели я глуп? Вот уж чего никогда не думал! Спаси боже, если кто-нибудь узнает!.. Или, может быть, я не гожусь для своей должности?.. Нет, нет, никак нельзя признаваться, что я не вижу ткани!»

— Что ж вы ничего не скажете нам? — спросил один из ткачей.

— О, это премило! — ответил старик министр, глядя сквозь

очки. — Какой узор, какие краски! Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

— Рады стараться! — сказали обманщики и принялись расписывать, какой тут необычайный узор и сочетание красок. Министр слушал очень внимательно, чтобы потом повторить все это королю. Так он и сделал.

Теперь обманщики стали требовать еще больше денег, шелку и золота; но они только набивали себе карманы, а на работу не пошло ни одной ниточки. Как и прежде, они сидели у пустых станков и делали вид, что ткут.

Потом король послал к ткачам другого достойного сановника. Он должен был посмотреть, как идет дело, и узнать, скоро ли работа будет закончена. С ним было то же, что и с первым. Уж он смотрел, смотрел, а все ничего, кроме пустых станков, не высмотрел.

— Ну, как вам нравится? — спросили его обманщики, показывая ткань и объясняя узоры, которых и в помине не было.

«Я не глуп, — думал сановник. — Значит, я не на своем месте? Вот тебе раз! Однако нельзя и виду подавать!»

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, восхищаясь чудесным рисунком и сочетанием красок.

— Премило, премило! — доложил он королю.

Скоро весь город заговорил о восхитительной ткани.

Наконец король сам пожелал полюбоваться диковинкой, пока она еще не снята со станка.

С целою свитой избранных придворных и сановников, в числе которых находились и первые два, уже видевшие ткань, явился король к хитрым обманщикам, ткавшим изо всех сил на пустых станках.

— *Magnifique!*¹ Не правда ли? — заговорили первые два сановника. — Не угодно ли полюбоваться? Какой рисунок! Какие краски!

И они тыкали пальцами в пространство, воображая, что все остальные видят ткань.

«Да что же это такое! — подумал король. — Я ничего не вижу! Ведь это ужасно! Глуп я, что ли? Или не гожусь в короли? Это было бы хуже всего!»

— О да, очень, очень мило! — сказал наконец король. — Вполне заслуживает моего одобрения.

¹ Изумительно! (франц.)

И он с довольным видом кивал головой, рассматривая пустые станки, — он не хотел признаться, что ничего не видит. Свита короля глядела во все глаза, но видела не больше его самого, и тем не менее все повторяли в один голос: «Очень, очень мило!» — и советовали королю сделать себе из этой ткани наряд для предстоящей торжественной процессии.

— *Magnifique! Чудесно! Excellent!*¹ — только и слышалось со всех сторон; все были в таком восторге! Король наградил обманщиков рыцарским крестом в петлицу и пожаловал им звание придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за работой и сожгли больше шестнадцати свечей — всем было ясно, что они старались кончить к сроку новый наряд короля. Они притворялись, что снимают ткань со станков, кроят ее большими ножницами и потом шьют иголками без ниток.

Наконец они объявили:

— Готово!

Король в сопровождении свиты сам пришел к ним одеваться. Обманщики поднимали кверху руки, будто держат что-то, приговаривая:

— Вот панталоны, вот камзол, вот кафтан! Чудесный наряд! Легок, как паутина, и не почувствуешь его на теле. Но в этом-то вся и прелесть!

— Да, да! — говорили придворные, но они ничего не видали — нечего ведь было и видеть.

— А теперь, ваше королевское величество, соблаговолите раздеться и стать вот тут, перед большим зеркалом! — сказали королю обманщики. — Мы нарядим вас.

Король разделся, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто надевают на него одну часть одежды за другой и наконец прикрепляют что-то в плечах и на талии, — это они надевали на него королевскую мантию! А король в это время поворачивался перед зеркалом во все стороны.

— Боже, как идет! Как чудно сидит! — шептали в свите. — Какой узор, какие краски! Роскошное платье!

— Балдахин ждет! — доложил обер-церемониймейстер.

— Я готов! — сказал король. — Хорошо ли сидит платье?

И он еще раз повернулся перед зеркалом: надо ведь было показать, что он внимательно рассматривает свой наряд.

¹ Великолепно! (франц.)

Камергеры, которые должны были нести шлейф королевской мантии, сделали вид, будто приподняли что-то с полу, и пошли за королем, вытягивая перед собой руки, — они не смели и виду подать, что ничего не видят.

И вот король шествовал по улицам под роскошным балдахином, а в народе говорили:

— Ах, какой бесподобный наряд у короля! Как чудно сидит! Какая роскошная мантия!

Ни единый человек не сознался, что ничего не видит, никто не хотел показаться глупцом или никуда не годным человеком. Да, ни один наряд короля не вызывал еще таких восторгов.

— Да ведь он совсем голый! — закричал вдруг один маленький мальчик.

— Послушайте-ка, что говорит невинный младенец! — сказал его отец, и все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

— Да ведь он совсем голый! — закричал наконец весь народ.

И королю стало жутко: ему казалось, что они правы, но надо же было довести церемонию до конца!

И он выступал под своим балдахином еще величавее, а камергеры шли за ним, поддерживая мантию, которой не было.

Оскар УАЙЛЬД

ПРЕДАННЫЙ ДРУГ

Однажды утром старая Водяная Крыса высунула голову из своей норы. Глаза у нее были как блестящие бусинки, усы серые и жесткие, а черный хвост ее походил на длинный резиновый шнур. Маленькие утята плавали в пруду, желтые, точно канарейки, а их мать, белая-пребелая, с ярко-красными лапами, старалась научить их стоять в воде вниз головой.

— Если вы не научитесь стоять на голове, вас никогда не примут в хорошее общество, — приговаривала она и время от времени показывала им, как это делается.

Но утята даже не глядели на нее. Они были еще слишком малы, чтобы понять, как важно быть принятым в обществе.

— Какие непослушные дети! — воскликнула Водяная Крыса. — Право, их стоит утопить.

— Отнюдь нет, — возразила Утка. — Всякое начало трудно, и родителям надлежит быть терпеливыми.

— Ах, мне родительские чувства неведомы, — сказала Водяная Крыса, — у меня нет семьи. Замужем я не была, да и выходить не собираюсь. Любовь, конечно, вещь по-своему хорошая, но дружба куда возвышеннее. Право же, ничего нет на свете прелестнее и возышеннее преданной дружбы.

— А что, по-вашему, следует требовать от преданного друга? — заинтересовалась зелененькая Коноплянка, сидевшая на соседней иве и слышавшая весь этот разговор.

— Вот-вот, что именно? Мне тоже интересно, — сказала Утка, а сама отплыла на другой конец пруда и перевернулась там вниз головой, чтобы подать добрый пример своим детям.

— Удивительно глупый вопрос! — воскликнула Водяная Крыса. — Ну, прежде всего, преданный друг должен быть мне предан.

— А что бы вы предложили ему взамен? — спросила птичка, покачиваясь на серебристой ветке и взмахивая крохотными крылышками.

— Я вас не понимаю, — ответила Водяная Крыса.

— Позвольте рассказать вам по этому поводу одну историю, — сказала Коноплянка.

— Обо мне? — спросила Водяная Крыса. — Если да, то я охотно послушаю. Я ужасно люблю изящную словесность.

— Ее можно применить и к вам, — ответила Коноплянка, и, вспорхнув с ветки и опустившись на берег, она принялась рассказывать историю о Преданном Друге.

— Жил-был когда-то в этих краях, — начала Коноплянка, — славный паренек по имени Ганс.

— Он был человек выдающийся? — спросила Водяная Крыса.

— Нет, — ответила Коноплянка, — по-моему, он ничем таким не отличался, разве что добрым сердцем и забавным круглым веселым лицом. Жил он один-одинешенек в своей маленькой избушке и день-деньской копался у себя в саду. Во всей округе не было такого прелестного садика. Тут росли и турецкая гвоздика, и левкой, и пастушья сумка, и бель-де-жур. Были тут розы — пунцовые и желтые, крокусы — лиловые и золотистые, фиалки — темные и белые. Водосбор и луговой сердечник, майоран и дикий базилик, ирис и белая буковица, нарцисс и красная гвоздика распускались и цвели каждый

своим чередом. Месяцы сменяли один другой, и одни цветы сменялись другими, и всегда его сад радовал взор и напоен был сладкими ароматами.

У Маленького Ганса было множество друзей, но самым преданным из всех был Большой Гью-Мельник. Да, богатый Мельник так был предан Маленькому Гансу, что всякий раз, как проходил мимо его сада, перевешивался через забор и набирал букет цветов или охапку душистых трав или, если наступала пора плодов, набивал карманы сливами и вишнями.

— У настоящих друзей все должно быть общее, — говаривал Мельник, а Маленький Ганс улыбался и кивал головой: он очень гордился, что у него есть друг с такими благородными взглядами.

Правда, соседи иногда удивлялись, почему богатый Мельник, у которого шесть дойных коров и целое стадо длинношерстных овец, а на мельнице сотня мешков с мукой, никогда ничем не отблагодарит Ганса. Но Маленький Ганс не задумывался над такими вещами и не ведал большего счастья, чем слушать восхитительные речи Мельника о самоотвержении истинной дружбы.

Итак, Маленький Ганс все трудился в своем саду. Весною, летом и осенью он не знал заботы. Но зимой, когда у него не было ни цветов, ни плодов, которые можно было отнести на базар, он терпел холод и голод и частенько ложился в постель без ужина, удовольствовавшись несколькими сушеными грушами или горсточкой твердых орехов. К тому же зимой он был очень одинок — в эту пору Мельник никогда не навещал его.

— Не следует мне навещать Маленького Ганса, пока не стает снег, — говорил Мельник своей жене. — Когда человеку придется туго, его лучше оставить в покое и не докучать ему своими посещениями. Так, по крайней мере, я понимаю дружбу, и я уверен, что прав. Подожду до весны и тогда загляну к нему. Он наполнит мою корзину первоцветом, и это доставит ему такую радость!

— Ты всегда думаешь о других, — отозвалась жена, сидевшая в покойном кресле у камина, где ярко пылали сосновые дрова, — только о других. Просто наслаждение слушать, как ты рассуждаешь о дружбе! Наш священник и тот, по-моему, не умеет так красно говорить, хоть и живет в трехэтажном доме и носит на мизинце золотое кольцо.

— А нельзя ли пригласить Маленького Ганса сюда? — спро-

сил Мельника его младший сынишка. — Если бедному Гансу плохо, я поделюсь с ним своей кашей и покажу ему моих белых кроликов.

— До чего же ты глуп! — воскликнул Мельник. — Право, не знаю, стоит ли посылать тебя в школу. Все равно ничему там не научишься. Ведь если бы Ганс пришел к нам и увидел наш теплый очаг, добрый ужин и славный бочонок красного вина, он, чего доброго, позавидовал бы нам, а на свете нет ничего хуже зависти, она любого испортит. И я, разумеется, не должен допустить Ганса до этого. Я ему друг и всегда буду заботиться о том, чтоб он не подвергался соблазну. К тому же, если б Ганс пришел сюда, он, чего доброго, попросил бы меня дать ему в долг немного муки, а этого я никак не могу сделать. Мука — одно, а дружба — другое, и нечего их смешивать. Эти слова и пишутся по-разному и означают разное. Каждому ясно.

— До чего ж хорошо ты говоришь! — промолвила жена Мельника, наливая себе большую кружку подогретого эля. — Я даже чуть не задремала. Ну точно в церкви!

— Многие поступают хорошо, — отвечал Мельник, — но мало кто умеет хорошо говорить. Значит, говорить куда труднее, а потому и много достойнее.

И он через стол строго глянул на своего сынишку, который до того застыдился, что опустил голову, весь покраснел, и слезы его закапали прямо в чай. Но не подумайте о нем дурно — он был еще так мал!

— Тут и конец вашей истории? — осведомилась Водяная Крыса.

— Что вы! — ответила Коноплянка. — Это только начало.

— Видно, вы совсем отстали от века, — заметила Водяная Крыса. — Нынче каждый порядочный рассказчик начинает с конца, потом переходит к началу и кончает серединой. Это самая новая метода. Так сказывал один критик, который гулял на днях возле нашего пруда с каким-то молодым человеком. Он долго рассуждал на эту тему и, бесспорно, был прав, потому что у него была лысая голова и синие очки на носу, и стоило только юноше что-нибудь возразить, как он кричал ему: «Гиль!» Но, прошу вас, рассказывайте дальше. Мне ужасно нравится Мельник. Я сама преисполнена возвышенных чувств и прекрасно его понимаю!

— Итак, — продолжала Коноплянка, прыгая с ноги на ногу, — едва зима миновала и первоцвет раскрыл свои бледно-

желтые звездочки, Мельник объявил жене, что идет проведать Маленького Ганса.

— У тебя золотое сердце! — воскликнула жена. — Ты всегда думаешь о других. Не забудь, кстати, захватить с собою корзину для цветов.

Мельник привязал крылья ветряной мельницы тяжелой железной цепью к скобе и спустился с холма с пустою корзиной в руках.

— Здравствуй, Маленький Ганс, — сказал Мельник.

— Здравствуйте, — отвечал Маленький Ганс, опираясь на лопату и улыбаясь во весь рот.

— Ну, как ты провел зиму? — спросил Мельник.

— Так любезно с вашей стороны, что вы меня об этом спрашиваете, — воскликнул Маленький Ганс. — Признаться, мне подчас приходилось туго. Но весна наступила. Теперь и мне хорошо и моим цветочкам.

— А мы зимой частенько вспоминали о тебе, Ганс, — молвил Мельник, — все думали, как ты там.

— Это было очень мило с вашей стороны, — ответил Ганс. — А я уж начал бояться, что вы меня забыли.

— Ты меня удивляешь, Ганс, — сказал Мельник, — друзей не забывают. Тем и замечательна дружба. Но ты, боюсь, не способен оценить всю поэзию жизни. Кстати, как хороши твои первоцветы!

— Они и в самом деле прелесть как хороши, — согласился Ганс. — Мне повезло, что их столько уродилось. Я отнесу их на базар, продам дочери бургомистра и на эти деньги выкуплю свою тачку.

— Выкупишь? Уж не хочешь ли ты сказать, что заложил ее? Вот глупо!

— Что поделаешь, — ответил Ганс, — нужда. Зимой, видите ли, мне пришлось несладко, время уж такое — не на что было даже хлеба купить. Вот я и заложил сперва серебряные пуговицы с воскресной куртки, потом серебряную цепочку, потом свою большую трубку и, наконец, тачку. Но теперь я все это выкуплю.

— Ганс, — сказал Мельник, — я подарю тебе свою тачку. Правда, она немного не в порядке. У нее, кажется, не хватает одного борта и со спицами что-то не ладно, но я все-таки подарю ее тебе. Я понимаю, как я щедр, и многие скажут, что я делаю ужасную глупость, расставаясь с тачкой, но я не такой, как все. Без щедрости, по-моему, нет дружбы, да к тому же я

купил себе новую тачку. Так что ты теперь о тачке не беспокойся. Я подарю тебе свою.

— И правда, вы удивительно щедры! — отозвался Маленький Ганс, и его забавное круглое лицо прямо засияло от радости. — У меня есть доска, и я без труда ее починю.

— У тебя есть доска! — воскликнул Мельник. — А я как раз ищу доску, чтоб починить крышу на амбаре. Там большая дыра, и, если я ее не заделаю, у меня все зерно отсыреет. Хорошо, что ты вспомнил про доску! Просто удивительно, как одно доброе дело порождает другое. Я подарил тебе свою тачку, а ты решил подарить мне доску. Правда, тачка много дороже, но истинные друзья на это не смотрят. Достань-ка ее поскорее, и я сегодня же примусь за работу.

— Сию минуту! — воскликнул Ганс и тут же побежал в сарай и притащил доску.

— Да, невелика доска, невелика, — заметил Мельник, осматривая ее. — Боюсь, что, когда я починю крышу, на тачку ничего не останется. Но это уж не моя вина. А теперь, раз я подарил тебе свою тачку, ты, верно, захочешь подарить мне побольше цветов. Вот корзина, наполни ее до самого верха.

— До самого верха? — с грустью переспросил Ганс. Корзина была очень большая, и он видел, что, если наполнить ее доверху, на рынок идти будет не с чем, а ему так хотелось выкупить свои серебряные пуговицы.

— Ну, знаешь ли, — отозвался Мельник, — я подарил тебе тачку и думал, что могу попросить у тебя немного цветочков. Я считал, что настоящая дружба свободна от всякого расчета. Значит, я ошибся.

— Дорогой мой друг, лучший мой друг! — воскликнул Маленький Ганс. — Забирайте хоть все цветы из моего садика! Ваше доброе мнение для меня гораздо важнее каких-то там серебряных пуговиц.

И он побежал и срезал все свои дивные первоцветы и наполнил ими корзину Мельника.

— До свидания, Маленький Ганс! — сказал Мельник и пошел на свой холм с доской на плече и большой корзиной в руках.

— До свидания! — ответил Маленький Ганс и принялся весело работать лопатой — он очень радовался тачке.

На другой день, когда Маленький Ганс прибывал побеги жимолости над своим крылечком, он вдруг услышал голос

Мельника, окликавшего его. Он спрыгнул с лесенки, подбежал к забору и выглянул на дорогу.

Там стоял Мельник с большим мешком муки на спине.

— Милый Ганс, — сказал Мельник, — не снесешь ли ты на базар этот мешок с мукой?

— Ах, мне так жаль, — ответил Ганс, — но я, право, очень занят сегодня. Мне нужно поднять все выюнки, полить цветы и подстричь траву.

— Это не по-дружески, — сказал Мельник. — Я собираюсь подарить тебе тачку, а ты отказываешься мне помочь.

— О, не говорите так! — воскликнул Маленький Ганс. — Я ни за что на свете не хотел бы поступить не по-дружески.

И он сбегал в дом за шапкой и поплелся на базар с большим мешком на плечах.

День был очень жаркий, дорога пыльная, и Ганс, не дойдя еще до шестого милового камня, так утомился, что присел отдохнуть. Собравшись с силами, он двинулся дальше и наконец добрался до базара. Скоро он продал муку за хорошие деньги и тут же пустился в обратный путь, потому что боялся повстречаться с разбойниками, если слишком замешкается.

— Трудный нынче выдался денек, — сказал себе Ганс, укладываясь в постель. — Но все же я рад, что не отказал Мельнику. Он как-никак лучший мой друг и к тому ж обещал подарить мне свою тачку.

На следующий день Мельник спозаранку явился за своими деньгами, но Маленький Ганс так устал, что был еще в постели.

— До чего ж ты, однако, ленив, — сказал Мельник. — Я ведь собираюсь отдать тебе свою тачку, и ты, думаю, мог бы работать поусерднее. Нерадивость — большой порок, и мне б не хотелось иметь другом бездельника и лентяя. Ты не обижайся, что я с тобой так откровенен. Мне б и в голову не пришло так с тобой разговаривать, не будь я твоим другом. Что проку в дружбе, если нельзя сказать все, что думаешь? Болтать разные там приятности, льстить и поддакивать может всякий, но истинный друг говорит только самое неприятное и никогда не постоит за тем, чтобы доставить тебе огорчение. Друг всегда предпочтет досадить тебе, ибо знает, что тем самым творит добро.

— Вы не сердитесь, — сказал Маленький Ганс, протирая глаза и снимая ночной колпак, — но я так устал вчера, что мне

захотелось понежиться в постели и послушать пение птиц. Я, право же, всегда лучше работаю, когда слушаю пение птиц.

— Что ж, если так, я рад, — ответил Мельник, похлопывая Ганса по спине, — я ведь пришел сказать тебе, чтоб ты, как встанешь, отправлялся на мельницу починить крышу на моем амбаре.

Бедному Гансу очень хотелось поработать в саду — ведь он уже третий день не поливал своих цветов, — но ему неловко было отказать Мельнику, который был ему таким добрым другом.

— А это будет очень не по-дружески, если я скажу, что мне некогда? — спросил он робким, нерешительным голосом.

— Разумеется, — отозвался Мельник. — Я, мне кажется, прошу у тебя не слишком много, особенно если припомнить, что я намерен подарить тебе свою тачку. Но раз ты не хочешь, я пойду и сам почию.

— Что вы, как можно! — воскликнул Ганс и, мигом вскочив с постели, оделся и пошел чинить амбар.

Ганс трудился до самого заката, а на закате Мельник пришел взглянуть, как идет у него работа.

— Ну что, Ганс, как моя крыша? — крикнул он весело

— Готова! — ответил Ганс и спустился с лестницы.

— Ах, нет работы приятнее той, которую мы делаем для других, — сказал Мельник.

— Что за наслаждение слушать вас, — ответил Ганс, присаживаясь и отирая пот со лба. — Великое наслаждение! Только, боюсь, у меня никогда не будет таких возвышенных мыслей, как у вас.

— О, это придет! — ответил Мельник. — Нужно лишь постараться. До сих пор ты знал только практику дружбы, когда-нибудь овладеешь и теорией.

— Вы правда так думаете? — спросил Ганс.

— И не сомневаюсь, — ответил Мельник. — Но крыша теперь в порядке, и тебе пора домой. Отдохни хорошенько, потому что завтра тебе надо будет отвести моих овец в горы.

Бедный Маленький Ганс не решился что-нибудь возразить и наутро, когда Мельник пригнал к его домику своих овец, отправился с ними в горы. Целый день он потратил на то, чтобы отогнать их на пастбище и пригнать обратно, и вернулся домой такой усталый, что заснул прямо в кресле и проснулся уже при ярком свете дня.

— Ну, сегодня я на славу потружусь в своем садике! — сказал он и тотчас принялся за работу.

Но как-то все время выходило, что ему не удавалось заняться своими цветами. Друг его Мельник то и дело являлся к нему и отсылал его куда-нибудь с поручением или уводил с собою помочь на мельнице. Порой Маленький Ганс приходил в отчаяние и начинал бояться, как бы цветочки не решили, что он совсем позабыл о них, но он утешал себя мыслью, что Мельник — его лучший друг. «К тому же он собирается подарить мне тачку, — добавлял он в подобных случаях, — а это удивительная щедрость с его стороны».

Так и работал Маленький Ганс на Мельника, а тот говорил красивые слова о дружбе, которые Ганс записывал в тетрадочку и перечитывал по ночам, потому что он был очень прилежный ученик.

И вот однажды вечером, когда Маленький Ганс сидел у своего камелька, раздался сильный стук в дверь. Ночь была бурная, и ветер так страшно завывал и ревел вокруг, что Ганс принял поначалу этот стук за шум бури. Но вот снова постучали, а потом и в третий раз, еще громче.

— Верно, какой-нибудь несчастный путник, — сказал себе Ганс и бросился к двери.

На пороге стоял Мельник с фонарем в одной руке и толстой палкой в другой.

— Милый Ганс! — воскликнул Мельник. — У меня большая беда. Мой сынишка упал с лестницы и расшибся, и я иду за доктором. Но доктор живет так далеко, а ночь такая непогожая, что мне подумалось: не лучше ли тебе сходить за доктором вместо меня? Я ведь собираюсь подарить тебе тачку, и ты, по справедливости, должен отплатить мне услугой за услугу.

— Ну конечно! — воскликнул Маленький Ганс. — Это такая честь, что вы пришли прямо ко мне! Я сейчас же побегу за доктором. Одолжите мне только фонарь. На дворе очень темно, и я боюсь свалиться в канаву.

— Я бы с удовольствием, — ответил Мельник, — но фонарь у меня новый, и вдруг с ним что-нибудь случится?

— Ну ничего, обойдусь и без фонаря! — воскликнул Маленький Ганс. Он закутался в большую шубу, надел на голову теплую красную шапочку, повязал шею шарфом и двинулся в путь.

Какая была ужасная буря! Темень стояла такая, что Малень-

кий Ганс почти ничего не различал перед собой, а ветер налетал с такой силой, что Ганс едва держался на ногах. Но мужество не покидало его, и часа через три он добрался до дома, в котором жил доктор, и постучался в дверь.

— Кто там? — спросил доктор, высовываясь из окна своей спальни.

— Это я, доктор, Маленький Ганс.

— А что у тебя за дело ко мне, Маленький Ганс?

— Сынишка Мельника упал с лестницы и расшибся, и Мельник просит вас поскорее приехать.

— Ладно! — ответил доктор, велел подать лошадь, сапоги и фонарь, вышел из дому и поехал к Мельнику, а Ганс потащился за ним следом.

Ветер все крепчал, дождь лил как из ведра. Маленький Ганс не поспевал за лошадей и брел наугад. Он сбился с дороги и попал в болото, очень опасное. Там бедный Ганс и утонул в глубокой трясине. На другой день пастухи нашли Маленького Ганса в большой яме, залитой водою, и отнесли его тело к нему домой.

Все пришли на похороны Маленького Ганса, потому что все его любили. Но больше всех горевал Мельник.

— Я был его лучшим другом, — говорил он, — и по справедливости я должен идти первым.

И он шел во главе погребальной процессии в длинном черном плаще и время от времени вытирал глаза большим носовым платком.

— Смерть Маленького Ганса — большая утрата для всех нас, — сказал Кузнец, когда после похорон все собрались в уютном трактире и попивали там душистое вино, закусывая его сладкими пирожками.

— Во всяком случае, для меня, — отозвался Мельник. — Я ведь уже, можно считать, подарил ему свою тачку и теперь ума не приложу, что мне с ней делать: дома она только место занимает, а продать — так ничего не дадут, до того она изломана. Впредь буду осмотрительнее. Теперь у меня никто ничего не получит. За щедрость всегда приходится расплачиваться.

— Ну, а дальше? — спросила Водяная Крыса, помолчав.

— Это все, — ответила Коноплянка.

— А что случилось с Мельником?

— Понятия не имею, — ответила Коноплянка. — Да мне, признаться, и не интересно.

— Вот оно и видно, что вы существо черствое, — заметила Водяная Крыса.

— Боюсь, что мораль этого рассказа покажется вам неясна, — обронила Коноплянка.

— Что покажется неясным? — переспросила Водяная Крыса.

— Мораль.

— Ах, так в этом рассказе есть мораль?

— Разумеется, — ответила Коноплянка.

— Однако же, — промолвила Водяная Крыса в крайнем раздражении, — вам, мне кажется, следовало сказать об этом наперед. Тогда бы я просто не стала вас слушать. Крикнула бы «гиль!», как тот критик, и все. А впрочем, и теперь не поздно.

И она завопила во всю глотку: «Гиль!» — взмахнула хвостом и спряталась в нору.

— Интересно, какого вы мнения об этой Водяной Крысе? — осведомилась Утка, приплывая обратно. — У нее, конечно, много хороших качеств, но во мне так сильно чувство материнства, что стоит мне увидеть убежденную старую деву, как у меня на глазах навертываются слезы.

— Она, кажется, обиделась, — ответила Коноплянка. — Я рассказала ей историю с моралью.

— О, этого никогда не следует делать, — заметила Утка.

И я с ней вполне согласен.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ РАКЕТА

Королевский сын намерен был сочетаться браком, и по этому поводу ликовал и стар и млад. Приезда своей невесты Принц дождался целый год, и вот наконец она прибыла. Это была русская Принцесса, и весь путь от самой Финляндии она проделала в санях, запряженных шестеркой оленей. Сани были из чистого золота и имели форму лебедя, а меж крыльев лебедя возлежала маленькая Принцесса. Она была закутана до самых пят в длинную горностаевую мантию, на голове у нее была крошечная шапочка из серебряной ткани, и она была бела, как снежный дворец, в котором она жила у себя на родине. Так бледно было ее лицо, что весь народ дивился, глядя на нее, когда она проезжала по улицам.

— Она похожа на белую розу! — восклицали все и осыпали ее цветами с балконов.

Принц вышел к воротам замка, чтобы встретить невесту. У него были мечтательные фиалковые глаза и волосы как чистое золото. Увидав Принцессу, он опустился на одно колено и поцеловал ей руку.

— Ваш портрет прекрасен, — прошептал он, — но вы прекраснее во сто крат! — И щеки маленькой Принцессы заалели.

— Она была похожа на белую розу, — сказал молодой Паж кому-то из придворных, — но теперь она подобна Алой розе. — И это привело в восхищение весь двор.

Три дня кряду все ходили и восклицали:

— Белая роза, Алая роза, Алая роза, Белая роза, — и Король отдал приказ, чтобы Пажу удвоили жалованье.

Так как Паж не получал никакого жалованья вовсе, то пользы от этого ему было мало, но зато очень много чести, и потому об этом было своевременно оповещено в Придворной Газете.

По прошествии трех дней отпраздновали свадьбу. Это была величественная церемония: жених с невестой, держась за руки, стояли под балдахином из пунцового бархата, расшитого мелким жемчугом, а потом был устроен пир на весь мир, который длился пять часов. Принц и Принцесса сидели во главе стола в Большом зале и пили из прозрачной хрустальной чаши. Только истинные влюбленные могли пить из этой чаши, ибо стоило лживым устам прикоснуться к ней, как хрусталь становился тусклым, мутным и серым.

— Совершенно ясно, что они любят друг друга, — сказал маленький Паж. — Это так же ясно, как ясен хрусталь этой чаши! — И Король вторично удвоил ему жалованье.

— Какой почет! — хором воскликнули придворные.

* * *

После пира состоялся бал. Жениху и невесте предстояло протанцевать Танец розы, а Король вызвался поиграть на флейте. Он играл из рук вон плохо, но никто ни разу не осмеливался сказать ему это, потому что он был Король. В сущности, он знал только две песенки и никогда не был уверен, какую именно он исполняет, но это не имело ни малейшего значения, так как, что бы он ни делал, все восклицали:

— Восхитительно! Восхитительно!

Программа празднеств должна была закончиться грандиозным фейерверком, которому надлежало состояться ровно в полночь. Маленькая Принцесса еще никогда в жизни не видала фейерверка, и поэтому Король отдал приказ, чтобы Королевский пиротехник самолично занялся фейерверком в день свадьбы.

— Фейерверк? А на что это похоже? — спросила Принцесса у своего жениха, прогуливаясь утром по террасе.

— Это похоже на Северное Сияние, — сказал Король, который всегда отвечал на вопросы, адресованные к другим лицам, — только гораздо натуральнее. Фейерверк так же прекрасен, как моя игра на флейте, и я лично предпочитаю его огни звездам, потому что, по крайней мере, знаешь наверняка, когда эти огни зажгутся. Словом, вам непременно нужно полюбоваться на него.

И вот в углу королевского сада был воздвигнут большой помост, и как только Королевский пиротехник разложил все, что требовалось, по местам, огни фейерверка вступили в разговор друг с другом.

— Как прекрасен мир! — воскликнула маленькая Шутиха. — Вы только взгляните на эти желтые тюльпаны. Даже если бы это были настоящие фейерверочные огни, и тогда они не могли бы быть прелестней. Я счастлива, что мне удалось совершить путешествие. Путешествия удивительно облагораживают душу и помогают освобождаться от предрассудков.

— Королевский сад — это еще далеко не весь мир, глупая ты Шутиха, — сказала Большая Римская Свеча. — Мир огромен, и меньше чем за три дня с ним нельзя основательно ознакомиться.

— То место, которое мы любим, включает в себе для нас весь мир, — мечтательно воскликнул Огненный Фонтан, который на первых порах был крепко привязан к старой сосновой дощечке и гордился своим разбитым сердцем. — Но любовь вышла из моды, ее убили поэты. Они так много писали о ней, что все перестали им верить, и, признаться, это меня нисколько не удивляет. Истинная любовь страдает молча. Помнится, когда-то я... Впрочем, теперь это не имеет значения. Романтика отошла в прошлое.

— Чепуха! — сказала Римская Свеча. — Романтика никогда

не умирает. Это как луна — она вечна. Наши жених и невеста, например, нежно любят друг друга. Мне все рассказала о них сегодня утром бумажная гильза от патрона, которая случайно попала в один ящик со мной и знала все последние придворные новости.

Но Огненный Фонтан только покачал головой.

— Романтика умерла, Романтика умерла, Романтика умерла, — прошептал он. Он принадлежал к тому сорту людей, которые полагают, что если долго твердить одно и то же, то в конце концов это станет истиной.

Вдруг раздалось резкое сухое покашливание, и все оглянулись.

Кашляла длинная, высокомерная с виду Ракета, прикрепленная к концу длинной палки. Она всегда начинала свою речь с покашливания, дабы привлечь к себе внимание.

— Кхе! Кхе! — кашлянула она, и все обратились в слух, за исключением бедняги Огненного Фонтана, который продолжал покачивать головой и шептать:

— Романтика умерла.

— Внимание! Внимание! — закричал Бенгальский Огонь. Он увлекался политикой, всегда принимал деятельное участие в местных выборах и поэтому очень умело пользовался всеми парламентскими выражениями.

— Умерла безвозвратно, — прошептал Огненный Фонтан, начиная дремать.

Как только воцарилась тишина, Ракета кашлянула в третий раз и заговорила. Она говорила медленно, внятно, словно диктовала мемуары, и всегда смотрела поверх головы собеседника. Словом, она отличалась самыми изысканными манерами.

— Какая удача для сына Короля, — сказала она, — что ему предстоит сочетаться браком в тот самый день, когда меня запустят в небо. — В самом деле, если бы даже все это было обдумано заранее, и тогда не могло бы получиться удачнее. Но ведь Принцам всегда везет.

— Вот так так! — сказала маленькая Шутиха. — А мне казалось, что все как раз наоборот: это нас будут пускать в воздух в честь бракосочетания Принца.

— Вас-то, может, и будут, — сказала Ракета. — Я даже не сомневаюсь, что с вами поступят именно так, а я — другое дело. Я весьма замечательная Ракета и происхожу от весьма

замечательных родителей. Мой отец был в свое время самым знаменитым Огненным Колесом и прославился грацией своего танца. Во время своего знаменитого выступления перед публикой он девятнадцать раз повернулся вокруг собственной оси, прежде чем погаснуть, и при каждом повороте выбрасывал из себя семь розовых звезд. Он был три фута с половиной в диаметре и сделан из самого лучшего пороха. А моя мать была Ракета, как и я, и притом французского происхождения. Она взлетела так высоко, что все очень испугались — а вдруг она не вернется обратно. Но она вернулась, потому что у нее был очень кроткий характер, и возвращение ее было ослепительно эффектным — она рассыпалась дождем золотых звезд. Газеты с большой похвалой отозвались о ее публичном выступлении. Придворная Газета назвала его триумфом Пилотехнического искусства.

— Пиротехнического, хотели вы сказать, Пиротехнического, — отозвался Бенгальский Огонь. — Я знаю, что это называется Пиротехникой, потому что прочел надпись на своей собственной коробке.

— А я говорю — Пилотехнического, — возразила Ракета таким свирепым тоном, что Бенгальский Огонь почувствовал себя уничтоженным и тотчас стал задираť малевких Шутих, дабы показать, что он тоже имеет вес.

— Итак, я говорила, — продолжала Ракета, — я говорила... о чем же я говорила?

— Вы говорили о себе, — отвечала Римская Свеча.

— Ну, разумеется. Я помню, что обсуждала какой-то интересный предмет, когда меня так невежливо прервали. Я не выношу грубости и дурных манер, ибо я необычайно чувствительна. Я уверена, что на всем свете не сыщется другой столь же чувствительной особы, как я.

— А что это такое — чувствительная особа? — спросила Петарда у Римской Свечи.

— Это тот, кто непременно будет отдавливать другим мозоли, если он сам от них страдает, — шепнула Римская Свеча на ухо Петарде, и та чуть не взорвалась со смеху.

— Над чем это вы смеетесь, позвольте узнать? — осведомилась Ракета. — Я же не смеюсь.

— Я смеюсь, потому что чувствую себя счастливой, — отвечала Петарда.

— Это весьма эгоистическая причина, — сердито промолви-

ла Ракета. — Какое вы имеете право чувствовать себя счастливой? Вам следовало бы подумать о других. Точнее, вам следовало бы подумать обо мне. Я всегда думаю о себе и от других жду того же. Это называется отзывчивостью, а отзывчивость — высокая добродетель, и я обладаю ею в полной мере. Допустим, например, что сегодня ночью со мной что-нибудь случится, представляете, какое это будет несчастье для всех! Принц и Принцесса уже никогда не смогут быть счастливы, и вся их супружеская жизнь пойдет прахом. А что касается Короля, то я знаю, что он не оправится после такого удара. Право, когда я начинаю думать о том, сколь ответственно занимаемое мною положение, я едва удерживаюсь от слез.

— Если вы хотите доставить другим удовольствие, — вскричала Римская Свеча, — так уж постарайтесь хотя бы не отсыреть.

— Ну конечно, — воскликнул Бенгальский Огонь, который уже несколько воспрянул духом, — это же подсказывает простой здравый смысл.

— Простой здравый смысл! — возмущенно фыркнула Ракета. — Вы забываете, что я совсем не простая, а весьма замечательная. Здравым смыслом может обладать кто угодно при условии отсутствия воображения. А у меня очень богатое воображение, потому что я никогда ничего не представляю себе таким, как это есть на самом деле. Я всегда представляю себе все совсем наоборот. А что касается того, чтобы бояться отсыреть, то здесь, по-видимому, никто не в состоянии понять, что такое эмоциональная натура. По счастью, меня это мало трогает. Единственное, что меня поддерживает в течение всей жизни, — это сознание моего неоспоримого превосходства над всеми, а это качество я всегда развивала в себе по мере сил. Но ни у кого из вас нет сердца. Вы смеетесь и веселитесь так, словно Принц и Принцесса и не думали сочетаться браком.

— Как так?— воскликнул маленький Огненный Шар. — А почему бы нет? Это же самое радостное событие, и, поднявшись в воздух, я непременно сообщу о нем звездам. Вы увидите, как они будут подмигивать мне, когда я шепну им, как прелестна невеста.

— Боже! Какой тривиальный взгляд на вещи! — сказала Ракета. — Но ничего другого я и не ждала. В вас же решительно ничего нет — одна пустота. А что, если Принц и Принцесса поселятся где-нибудь в сельской местности и, может статься, там будет протекать глубокая река, а у Принца и Принцессы

может родиться сын, маленький белокурый мальчик с фиалковыми глазами, как у отца, и, быть может, он пойдет однажды погулять со своей няней, и няня заснет под большим кустом бузины, а маленький мальчик упадет в глубокую реку и утонет? Какое страшное горе! Несчастные отец и мать — потерять единственного сына! Это же ужасно! Я этого просто не переживу.

— Но они же еще не потеряли своего единственного сына, — сказала Римская Свеча. — Никакого несчастья с ними еще не произошло.

— А разве я говорила, что они потеряли? — возразила Ракета. — Я сказала только, что они могут потерять. Если бы они уже потеряли единственного сына, не было бы никакого смысла об этом говорить. Снявши голову — по волосам не плачут, и я терпеть не могу тех, кто не придерживается этого правила. Но когда я думаю о том, что Принц и Принцесса могут потерять своего единственного сына, меня это, разумеется, чрезвычайно удручает.

— Что верно, то верно! — вскричал Бенгальский Огонь. — По правде говоря, такой удрученной особы, как вы, мне еще никогда не доводилось видеть.

— А мне никогда еще не доводилось видеть такого грубияна, как вы, — сказала Ракета. — И вы совершенно не способны понять моего дружеского расположения к Принцессе.

— Да ведь вы даже незнакомы с ней, — буркнула Римская Свеча.

— А разве я сказала, что я с ней знакома? — возразила Ракета. — Позвольте вам заметить, что я никогда не стала бы ее другом, будь я с ней знакома. Это очень опасная вещь — хорошо знать своих собственных друзей.

— Все же вы бы лучше постарались не отсыреть, — сказал Огненный Шар. — Вот что самое главное.

— Для вас, конечно, это самое главное, можно не сомневаться, — возразила Ракета, — а я вот возьму и заплачу, если мне захочется. — И она и вправду залилась самыми настоящими слезами, и они, словно капли дождя, побежали по ее палке и едва не затопили двух маленьких жучков, которые только что задумали обзавестись своим домом и подыскивали хорошее сухое местечко.

— Должно быть, это действительно очень романтическая натура, — сказал Огненный Фонтан, — ведь она плачет абсо-

лютно без всякой причины, — и он испустил тяжелый вздох, вспомнив свою сосновую дощечку.

Но Римская Свеча и Бенгальский Огонь были очень возмущены и долго восклицали во весь голос:

— Вздор! Вздор! — Они были чрезвычайно здравомыслящие особы, и когда им что-нибудь приходилось не по вкусу, они всегда говорили, что это вздор.

Тут вошла луна, похожая на сказочный серебряный щит, и на небе одна за другой зажглись звезды, а из дворца долетели звуки музыки.

Принц с Принцессой открыли бал, и танец их был так прекрасен, что высокие белые лилии, желая полюбоваться им, встали на цыпочки и заглянули в окна, а большие красные маки закивали в такт головами.

Но вот пробило десять часов, а потом одиннадцать и наконец двенадцать, и с последним ударом часов, возвестивших полночь, все вышли из дворца на террасу, а Король послал за Королевским пиротехником.

— Повелеваю зажечь фейерверк, — сказал Король, и Королевский пиротехник отвесил низкий поклон и направился в глубину сада. За ним следовали шесть помощников, каждый из которых нес горящий факел, прикрепленный к концу длинного шеста, и это было поистине величественное зрелище.

«Пшш! Пшш!» — зашипел, воспламеняясь, Огненный Фонтан.

«Бум! Бум!» — вспыхнула Римская Свеча.

А за ними и Шутихи заплясали по саду, и Бенгальские Огни озарили все алым блеском.

— Прощайте! — крикнул Огненный Шар, взмывая ввысь и рассыпая крошечные голубые искорки.

«Хлоп! Хлоп!» — вторили ему Петарды, которые веселились от души. Все участники фейерверка имели большой успех, за исключением Замечательной Ракеты. Она настолько отсырела от слез, что ее так и не удалось запустить. Самой существенной частью ее был порох, а он намок, и от него не было никакого толку. А все бедные родственники Ракеты, которых она даже никогда не удостоивала разговором, разве что презрительной усмешкой, взлетели к небу и распустились волшебными огненными цветами на золотых стеблях.

— Ура! Ура! — закричали Придворные, а маленькая Принцесса засмеялась от удовольствия.

— Вероятно, они приберегают меня для особо торжественного случая, — сказала Ракета. — Это несомненно так. — И она исполнилась еще большего высокомерия.

На следующий день в сад пришли слуги, чтобы привести его в порядок.

— По-видимому, это делегация, — сказала Ракета. — Надо принять их так, чтобы не уронить своего достоинства. — И она задрала нос кверху и сердито нахмурилась, делая вид, что размышляет о весьма важных материях. Но слуги даже не заметили ее, и только когда они уже собрались уходить, она случайно попала на глаза одному из них.

— Гляньте! — крикнул этот слуга. — Тут какая-то негодная ракета! — И он швырнул ее за ограду, прямо в канаву.

— Негодная Ракета? Негодная Ракета? — воскликнула она, перелетая через ограду. — Этого не может быть! Превосходная Ракета — вот что, должно быть, сказал этот человек. Негодная и Превосходная звучат почти одинаково, да, в сущности, очень часто и означают одно и то же, — и с этими словами она шлепнулась прямо в грязь.

— Не очень-то приятное место, — сказала она, — но это, без сомнения, какой-нибудь модный лечебный курорт, и они отправили меня сюда для укрепления здоровья. Что говорить, нервы у меня действительно расшатаны, и отдых мне крайне необходим.

Тут к ней подплыл маленький лягушонок с блестящими, как драгоценные камни, глазами, одетый в зеленый пятнистый мундир.

— А! Что я вижу! К нам кто-то прибыл! Что ж, в конце концов грязь лучшее, что есть на свете. Дайте мне хорошую дождливую погоду и канаву, и я буду вполне счастлив. Как вы полагаете, к вечеру соберется дождь? Я все-таки не теряю надежды, хотя небо синее и на нем ни облачка. Такая обида!

— Кхе! Кхе! — произнесла Ракета и раскашлялась.

— Какой у вас приятный голос! — воскликнул Лягушонок. — Он очень напоминает кваканье, а разве кваканье не самая приятная музыка на свете? Сегодня вечером вы услышите выступление нашего многоголосого хора. Мы сидим в старом утином пруду, что возле фермерского дома, и как только всходит луна, начинаем наш концерт. Это нечто настолько умопомрачительное, что никто не может уснуть — все слушают нас. Да не далее как вчера жена фермера говорила своей матушке, что

она из-за нас не сомкнула глаз всю ночь. Очень приятно сознавать, что ты пользуешься таким признанием, — это доставляет большое удовлетворение.

— Кхе! Кхе! — сердито кашлянула Ракета. Она была очень раздосадована тем, что ей не дают вымолвить ни слова.

— Нет, в самом деле, какой восхитительный голос, — продолжал Лягушонок. — Я надеюсь, что вы посетите наш утиный пруд. Я отправляюсь на поиски своих дочерей. У меня шесть красавиц дочерей, и я очень боюсь, как бы их не увидела Щука. Это настоящее чудовище, она позавтракает ими и глазом не моргнет. Итак, до свидания. Наша беседа доставила мне огромное удовольствие, поверьте.

— По-вашему, это называется беседой? — сказала Ракета. — Только вы один и говорили все время, не закрывая рта. Хороша беседа!

— Кто-то же должен слушать, — возразил Лягушонок, — а говорить я люблю сам. Это экономит время и предупреждает разногласия.

— Но я люблю разногласия, — сказала Ракета.

— Ну что вы, — миролюбиво заметил Лягушонок. — Разногласия нестерпимо вульгарны. В хорошем обществе все придерживаются абсолютно одинаковых взглядов. Еще раз до свидания, я вижу вдали моих дочерей. — И маленький Лягушонок поплыл прочь.

— Вы чрезвычайно нудная особа, — сказала Ракета, — и очень дурно воспитаны. Я не выношу людей, которые, подобно вам, все время говорят о себе, в то время как другому хочется поговорить о себе. Как мне, например. Я это называю эгоизмом, а эгоизм — чрезвычайно отталкивающее свойство, особенно для людей моего склада, — ведь общеизвестно, что у меня очень отзывчивая натура. Словом, вам бы следовало взять с меня пример, едва ли вам стретится еще когда-нибудь образец, более достойный подражания. И раз уж представился такой счастливый случай, я бы посоветовала вам воспользоваться им, ибо в самом непродолжительном времени я отправляюсь ко двору. Если хотите знать, я в большом фаворе при дворе: не далее как вчера Принц и Принцесса сочетались браком в мою честь. Вам это, конечно, никак не может быть известно, поскольку вы типичный провинциал.

— Нет никакого смысла говорить ему все это, — сказала Стрекоза, сидевшая на верхушке длинной коричневой ка-

мышины. — Совершенно никакого смысла, ведь он уже уплыл.

— Тем хуже для него, — отвечала Ракета. — Я не собираюсь молчать только потому, что он меня не слушает, мне-то что до этого. Я люблю слушать себя. Для меня этого одно из самых больших удовольствий. Порой я веду очень продолжительные беседы сама с собой, и, признаться, я настолько образованна и умна, что иной раз не понимаю ни единого слова из того, что говорю.

— Тогда вам, безусловно, необходимо выступать с лекциями по Философии, — сказала Стрекоза и, расправив свои прелестные газовые крылышки, поднялась в воздух.

— Как это глупо, что она улетела! — сказала Ракета. — Я уверена, что ей не часто предоставляется такая возможность расширить свой кругозор. Мне-то, конечно, все равно. Такие гениальные умы, как я, рано или поздно получают признание. И тут она еще чуть глубже погрузилась в грязь.

Через некоторое время к Ракете подплыла большая Белая Утка. У нее были желтые перепончатые лапки, и она слыла красавицей благодаря своей грациозной походке.

— Кряк, кряк, кряк, — сказала Утка, — какое у вас странное телосложение! Осмелюсь спросить, это от рождения или результат несчастного случая?

— Сразу видно, что вы всю жизнь провели в деревне, — отвечала Ракета, — иначе вам было бы известно, кто я такая. Но я прощаю вам ваше невежество. Было бы несправедливо требовать от других, чтобы они были столь же выдающимися личностями, как ты сама. Вы, без сомнения, будете поражены, узнав, что я могу взлететь к небу и пролиться на землю золотым дождем.

— Велика важность, — сказала Утка. — Какой кому от этого прок? Вот если бы вы могли пахать землю, как вол, или возить телегу, как лошадь, или стеречь овец, как овчарка, тогда от вас еще была бы какая-нибудь польза.

— Я вижу, уважаемая, — воскликнула Ракета высокомерноснисходительным тоном, — я вижу, что вы принадлежите к самым низшим слоям общества. Особы моего круга никогда не приносят никакой пользы. Мы обладаем хорошими манерами, и этого вполне достаточно. Я лично не питаю симпатии к полезной деятельности какого бы то ни было рода, а уж меньше всего — к такой, какую вы изволили рекомендовать. По

правде говоря, я всегда придерживалась того мнения, что в тяжелой работе ищут спасения люди, которым ничего другого не остается делать.

— Ну хорошо, хорошо, — сказала Утка, отличавшаяся покладистым нравом и не любившая препираться попусту. — О вкусах не спорят. Я буду очень рада, если вы решите обосноваться тут, у нас.

— Да ни за что на свете! — воскликнула Ракета. — Я здесь гость, почетный гость, и только. Откровенно говоря, этот курорт кажется мне довольно унылым местом. Тут нет ни светского общества, ни уединения. По-моему, это чрезвычайно смахивает на предместье. Я, пожалуй, возвращусь ко двору, ведь я знаю, что мне суждено произвести сенсацию и прославиться на весь свет.

— Когда-то я тоже подумывала заняться общественной деятельностью, — заметила Утка. — Очень многое еще нуждается в реформах. Не так давно я даже открывала собрание, на котором мы приняли резолюцию, осуждающую все, что нам не по вкусу. Однако не заметно, чтобы это имело какие-нибудь серьезные последствия. Так что теперь я целиком посвятила себя домоводству и заботам о своей семье.

— Ну, а я создана для общественной жизни, — сказала Ракета, — так же как все представители нашего рода, вплоть до самых незначительных. Где бы мы ни появились, мы всегда привлекаем к себе всеобщее внимание. Мне самой пока еще ни разу не приходилось выступать публично, но когда это произойдет, зрелище будет ослепительное. Что касается домоводства, то от него быстро стареют и оно отвлекает ум от размышлений о возвышенных предметах.

— Ах! Возвышенные предметы — как это прекрасно! — сказала Утка. — Это напомнило мне, что я основательно проголодалась. — И она поплыла вниз по канаве, восклицая: — Кряк, кряк, кряк.

— Куда же вы! Куда! — взвизгнула Ракета. — Мне еще очень многое необходимо вам сказать. — Но Утка не обратила никакого внимания на ее призыв. — Я очень рада, что она оставила меня в покое, — сказала Ракета. — У нее необычайно мещанские взгляды. — И она погрузилась еще чуть-чуть глубже в грязь и начала раздумывать о том, что одиночество — неизбежный удел гения, но тут откуда-то появились два мальчика в белых фартучках.

Они бежали по краю канавы с котелком и вязанками хвороста в руках.

— Это, вероятно, делегация, — сказала Ракета и постаралась придать себе как можно более величественный вид.

— Гляди-ка! — крикнул один из мальчиков. — Вон какая-то грязная палка! Интересно, как она сюда попала. — И он вытащил Ракету из канавы.

— Грязная Палка! — сказала Ракета. — Неслыханно! Грозная Палка — хотел он, по-видимому, сказать. Грозная Палка — это звучит очень лестно. Должно быть, он принял меня за одного из придворных Сановников.

— Давай положим ее в костер, — сказал другой мальчик. — Чем больше дров, тем скорее закипит котелок.

И они свалили хворост в кучу, а сверху положили Ракету и разожгли костер.

— Но это же восхитительно! — воскликнула Ракета. — Они собираются запустить меня среди бела дня, так, чтобы всем было видно.

— Ну, теперь мы можем немножко соснуть, — сказали мальчики. — А когда проснемся, котелок уже закипит. — И они растянулись на траве и закрыли глаза.

Ракета очень отсырела и поэтому долго не могла воспламениться. Наконец ее все же охватило огнем.

— Ну, сейчас я взлечу! — закричала она, напыжилась и распрямилась. — Я знаю, что взлечу выше звезд, выше луны, выше солнца. Словом, я взлечу так высоко... Пшш! Пшш! Пшш! — И она взлетела вверх. — Упоительно! — кричала она. — Я буду лететь вечно! Воображаю, какой я сейчас произвожу фурор.

Но никто ее не видел.

Тут она почувствовала странное ощущение щеколки во всем теле.

— А теперь я взорвусь! — закричала она. — И я охвачу огнем всю землю и наделаю такого шума, что целый год никто не будет говорить ни о чем другом. — И тут она и в самом деле взорвалась: бум! бум! бум! — вспыхнул порох. В этом не могло быть ни малейшего сомнения.

Но никто ничего не услышал, даже двое мальчиков, потому что они спали крепким сном.

Теперь от Ракеты осталась только палка, и она упала прямо на спину Гусыни, которая вышла прогуляться вдоль канавы.

— Господи помилуй! — вскричала Гусыня. — Кажется, начинает накрапывать... палками! — И она поспешно плюхнулась в воду.

— Я знала, что произведу сенсацию, — прошипела Ракета и погасла.

Как аист учил лису летать

ХИТРЫЙ УГОЛЬЩИК

Чешская сказка

Пошел угольщик в лес, уголь жечь собирався, а навстречу ему медведь идет, кабана за собой ведет.

Увидел медведь угольщика и говорит:

— Мил человек, я есть хочу, я тебя съем.

— Что поделать, дорогой медведь, я противиться не стану — вас вон двое, а я один. Но ты уж позволь и мне перед смертью пообедать.

Была у него с собой колбаса свиная да хлеб. Сел он, ест и медведю кусок колбасы бросил. Медведь поймал ее на лету, съел и говорит:

— Ого! Где ж такие корешки растут?

Угольщик отвечает:

— Сказал бы я, да не смею.

А медведь ему:

— Скажи, не бойся!

Угольщик и выложил:

— Такие корешки из кабана делают.

Медведь схватил кабана, задрал и велел угольщику:

— Наделай мне таких же корешков!

А угольщик ему:

— Милый мой, для такого дела огонь да горшки надобны. И умыться мне следует, чтоб ты есть не побрезговал.

Медведь согласился. Умылся угольщик, а утереться нечем, он и просит медведя:

— Позволь-ка я об твою шкуру утрюсь.

Подошел к нему медведь, угольщик утерся.

Лиса, медвежья кума, побежала за горшками, а волк, медвежий племянник, огонь развел. Ну, а угольщик расщепил с конца большое буковое бревно, всадил в него клин и говорит медведю:

— Ты у нас самый сильный, сунь лапы в расщелину, помоги мне бревно расколоть.

Волк остерег медведя:

— Ты, дядюшка, держи с ним ухо остро, угольщик хитрая шельма, гляди, как бы он тебе не навредил.

Но медведь его слушать не стал, очень уж ему не терпелось поскорее свинными корешками полакомиться. Только медведь лапы сунул, угольщик клин выбил, и лапы медведю защемило. Заорал медведь:

— Ой, щиплет, ой, щиплет!

А угольщик приговаривает:

— Да погоди ты, братец, помогай мне!

Схватил медведя за хвост и обухом его по хвосту, по хвосту.

Волк поглядел, поглядел, да и говорит:

— Ах, дядюшка, не послушался ты меня, сказывал я тебе, что он шельма продувная. Глядишь, эдак и мне попадет.

Сказал и побежал. А навстречу ему лиса с горшками. Увидела она, каково куманьку медведю приходится, бросила горшки и — давай бог ноги.

Так вот угольщику целый кабан достался.

СКАЗКА ОБ УМНОМ ГОЛОБОРОДУШКЕ И ГЛУПЫХ ВЕЛИКАНАХ

Сербская сказка

Жил-был человек, и звали его Голобородушка. Жена у него умерла, детей малых было полно, а имущества никакого. Был он такой бедный, что даже собственной крыши над головой у него не было, так что жить ему пришлось в заброшенной пещере. Тяжело, ох как тяжело жилось и ему, и его малым детям. А впереди у них была только голодная смерть.

Неподалеку от той пещеры жили великаны, у которых всего было полно. Великаны и есть великаны, и они никого не боятся, берут, что понравится, обокрасть каждого им ничего не стоит, ну а тем, у кого они крадут, остается только помалкивать.

Бедный Голобородушка не раз с расстройством глядел на то, как великаны беззаботно живут — хлевы, амбары и риги у них возле пещеры так и ломились от краденого. Только сам он никогда не решался взять что-нибудь из их запасов.

И вот однажды, когда Голобородушка не мог больше вынести плач своих голодных детей, решил он пойти и наняться к великанам в услужение. Сказано — сделано.

— Возьмите меня к себе на службу, — сказал он великанам. — Что ни пожелаете, все вам сделаю.

— Не много ли хочешь, человечья жужелица? — рассмеялись в ответ великаны. — Ты же слабый, стоит на тебя дунуть и ты отлетишь к своей пещере, стоит тебя легонько прихлопнуть рукой и от тебя мокрое место останется.

— А все-таки возьмите меня на службу — не пожалеете. Увидите, какой я сильный да ловкий, — ответил им Голобородушка.

Великаны были жадными и ленивыми. Очень им подходил слуга, который готов был сделать все, что они ни пожелают. Вот и приняли они Голобородушку на службу.

Пошли великаны в лес по дрова и Голобородушку взяли с собой на помощь. Пришли они в лес и принялись вырывать деревья из земли прямо с корнем, а Голобородушке приказали делать то же самое. У Голобородушки сердце в пятки ушло: ну как же ему, слабому человеческому существу, вырвать дерево из земли с корнем? Но тут его озарило. Взял он длинную веревку и принялся обвязывать ею деревья.

Великаны поглядели на его занятие, покачали головами и спрашивают:

— Это еще что за глупости?

— Какие-такие глупости? Я лес домой собираюсь унести, — отвечает он им.

— Как же ты собираешься это сделать? — спрашивают.

— Очень просто. Обвяжу все деревья веревкой, вырву их с корнем и отнесу домой. Не будем же мы по дрова ходить каждый день, — говорит Голобородушка.

Великаны были большие, да глупые. Поверили они, что Голобородушка собирается вырвать весь лес с корнем и унести. Стали они просить Голобородушку, чтобы он этого не делал, а взял парочку деревьев да отнес домой на спине. Только он об этом и слышать не хотел.

— Буду я еще ходить каждый день в лес по дрова! — заявил он великанам. — Что я, дурак, что ли? Такая работа не по мне.

Великаны поняли, что Голобородушку не переубедишь, и послали его домой. Целый лес им был не нужен, вот и взялись они за работу сами. Голобородушка только этого и ждал: собрался и пошел домой.

Вот пришли великаны домой, согнувшись под тяжелой ношей, и послали Голобородушку с кувшином к роднику за водой.

— Сходи, Голобородушка, принеси воды, пора и обед варить, — сказали они ему.

Голобородушка взял кувшин, мотыгу, лопату и пошел. Ждали его великаны, ждали, уж и огонь развели, а его все не было. Великаны решили, что, должно быть, с Голобородушкой что-нибудь случилось, раз его так долго нет, и пошли к роднику посмотреть, в чем же дело. Подошли они к роднику и видят, как Голобородушка его окапывает со всех сторон. Стали они его расспрашивать, что он такое делает.

— Как, что делаю? — говорит Голобородушка. — Хочу выкопать родник и всю воду домой отнести.

— Ты что, ума решился? — вскричали великаны. — Что за глупость — тащить весь родник домой, вода прольется, а что же мы потом пить будем? Лучше уж возвращайся домой, мы сами воды наносим.

И отослали Голобородушку домой.

Однажды великаны с Голобородушкой отправились за черешней. Подошли они к дереву-великану, сверху донизу осыпанному ягодами. Ягоды были красные — радость поглядеть.

— Послушай, Голобородушка, — говорят великаны, — полезай-ка ты на дерево да оборви черешню так, чтобы там ни одной ягодки не осталось.

Голобородушка только улыбнулся:

— До чего же вы, друзья, неопытные да неловкие. Что же мы, муравьи, чтобы нам по веткам карабкаться. Черешню можно оборвать куда проще. Коли вы действительно великаны и силачи, возьмите верхушку дерева да пригните ее к земле, ягодки-то легче будет рвать. Ну а если у вас силенки не хватит, так я сам ее к земле пригну.

Услышав это, самый сильный из всех великанов вытянулся во весь рост, ухватил верхушку дерева и принялся медленно пригибать ее к земле, пока дерево не согнулось, точно натянутый лук.

— А теперь, Голобородушка, покажи нам свою силу, — закричали великаны. — Ухватись за верхушку да держи ее как следует, а мы будем ягоды обрывать.

Делать нечего, ухватился Голобородушка за верхушку черешни, поднатужился, точно и вправду собирался ее придержать. Но только выпустил великан верхушку из рук, как она взвилась к небу и перебросила несчастного Голобородушку на другую сторону. Однако и на этот раз ему повезло: упал Голобородушка в заросли кустарника и не разбился, только исцарапался. А в тех зарослях лежал мертвый голубь. Голобородушка пришел в себя, схватил мертвого голубя и как ни в чем не бывало побежал к великанам.

Великаны обрадовались, что с Голобородушкой несчастье случилось, и стали они над ним насмехаться:

— Ну и силен же ты, коли согнутую черешню у земли не удержишь.

— Что за чушь вы мелете? — ответил им Голобородушка. — Вы что, не видели, как над черешней голубь летел? Я вот видел, подпрыгнул, чтобы его поймать, да в суматохе и про черешню забыл. А теперь держите голубя, он нам для супа пригодится.

Подавал он великанам мертвого голубя, которого нашел в зарослях, и им не оставалось ничего другого, как поверить в то, что Голобородушка ловчее, хитрее и сильнее их.

Только одного голубиного супа к обеду великанам было мало, вот и решили они пойти на охоту и Голобородушку с собой взяли.

Вот пришли они в лес и спрашивают Голобородушку:

— Хочешь загонщиком быть или зверье ловить будешь?

— Ловить буду, — ответил им Голобородушка.

Великаны оставили Голобородушку на краю леса, а сами отправились в чащу. Вскоре из чащи в сторону Голобородушки помчались олени и лани, медведи и волки, кабаны и лисицы, словом, все лесное зверье, которое великаны испугнули и начали загонять к Голобородушке. Тот как увидел такое дело, со страху влез на дерево, где в гнезде сидела сорока и высиживала яйца. Голобородушка схватил сороку, переждал, пока все зверье не пробежит мимо, и слез с дерева. Тут и великаны подошли.

— Много ли зверей наловил? — спрашивают они его.

— Каких зверей? Тут даже мышь не пробегала! — отвечает им Голобородушка. — Вот летела по небу сорока, подпрыгнул я и поймал ее.

Великаны в ответ на это только промочали. А про себя подумали, что Голобородушка наделен чрезвычайной силой, рад даже лесное зверье его обходит.

Стали великаны побаиваться Голобородушку, и порешили

они от него избавиться. Думали они думали и надумали убить его ночью, когда он уснет.

Договорились обо всем между собой, только Голобородушка подслушал тайком их уговоры и понял, что дело плохо, что на этот раз не миновать ему смерти. Стал он думать, как бы ему великанов обмануть и свою жизнь сохранить, и придумал.

Наступила ночь, в которую порешили великаны Голобородушку убить. Приготовили они богатый ужин, попили, поели и еще далеко за полночь разговоры разговаривали с Голобородушкой, чтобы тот ни о чем не догадался. А когда пришло время спать, погасили они огонь и улеглись каждый на свое место.

Только Голобородушка времени даром не терял. Встал он потихонечку с постели, вместо себя на постель положил бревно, прикрыл его одеялом, на цыпочках потихоньку вышел из пещеры и стал ждать, что будет.

Когда великаны решили, что Голобородушка крепко уснул, вскочили они с постелей, схватили кувалды и принялись колотить Голобородушку — бум-бац, бум-бац, бум-бац! — так что у них у самих даже руки заболели. А когда, по их расчетам, у Голобородушки не осталось ни одной косточки целой, принесли они котел с кипящей водой и вылили на постель. После этого вздохнули с облегчением, оттого, что Голобородушка умер и бояться нечего, и отправились спать.

А Голобородушка чуть со смеха не умер, глядя на то, как великаны колотили по его постели. Очень он обрадовался, что удалось ему перехитрить их и свою жизнь спасти. Когда же великаны уснули глубоким сном, пробрался он потихоньку в пещеру, бревно выбросил, а сам улегся в постель и спокойно проспал остаток ночи.

Утром Голобородушка проснулся еще до рассвета и принялся будить спящих великанов:

— Эй, братцы, вставайте, уже утро!

Великаны протерли глаза, увидели, что Голобородушка весел и невредим, да так и остолбенели. Даже глазам своим отказывались верить, все думали, что это им снится.

— Как тебе сегодня спалось? Отчего ты так весел? — принялись они расспрашивать Голобородушку.

— Спал я как убитый, — ответил он им.

— И ничего не чувствовал? — допытывались они.

— Ничего. Только почудилось мне, что блохи кусаются, вот я и проснулся. А когда проснулся, увидел, что залил меня горя-

чий пот, да так, что всю рубашку промочил и постель тоже. Так что я едва опять заснул.

Голобородушка рассказывал об этом так живо и правдиво, точно это и вправду было. Великаны испуганно слушали его рассказ и переглядывались. Теперь-то они окончательно убедились в том, что Голобородушка обладает сверхъестественной силой и с ним опасно заводить дружбу. А раз уж им не удалось его убить, уговорились они между собой, что попросят его уйти от них, а взамен дадут ему все, что он ни пожелает.

Голобородушка сделал вид, что ему не по вкусу их предложение, стал отнекиваться, но потом все-таки согласился. А за то, что он уйдет восвояси, потребовал Голобородушка от великанов две большие бочки, наполненные золотыми дукатами.

Великанам ничего другого не оставалось, как насыпать ему две полные бочки золотом, только чтобы он от них убрался. Однако Голобородушке и этого было мало, и потребовал он, чтобы сами великаны отнесли эти две бочки к нему в пещеру:

— Не буду же я руки марать из-за двух бочек, коли хотите, чтобы я сам бочки отнес, добавьте мне еще шесть, тогда и понесу, — ответил он им.

Великаны согласились отнести ему в пещеру две бочки. Самый сильный из них взвалил бочки на спину и пошел, пошатываясь в пещеру к Голобородушке. Так и шли они: Голобородушка впереди, а за ним великан с тяжелой ношей.

Когда наконец добрались они до пещеры, великан уже едва стоял на ногах. Сразу вокруг них собрались все дети Голобородушки. Великан сбросил бочки на землю и вздохнул с облегчением. Только вздох был таким сильным, что все дети взлетели в воздух точно перышки, закружились над великаном и только после этого стали плавно опускаться на землю. Великан, и без того перепуганный всем, что ему пришлось увидеть от Голобородушки, подумал, что его дети хотят напасть на него сверху и побить. Долго не раздумывая, вылетел он пулей из пещеры и помчался к себе домой, да так, что за ним только пыль столбом стояла.

Вот вернулся он домой к остальным великанам, а те его принялись расспрашивать, не побил ли его на прощание Голобородушка.

— Он-то нет, — ответил им самый сильный великан, едва переводя дух, — а вот его дети; как меня увидели, взлетели в воздух и собирались наброситься на меня, как осы. Если бы я не сбежал оттуда, не быть бы мне живым.

В конце концов великанам осталось только радоваться, что они так легко избавились от опасного силача, а Голобородушка радовался тому, как легко он заработал золотые дукаты, которые на всю жизнь избавили его от заботы, как прокормить себя и детей.

МЕЛЬНИК КЬОСЕ И ХИТРЫЙ ПАРЕНЬ

Македонская сказка

Жил-был хитрый парень. Как-то раз отец подозвал его и говорит:

— А ну-ка, сынок, давай нагрузим на осла мешки с зерном — поедешь на мельницу. Только смотри — в тех местах мельниц великое множество. Сам выберешь, где подешевле, повыгодней будет. Но крепко запомни, к мельнику Кьосе не заходи: непременно обманет — зерно заберет, а муку не отдаст.

— Ну что ж, буду помнить, — ответил сын.

Отец нагрузил на осла мешки, парень тотчас и поехал. А путь-то недолгий был. Приехал он к мельницам. Их было много — одна за другой выстроились, как напоказ, в один ряд. Ну, чтоб не попасть в лапы обманщика Кьосе, парень и начал осматриваться — куда пойти.

А Кьосе имел привычку торчать у ворот своей мельницы, гостей поджидать. Смотрит, не едет ли кто из хозяев с зерном, и к себе зазывает.

Ну значит, стоял Кьосе у ворот. Увидел он, что парень с зерном приехал.

Юркнул Кьосе в свою мельницу да тут же через черный ход выскочил и вошел к соседу — тихонько через заднюю дверь прошмыгнул к нему, — тут же на улицу через переднюю вышел и стал звать к себе парнишку. Но тот его узнал, к нему не пошел и постучался в соседнюю мельницу. Подумал, верно, что это не мельница лукавого Кьосе, раз он у другой двери стоит.

Стал звать парень мельника — никто не идет. Сам снял мешки с осла. И только зерно засыпал, выходит Кьосе и говорит:

— О-о! Добро пожаловать!

Ну, что ж поделаешь: хоть и обманулся он, а деваться некуда — зерно-то засыпал! Хочешь не хочешь — пришлось оставить!

Но парню запомнились отцовские слова, он знал, что за

птица коварный Кьосе. Стал он думать, как бы так сделать, чтобы Кьосе не мог надуть его и присвоить муку. Начал молотить Кьосе зерно. А парень ему говорит:

— Отец мне велел присмотреть, чтобы ты хорошенько смолот наше зерно, а потом испек бы для нас большую погачу. Да еще отдал бы мне в жены свою любимую дочь.

— Ну что ж! — отвечал ему Кьосе. — Ты здесь посиди, подожди, пока зерно смелется, потом я испеку вам и погачу!

Налил он воды в котел, поставил котел на огонь. Вскипела вода, а к тому времени зерно было смолото. Кьосе-обманщик взял муки да и бухнул в котел, будто для теста. А вместо теста получилась жидкая каша — котел-то налит был водой до краев, а муки насыпано немного. Такое тесто разве что для оладий годилось, а не для хлеба...

— Что делать? — спросил Кьосе-обманщик. — Муки-то у нас не хватает!

— Не знаю. Отец мне сказал, чтоб ты спек нам погачу, муку же отдал бы отдельно!

— Да ведь я всю муку истратил, — отвечал ему Кьосе. — Ты же видишь: вся мука в котле! Где же мне взять еще?

Тут повздорили они.

— Ну ладно, — сказал Кьосе. — Сделаем иначе. Давай-ка с тобой поболтаем, кто кого переврет. Обманешь меня — дам тебе и погачу, и муку. А нет — вернешься домой с пустыми руками.

Парень подумал и согласился. И стал ему Кьосе плести небылицы: он постарше, значит, и начал первым.

— Видишь вон ту канаву? Здесь в старину было чудо. Посадили тут огурцы. Росли они, росли да выросли такие большие — просто диво. Один огурец ненароком упал поперек канавы, да так и остался заместо моста. Не только люди по нему могли проходить, но и верблюды.

— Верно, верно! — весело засмеялся парень. — Конечно! Я знаю! Я помню! Отец мне рассказывал, что было еще и такое: однажды по этому огуречному мосту шли верблюды с поклажей, везли драгоценности царские. А мост-огурец раскачался, затрясся — верблюды в канаву свалились, да и утонули. А отец мой в огурце сидел, спал там. Проснулся он от этого шума и выглянул из огурца. Собрал потом потихоньку все царские сокровища и сделался богачом. И я тебе вот что еще расскажу! У нас были ульи пчелиные, штук этак триста. И каждое утро

отец пересчитывал пчел. Как-то утром считал он, считал — одной пчелы не хватает! Куда она делась? Отец и туда и сюда — ну, как не бывало пчелы. Что искать озорную пчелу. Весь свет объехал — до самого края добрался. Пчелы нет и нет! А как стал подъезжать к Багдаду — видит: пчелу запрягли в плуг, и она пашет в паре с волом чью-то ниву. Отец мой, конечно, пчелу живехонько распряг и погнал перед собой. Привел ее, в улей пустил. Потом расседлал петуха, глядь, на спине у бедняги рана. Что делать? Решил вылечить петуха. А как? Испробовал одно зелье, другое — петух все болеет! И вот наконец кто-то дал ему добрый совет: расколоть орех, ядро разжевать и к ране приложить. Отец так и сделал, да сверху еще землицей присыпал и завязал. Наутро приходит в курятник, развязал тряпицу, видит — диво! Орех-то уже побег дал, и листочки распустились. Вырос орех ростом с дуб, собрали с него урожай небывалый. Галки в ветвях свили гнезда, галчат вывели. А сорванцы-ребятишки увидели галок и давай кидать в них камнями да комьями земли — хотели орехов достать и галчат раздобыть. Столько там, наверху, накопилось всяческой дряни, что вскоре уже стало там не дерево, а изрядный участок земли, и отец рассудил, что можно там высеять много семян, не меньше десятины, да, кроме того, еще роща останется. Распахал отец ту землю девятью плугами, хлеб там посеял. А рощу оставил нетронутой, в ней поселились медведи, лисицы и волки. Вот время пришло, мой отец пригласил жнецов — парней и девиц из трех окрестных деревень. Только было принялись они за работу — из лесу выглянула лиса. Тут парни и девушки бросились ловить лисицу; поймать ее не поймали, а кто-то в нее кинул серп. Вонзилась тут рукоятка серпа прямо в бок лисице. От боли несчастная стала метаться туда и сюда — так все поле одна и сжала. А кончила жать — к лесу помчалась. Тут выскочил серп из лисицына бока, а рядом на землю записка упала. Жнецы подобрали ее, а прочесть не умеют. К судье отнесли, прочитать попросили...

— А что же судья? — перебил обманщик Кьосе.

— Судья им сказал — здесь написано: «Нечего Кьосе хитрить понапрасну, пусть тотчас отдаст и муку, и погачу, и дочку в придачу».

Вот так и признал себя побежденным обманщик Кьосе и отдал парнишке и муку, и погачу, и дочку — в придачу. А парень взвалил мешки на осла, взял невесту за руку — и домой!

КАК СОЛДАТ ЧЕРТА ОБРИЛ

Хорватская сказка

Отслужил солдат двенадцать лет и пошел домой на побывку. Шел он, шел и вдруг набрел на господскую усадьбу, а оттуда доносились шум и песни. Подумал служивый: «Наверно, здесь идет пир горой. Почему бы и солдату не подкрепиться? Ведь у меня с утра маковой росинки во рту не было!» И вошел в усадьбу.

А там за столом, уставленным всякими яствами, пировало много господ. Солдат попросил и его напоить-накормить — дескать, очень он устал и проголодался с дороги. Гости с радостью его приняли и усадили за стол. Спрашивает солдат, нельзя ли ему переночевать в усадьбе, а утром он дальше в путь двинется.

— Ну что ж, — отвечают ему, — для храброго человека ночлег найдется.

— А на что же тут храбрость? — удивился солдат.

Служивому объяснили, что в усадьбу каждую ночь является черт и, кого ни застанет, утаскивает с собой.

— Нам уже пора по домам расходиться, — говорят ему гости, — но, коли ты храбрый малый, оставайся здесь. Еды у тебя вдоволь, стереги усадьбу. Неизвестно только, найдем ли мы тебя поутру живым.

Отвечает им солдат:

— Э-э! За меня не беспокойтесь! Я чертей не боюсь, пусть хоть целая сотня сюда нагрянет!

Солдат остался, а господа ушли. Сидит он за столом, угощается. Около полуночи все двери вдруг распахнулись настежь. Входит черт и кричит служивому:

— Ты что здесь делаешь?

Солдат ничуть не испугался и отвечает:

— Как видишь, отдыхаю себе, ем да пью.

— А кто тебе позволил остаться здесь на ночь? — возмутился черт. — Это моя усадьба. Кого застану в этом доме, того в плен беру. И тебя тоже уведу с собой!

— Ты-то, может, и хотел бы меня увести, да только я не пойду!

— Почему это ты не пойдешь? — удивился черт.

Отвечает солдат:

— А потому, что ты косматый и безобразный, с тобой совестно и на люди-то показаться! Давай я тебя обрею, чтобы ты

покрасивее был, тогда и пойду с тобой! А если не дашься, так и знай, ничего у тебя не выйдет!

Видит черт, что попался ему строптивый пленник, с таким беды не оберешься, и согласился побриться, чтобы стать красивее.

Схватил солдат дубовую доску и давай ею черта скоблить. Черт зарычал и стал брыкаться. А служивый его успокаивает:

— Лежи смирно. Хочешь быть красивым — терпи!

Зарекается черт солдат трогать — лишь бы отпустил его. Но служивый про то и слышать не желает. Черт взмолился, слезно просит помиловать, обещает солдату подарить усадьбу и вдобавок сообщить диковинную тайну. Солдат оставил свое бритье и спрашивает черта, какая там у него тайна. Черт и говорит:

— В полночь в эту горницу, где мы с тобой сейчс находимся, вползет стршная, большущая змея. Днем-то она в подвале сидит, обвилась вокруг трех огромных бочек, полных золота. Если ты поцелуешь ту змею, она превратится в красавицу, потому что это не змея, а заколдованная девица.

Едва умолк черт, за дверью послышалось зловещее шипение, и в комнату вползла змея.

Солдат, не медля ни минуты, подскочил к ней и поцеловал. В тот же миг змея обернулась девицей-раскрасавицей и стала благодарить молодца за то, что он освободил ее от колдовских чар.

Тут черт и говорит солдату:

— Отдаю тебе и красавицу, и дворец, и всю усадьбу. Но смотри не переступай ее границу — иначе снова станешь моим пленником, и я утащу тебя!

И пропал.

Утром явились в усадьбу господа и диву дались: сидит солдат с красавицей за столом и угощается.

— Много смельчаков вызывалось стеречь усадьбу, и все они бесследно исчезали!

Рассказал тогда солдат, что приключилось с ним ночью, господа похвалили его за храбрость и ушли, а молодец остался в усадьбе со своей красавицей, и стала она его женой.

Зажили они в любви и согласии, только скоро стало им скучно одним в усадьбе. Вот однажды солдат и предложил молодой жене прокатиться в город — пусть, мол, полюбуются люди на наше счастье! Он забыл и думать, какой запрет наложил на него черт. Велел он слугам запрячь коней и поехал с

женою в город. Только выехали за ворота усадьбы, как навстречу им черт. Вспомнил тут солдат про запрет, и сердце у него в пятки ушло. «Ну, — думает, — сейчас черт свое возьмет».

До усадьбы далеко. «Все равно черт догонит меня», — решил молодец. Видит он, так и так пропадать, обхватил обеими руками жену за шею и стал целовать в последний раз. А черт издалека за ним наблюдал, и почудилось ему, что солдат вздумал свою жену брить. Перепугался черт. «Не дамся больше в твои руки», — подумал он, повернул назад и пустился наутек, только пятки засверкали.

С той поры черт оставил в покое смельчака, и солдат по сей день живет со своей женой, если только не умер.

КОТ, БАРАН И ПЕТУХ

Чешская сказка

Жил у крестьянина кот, только вот хозяйка, Веруна, сильно невзлюбила котика, била, трепала, есть совсем не давала. Не вытерпел котик и говорит:

— Коли ты такая злая, теперь сама лови мышей.

И ушел из дома.

Идет он по лесу, а навстречу ему баран.

— Здорово, бяшка, куда путь держишь? — спрашивает кот.

А баран ему отвечает:

— Куда глаза глядят. Мой хозяин так обижал меня, все попрекал, что от меня ему один убыток, а пользы никакой. Вот и пускай теперь сам о ягнятах хлопочет и овец водит.

Пошли они вместе, кот и баран, а навстречу им петух. Они и спрашивают его:

— Куда путь держишь, петушок?

— Куда глаза глядят, — отвечает петух. — Хозяйка меня не кормит, каждой крохой попрекает, все только курочкам дает, а я, говорит, и яиц-то не несу, и пение мое ей докучает. Ну, а красотой моей ей любоваться некогда. Я и ушел от нее. Пускай сама теперь о цыплятах хлопочет, кур водит да от ястреба оберегает.

Пошли дальше втроем — кот, баран и петух. А дело-то к вечеру, надо и о ночлеге подумать. Петушок тогда и спрашивает:

— Где же мы, братцы, будем ночевать?

Баран говорит:

— Неподалеку отсюда избушка есть, в ней и заночуем.

Котику и петушку боязно стало, потом все же согласились.

Баран и петух говорят:

— Котик, наш братик, страшно ведь, пожалуй, в избушке ночевать, ты ведь у нас самый умный и ловкий, ступай-ка проведай, кто там в избушке живет?

Котик побежал к избушке, весь двор obeжал, все закоулки оглядел, в хлеву и в сарае побывал, видит: все как следует быть, везде порядок, а никого нет. Побежал он, позвал барашка с петушком в избушку. Вот вошли они. Котик на очаге в теплой золе растянулся, петушок на шесток над печкой вскочил. А барашек улегся посреди горницы.

А в той избушке разбойники жили.

В полночь вернулся один из них домой. Заходит на кухню, хотел было в очаге огонь развести, а кот как царапнет его по лицу, разбойник со страху так и брякнулся. Потом вскочил — и в горницу, а там баран его на рога поддел, да и шмяк об пол, а петух с шестка как закричит:

— А ну подкинь его повыше, я ему шею сверну!

Разбойник вконец перепугался, подхватил кафтан — и скорее в окошко, на дворе уток и гусей всполошил, они и давай крикать да гагакать.

— Так, так, так его! — кричат утки.

А за ними и гуси:

— А-га-га, бей! А-га-га, бей!

Умный котик и говорит товарищам:

— Пойдемте отсюда, братцы, вдруг нагрянут дружки разбойники, тогда мы пропали!

Послушались его петух и баран. И правильно сделали. Только они ушли, заявили в избу двенадцать разбойников, все закутки обыскали, весь двор обшарили, да так никого и не нашли.

А кот, баран и петух идут-бредут дорогою. И взяла барашка тоска, он и говорит:

— Не вернуться ли нам, братцы, к нашим хозяевам? Поглядим, каково им без нас живет, может, они подобрели?

И вернулись они каждый в свой дом. Котик побежал в амбар и сразу поймал мышку, она там в ларе с мукой хозяйничала.

Увидала кота хозяйка Веруна, обрадовалась:

— Здравствуй, котенька, где же ты пропадал? Без тебя про-

клятые мыши проказят, того и гляди, нас с дедом съедят. Ты, верно, голодный. На вот мисочку молочка! Попей! Теперь я, как стану коровушку доить, непременно тебе молочка наливать буду, только уж ты, пожалуйста, не убегай от нас, живи.

Котик подумал-подумал и говорит:

— Что ж, я не прочь. Так-то неплохо жить.

И пошел ловить мышей.

А тем временем пришел хозяин барана в овчарню, смотрит, нашелся пропащий баран. Обрадовался он и спрашивает:

— Где ты так долго бродил? Хорошо, что домой вернулся, без тебя у меня ни ягнят, ни овец, ни шерсти, ни тулупа не будет. Ну, уж теперь я тебе стану всегда овса подсыпать, только, пожалуйста, не убегай от меня, живи.

Барашек отвечает:

— Ну что ж, я не прочь. Так-то можно жить.

И остался в овчарне.

Пошла хозяйка петушка в курятник, смотрит, а он там, пропащий. Похвалила она его, что домой вернулся, и говорит:

— Дорогой ты мой, без тебя у меня ни яиц, ни цыплят бы не стало, без тебя я за курами не услежу. Ты, уж пожалуйста, больше не уходи, живи.

Принесла ему крупы, пшеницы насыпала, обещалась каждый день так кормить.

Петушок обрадовался, закукарекал:

— Что ж, я не прочь. Так-то можно жить.

И остался в курятнике.

Ведь у всякого свое дело. Но зато и плата должна быть по делам.

ЖАДНОСТЬ ДО ДОБРА НЕ ДОВОДИТ

Болгарская сказка

Пошел один парень на базар продать корзину яиц. Надел корзину на палку и понес на плече. Идет парень, идет, а сам говорит:

— Вот несу я три сотни яиц. Продам их на базаре по денежке за яйцо, выручу триста денежек; а удастся продать по две — выручу шестьсот. На эти деньги куплю себе свинку. Выкормлю ее, и принесет она мне двенадцать поросят — все свинок. Подрастут мои двенадцать свинок, и каждая принесет по дюжи-

не поросят; а поросята подрастут, опоросятся, принесут тоже по дюжине. Глядишь — вот тебе и целое стадо свиней! Это стадо я в лесу пасти буду — пускай свиньи желудями кормятся. Будут есть желуды, откормятся, жирные станут, я их на базар поведу. Всех пораспродам, выручу кучу денег. Тогда куплю я себе хорошего коня, а сам побреюсь, помоюсь, принаряжусь, сяду верхом на своего белого скакуна, шапку набекрень и — айда! Поскачу во весь опор — прямо к цареву двору. Приеду — с утра до вечера буду скакать на коне перед царевым двором; конь все поле копытами разворошит. А царева дочка усядется на высоком крыльце, будет на меня глядеть да любоваться. И вот посватаюсь я к царевой дочке, да и женюсь на ней. И родит она мне сына, и назовем мы его Богданчо. Пойду я на базар, куплю ему яблоч. Приду домой — Богданчо выбежит мне навстречу к воротам, а я нагнусь, да обниму его, да скажу: «Поди ко мне, сыночек Богданчо, поди к тятке, он тебе даст яблочко».

Забылся парень, протянул руку — хотел показать, как будет обнимать сыночка Богданчо, а палка-то и соскользнула у него с плеча. Корзина бух на землю! Яйца разбились.

Заплакал парень:

— Эх, горе! Пропало все мое богатство!

Стал он подбирать яйца — те, что не вдребезги были разбиты, и вдруг видит — следом за ним по дороге идет человек. Стыдно стало парню, и вот спрашивает он прохожего:

— Скажи, побратим, долго ты шел за мной следом?

А тот ему в ответ:

— С того часу, как ты стал богатеть и покуда все у тебя не пошло прахом.

ДЕДКА ПЕТКО И БАБКА ПЕНА

Болгарская сказка

Жили-были в одной деревне старик и старуха — дедка Петко и бабка Пена. Любили они вкусно покушать, зимою в тепле поспать, а летом в холодке подремать. Одного только не любили — работать.

— Работа мне ни к чему, — говаривал дедка Петко.

Как-то раз бабка Пена сварила в горшке бобовую похлебку. Сели старики за стол, выхлебали весь горшок, наелись досыта. Вот бабка Пена и говорит:

— Я сварила похлебку, а ты засучи рукава да вымой горшок. Утром он мне понадобится — буду корову доить.

— Не стану, — отвечает дедка Петко. — Это женское дело. Сама вымой!

— Не буду я мыть!

— Ну, пускай стоит немытый.

Наступила ночь. Легли старики спать, а горшок остался немытый.

— Слушай, — говорит дедка Петко жене, — ты утром встань пораньше да вскипяти мне молока. Похлебаю молочной тюри и пойду в поле.

— А во что мне доить молоко? Горшок-то немытый стоит. Вымоешь — надою.

— Не стану я его мыть, — упирается дедка Петко. — Лучше давай побьемся об заклад. Кто проиграет, тот и вымоет.

— Давай, — говорит бабка Пена. — А как?

— Будем оба молчать. Кто первый не утерпит, вымолвит слово, тот пусть и моет горшок.

Замолчали старики, да и заснули. Прошла ночь, взошло солнце. Крестьяне идут на работу. Пастух собрал стадо, гонит его на поляну пастись. На дворе у стариков корова мычит — некому ее подоить да на пастбище выгнать.

А старики сидят себе посиживают да молчат. Тут уж и соседи забеспокоились, стали заглядывать через плетень. В толк не возьмут, что такое приключилось у дедки Петки — корова стоит привязанная, мычит, а во дворе никого нет.

Вошли соседи в хату и спрашивают:

— Что у вас такое, бабка Пена? Почему не доишь корову?

Молчит бабка Пена.

— Дедка Петко, молви хоть ты словечко! Почему бабка Пена молчит?

Но дедка Петко тоже ни слова. Только головой качает, как лошадь.

— Ну и дела! — говорит один сосед. — Старики-то, видать, онемели. Сбегайте-ка за лекарем, да поживей! Игнатка, беги, сынок, покличь лекаря.

Игнатка побежал за лекарем. А тот жил в дальнем конце деревни. Покуда мальчонка за ним бегал, соседи начали расходиться кто куда: один спешит в поле, другой на базар, третьего дома работа ждет. Только двое остались при «онемелых» стариках — одна старушка и поп.

Поп тоже собрался уходить и говорит старушке:

— Ты, старушка божья, оставайся тут, пока не придет лекарь. Приглядишь за стариками. А то как бы с ними не приключилось чего худого.

— Не могу, батюшка.

— Почему не можешь?

— В нынешние времена никто даром не работает. Заплатите — останусь.

— Как? По-твоему, я тебе должен платить? Я? Да где ж это видано, чтобы попы деньги платили?

Оглянулся поп кругом — на стане рваная кацавейка висит. Пошел он снять кацавейку, а бабка Пена как завизжит:

— Ты что? Хочешь отдать мою кацавейку этой лентяйке? А я в чем ходить буду?

Услышал дедка Петко, как раскричалась его старуха, поднялся и говорит:

— Ну, бабка, ты заговорила первая — проиграла заклад. Ступай теперь вымой горшок!

Догадались тогда и поп и старушка, почему дедка Петко и бабка Пена онемели. Покачали они головой и убрались восво-
яси.

ХИТРЫЙ ПЕТУХ

Болгарская сказка

Растопырил крылья хитрый петух, вскочил на плетень и ну кукарекать во все горло. Из ближней рощицы выбежала кума лиса.

— Добрый день! — кричит. — Услыхала я, как ты кукарекаешь, вот и прибежала. Ну и хорошо же ты поешь! Вот не знаю только, умеешь ли ты петь, как пел твой батька.

— А как мой батька пел?

— Вскочит, бывало, на плетень. да и стоит на одной ноге, а другую подожмет. Закроет один глаз и кукарекает. Вот был певец так певец!

— И я так умею!

Поджал петух ногу, закрыл один глаз и кукарекает.

— А можешь ты, стоя на одной ноге, закрыть оба глаза и все-таки петь? — спрашивает лиса.

— Могу! — крикнул петух.

Но не успел он закрыть оба глаза, как лиса подскочила и — хватать петуха!

Унесла его лиса в лес, придавила лапами и уже приготовилась кушать.

— Эх, — вздохнул петух, — было время, матушка твоя не так делала.

— А как она делала? — спрашивает лиса.

— У матушки твоей был такой обычай: бывало, поймает петуха да перед тем, как его скушать, прочтет молитву. Набожная была лисица, богомольная.

Подумала, подумала лиса и решила: надо, мол, и мне помолиться. Сложила передние лапы, закрыла глаза, стала молитву шептать. А петух того и ждал. Как только лиса отдернула лапы, он взлетел — да скок на ближнее дерево!

— Чтоб тебя громом убило! — взвизгнула лиса. — Меня, лису, перехитрил!

И, голодная, поплелась восвояси.

ЕЖ-ИГЛОКОЖ, КРОТИХА И ЛИСИЦА

Болгарская сказка

Шел как-то раз еж-иглокож по полю, увидел кротовую кочку. Слышит — кротиха под землей роется. Позвал еж-иглокож кротиху:

— Вылезай, кума, давай побеседуем.

Вылезла кротиха, вся землей обсыпана, побежала к ежу на беседу.

— Поглядел я, — говорит еж-иглокож, — какая ты работница, и задумал одно дело.

— Что же ты задумал? — спрашивает кротиха.

— Хорошее дело. Да только не знаю, согласишься ты на него или нет.

— Если будет хорошо для нас обоих, почему не согласиться? — молвит кротиха.

— Давай работать вместе, — говорит еж-иглокож. — Ты распашешь поле, я его пробороню и засею. А пшеницу разделим поровну.

— Согласна, еж-куманек. Будем работать вдвоем, дело у нас на лад пойдет. Я умею пахать, а боронить не умею — ведь игл у меня нету. А у тебя иглы есть, зато нет у тебя таких

крепких ног и когтей, как у меня. Друг без дружки мы не работники, а станем работать вместе да все поровну делить, вот нам и будет хорошо.

— Ну значит, столковались, — говорит еж-иглокож. — А теперь поплюй себе на лапы и начинай.

Принялась кротиha за работу. Пахала день, пахала другой, вспахала поле. Дошел черед и до ежа. Свернулся он клубком и покатился по пашне. День катался, два катался, проборонил пашню своими острыми иглами и посеял пшеницу.

Год выдался урожайный. Буйная взошла пшеница, заколосилась тяжелыми колосьями, ядреным зерном налилась — любодорого поглядеть.

Пришла пора снимать урожай. Сжали пшеницу, обмолотили, начали делить.

Взял еж-иглокож меру, насыпал в нее пшеницы вровень с краями и говорит:

— Это мне!

Потом насыпал меру до половины и подает кротиhe:

— А это тебе!

— Почему ж ты себе берешь полную меру, а мне даешь половину? — спрашивает кротиha.

— Потому что моя работа потяжелее твоей, — отвечает еж-иглокож. — Я пашню боронил, все иглы свои обломал — ни одной целой не осталось.

— А я пахала, все когти переломала, — спорит кротиha. — Уж если судить по справедливости, так мне причитается побольше твоего.

Слово за слово, поругались кротиha с ежом, подрались, друг дружке в глотку вцепились.

На ту пору проходила мимо кума лиса. Услышала шум и прибежала посмотреть на драку. Развела лиса драчунов, села решать их спор. Сама судит, сама на пшеничку поглядывает.

Еж-иглокож стал рассказывать лисе, сколько мук он претерпел, пока боронил пашню, а кротиha показала свои когти — все поломанные.

Выслушала их лиса, усмехнулась лукаво себе в усы и говорит:

— Вижу я, оба вы хорошо поработали. И чтобы никого не обидеть, стану я вас судить праведным судом. Как присужу, так и будет. Согласны?

— Согласны, — отвечают еж-иглокож и кротиha.

— Вижу я, — говорит хитрая лисица, — что вы намолотили

десять мер пшеницы, а солома — не в счет. Солому пусть возьмет ежка-иглокожа, чтоб ему полегчало немножко. Он, бедняга, совсем изморился, иглы свои переломал. Постелет себе соломки и будет спать на мягком. Кротичке причитается одна мерка пшенички. А для лисицы-сестрицы останется девять мер пшеницы — молоть на мельнице-водянице. Вот я вас и рассудила по правде!

Слушает еж-иглокож лису, а сам думает: «Да, вот правда так правда! Прямая, как веревка в мешке».

Ушла хитрая лисица с полным грузом пшеницы. Тут кротиха и говорит ежу:

— Вот видишь, кум еж, что вышло из нашей ссоры? Разделили бы мы пшеницу поровну, весь бы год были сыты. А сейчас остались ни при чем..

Вдохнул еж-иглокож.

— Выходит, что так, — говорит. — Правду сказывают люди: «Двое дерутся — третьему пожива».

ВОРОБЕЙ И ЛИСА

Болгарская сказка

Одно время воробей и лиса были закадычными друзьями. Куда лиса бежит, туда и воробей летит.

— Братец воробушек, — говорит как-то раз лиса, — хочешь, давай вместе посеем пшеницу?

— Хочу, кумушка.

Посеяли пшеницу. Выросла она, поспела. Пришла пора убирать урожай. Воробей с лисой начали жать с самого утра. Но вот солнышко припекать стало, а лиса-то была всем лентяйкам лентяйка, и надумала она схитрить.

— Братец воробушек, — говорит, — ты жни, а я пойду вон на ту горку, буду небо подпирать — боюсь, как бы оно не упало. Упадет небо — поломает нашу хорошую пшеничку.

— Иди, кумушка, — говорит воробей, а сам опять нагнулся — жнет себе да жнет.

Взошла лиса на пригорок. А тут как раз облако выплыло из-за гор. Села лиса, подняла лапы — будто облако подпирает.

Воробей сжал ниву, убрал снопы, подмел гумно и говорит:

— Иди, кумушка, давай молотить.

— Молоти ты, воробушек-братик, а мне и нынче доведется

небо подпирать. Не то оно упадет, да и погубит нашу хорошую пшеничку.

Запряг воробей волов, обмолотил пшеницу, провеял и зовет лису:

— Иди, кумушка, будем пшеницу делить.

— Иду! — кричит лиса.

Прибежала. Взяла лиса меру и говорит:

— Вот тебе, воробушек, мера, а мне причитается две меры. Ведь моя работа потяжелее твоей — я небо подпирала. К тому же я тебе старшей сестрой довожусь.

Воробей проглотил обиду, забрал свое зерно и полетел вос-
вояси. Увидела его собака и спрашивает:

— Ты что пригорюнился?

Рассказал ей воробей про свое горе. А собака разгневалась и говорит:

— Веди меня в лисицыну житницу!

Привел ее воробей к житнице. Собака влезла туда и зарылась в зерно.

На другой день собралась лиса на мельницу — пшеницу молоть. Пришла она в свою житницу, стала сгребать зерно, видит — из него собачье ухо торчит. Подумала лиса: это что-то съестное — да и хватить ухо зубами. А собака как выскочит, как бросится на лису — задушила вмиг.

ПТИЧИЙ КОРОЛЬ

Литовская сказка

Однажды в давние времена сговорились птицы собраться на большом ровном лугу и выбрать короля. Были тут и орел, и аист, и дрозд, и трясогузка, и лебедь, и жаворонок, и воробей, и еще одна, самая маленькая птичка.

Каждая птица хотела стать королем, только не смела вылезти вперед. Долго они галдели, покуда аист, зная, что крылья у него сильные, надумал: кто выше всех поднимется, тому и быть птичьим королем. Все птицы с ним согласились.

Только аист шелкнул клювом, дал знак, и взмыли птицы тучей. Куропатка сразу шлепнулась наземь, курица тоже стала спускаться и чуть ногу не вывихнула. Другие птицы полетали, сколько было сил, да одна за другой скоро устали, начали спускаться.

Только аист с орлом залетели так высоко, что еле их видно было. Под конец и аист притомился. Орел остался один и заклекотал:

— Я король! Я король! Кто взлетит выше меня?

— Я! — пискнула у него под ухом птичка и поднялась выше орла. — Я король!

А это птица-крошка уселась орлу на спину и все ждала, когда он устанет. Попытался было орел птичку обогнать, да где там! Разве догнать усталому отдохнувшего.

Так птичка-крошка всех перехитрила и стала королем. Только стыдно ей стало своего обмана, и с той поры она по кустам прячется; все птицы, как завидят ее, кричат:

— Королек-крошка! Королек-крошка!

ВОЛК И ЛИСА

Литовская сказка

Бегут волк с лисой по лесу мимо силка. А к силку гусь подвешен. Давненько звери не ели, проголодались, но лиса на гуся и краем глаза не глянула.

— Чего зеваешь, кумушка? Не видишь — гусь! — спрашивает волк.

— Среда нынче, вот я и пощусь, мясного не ем, — отвечает лиса.

Волк вспомнил, что сам он постов не соблюдает, ест мясо, когда ни попадись, прыгнул на гуся — и повис в силке.

Тогда лиса смело подобралась к гусю и принялась за него, так что косточки захрустели.

— Кумушка, да ведь нынче пост, — попрекнул ее полуживой волк.

— Тому и пост, кто лапами земли не достает, — отвечала ему лиса.

НЕ ВЗАПРАВДУ ЕЛИ, НЕ ВЗАПРАВДУ И РАБОТАЛИ

Латышская сказка

Один хозяин повез в бочонке путру косцам на луг. Путра плескалась-плескалась, хозяин даже не заметил, как она вся из бочонка выплескалась.

Приехал на луг и уговаривает косцов:

— Ешьте, братцы, ешьте, да только не взаправду — расплескалась вся путра по дороге!

Делать нечего — поели не взаправду. Когда подошло время опять за косьбу браться, взяли они косы и машут ими по воздуху. Закричал на них хозяин:

— Вы почему не косите?

— Не взаправду обедали, не взаправду и сено косим! — ответили ему косцы.

КАК ЧЕЛОВЕК ОДОЛЕЛ ВОЛКА

Латышская сказка

Повстречал старик в лесу матерого волка. Волк был голодный и как зарычит на старика:

— Готовься помирать! Ты мне нынче спать в можжевельнике помешал. У меня и посейчас голову ломит от твоего рева.

— Помилуй, голубчик Серый! Да ведь я всего-навсего высморкался.

— Все одно помрешь. Готовься!

— Кто силен, тот и прав, — проворчал старик и давай волка упрашивать: — Позволь перед смертью твоим хвостом гробовую свечу отмерить.

Позволил волк. Старик отрезал мерило — добрую дубину, — начал волчий хвост на руку наматывать, а сам волка дубиной колотит да приговаривает:

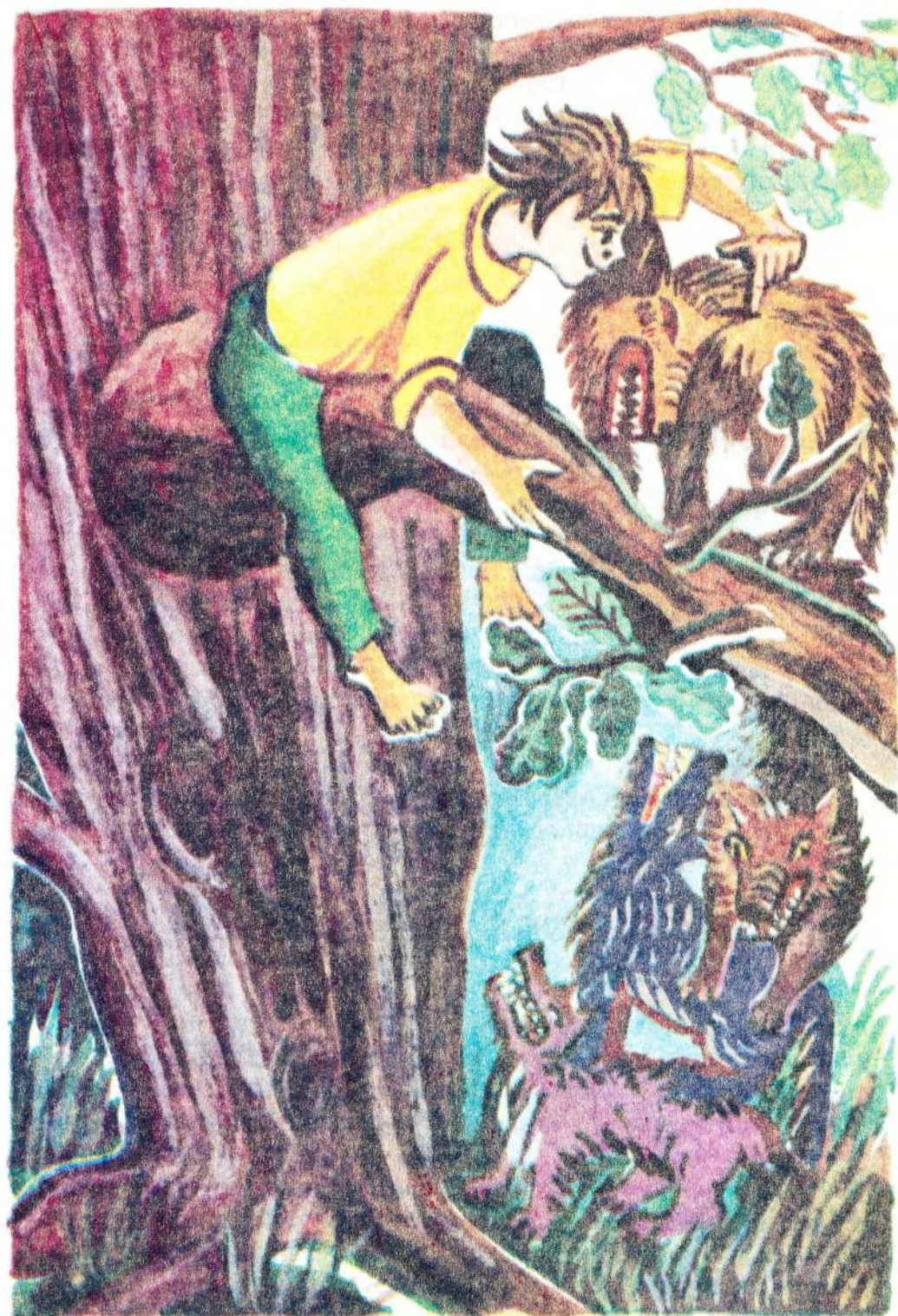
— Кто силен, тот прав, а кто умен, тот смекалкой возьмет.

Оборвался в конце концов хвост; засмеялся старик и забросил избитого волка в кусты.

Отошел волк и завыл. На вой сбежалась целая стая волков, старик едва-едва на ель взобраться успел. Долго волки думали да гадали: как теперь быть? И додумались: встанут друг на друга и доберутся до самой вершины ели.

Избитому волку это пришлось по душе. Встал он под ель и велел другим волкам взбираться на него. Вскоре волки добрались до вершины ели. Вот уже и последний волк залез наверх, хочет напасть на старика, а тот ему на ухо шепчет:

— Эй, слышь, браток, покуда остальные до меня не дорвались, съешь-ка лучше ты один меня тут, наверху. Я уцеплюсь за ветвь, а ты — кусай, ешь... Только позволь мне сперва наскоро твоим хвостом гробовую свечу отмерить.

Волк согласился. Старик вытащил нож, отрезал хвост и бросил его вниз с криком:

— Эй ты, ободранный! Вот твой хвост.

Поверил ему избитый волк и кинулся за хвостом. Но как только он из-под кучи выскочил, все волки попадали. Разбежались волки сломя шею кто куда. С той поры у волков шеи не гнутся.

ЕЖИК

Латышская сказка

Нашел ежик грош. На ту пору ехал мимо барин. Поглядел на него ежик и говорит:

— А у барина нет того, что у меня есть!

— Интересно, что это у тебя такое особенное? — спрашивает барин.

Показал ежик грош. Рассердился барин и отнял его.

Вот ежик и говорит:

— Я же говорил, что у тебя нету. Было бы, так, небось, не отнял бы.

Еще пуще разгневался барин, швырнул грош на землю. А ежик хихикает:

— Ага, испугался меня и бросил!

Видит барин, что голыми руками ежа не возьмешь, сел в свою карету и поехал, разгневанный, дальше.

КАК АИСТ УЧИЛ ЛИСУ ЛЕТАТЬ

Латышская сказка

Все-то хитрости лисонька знала, только летать еще не умела. Пошла она к аисту учиться этой премудрости. Ухватил аист лису за загривок и поднял в воздух.

Подумала лиса: «Теперь-то я и сама сумею», — и говорит аисту:

— Довольно! Отпусти меня.

Отпустил аист лису, она и полетела с воем вниз, прямо на пень. Кричит лиса пню:

— Посторонись, дурак! — а тот и не слушает. Упала лиса на пень, лежит, вытянув хвост.

С той поры ни одной лисе и в голову больше не приходило летать. А бегают они все и по сей день, вытянув хвосты.

ЛИСА И ГУСИ

Латышская сказка

Шла как-то лисонька мимо хутора и видит: во дворе гуси пасутся. Обрадовалась лиса: «Вовремя я подошла», — и давай гусей гонять. Загоготали гуси, да так жалобно пощады запросили, что лиса б, наверно, расплакалась, коли могла бы понять, о чем они просят. Но ведь в том-то и беда, что не говорят гуси по-латышски, только по-гусячьему, а лиса по-ихнему не понимает.

На счастье, оказался в стае один старый гусак, который хорошо знал по-латышски. Он и стал лисе толковать, что есть, мол, у гусей обычай — перед смертью песню спеть.

— Ладно, — говорит лиса, — пусть споют, да побыстрее.

Но только нейдет у гусей пение на лад. Один затянет: «га», второй подтянет: «га», и покуда «га» весь круг не обойдет, лисе ждать надо. Ну, и мы, конечно, подождем. Кто знает, как еще там дело обернется.

ГНОМ ИЗ-ПОД ПЕЧКИ

Эстонская сказка

Барин велел повару наготовить вкусной еды.

Поставил повар большой котел, положил в него много баранины. Сам сидит, огонь раздувает.

Вдруг из-под пола, из-под печки вылезает гном и просит:

— Голубчик, дай баранинки! Отощал от голода.

— Не могу, — говорит повар, — у нас у самих едоков много.

— Тогда хоть подливочки дай! — говорит гном.

— Подливки, так и быть, возьми! — сказал повар и зачерпнул гному поварешку подливки.

Взял гном поварешку в руки, и не успел повар оглянуться, как маленький обжора в один миг опустошил весь котел и скрылся.

Испугался повар не на шутку, пошел барину жаловаться, про гнома рассказывать. Барин не поверил, но повар душой и телом

покаялся, что ни словечка не выдумал. Тогда барин нахмурился и велел снова положить в котел баранины.

— А если, — говорит, — этот гном явится, дай ему поварешкой по лбу.

Положил повар баранины, сидит, огонь раздувает.

Вдруг опять из-под пола, из-под печки является гном и просит подливки.

— Не могу, — сказал повар. — Не велено. Велено тебя поварешкой по лбу стукнуть.

— Не бей меня, голубчик, — попросил гном. — Пожалей нас с женой. Она у меня заболела. Некому теперь обед приготовить, воды принести. Налей мне в этот мешочек подливки — видишь, какой он маленький? Я жене отнесу, пусть поправляется.

Поверил ему повар. Решил, что второй раз не обманет — есть же у него совесть. Да и стыдно отказать в такой капле: мешочек-то крохотный был. И дал гному поварешку. Дескать, много ли надо его больной жене.

И вот чудеса — мигом вся баранина из котла исчезла в крохотном мешочке, и гном пропал.

Вот горе-то!

Пошел повар весь в слезах к барину. Ох и рассердился же барин, из себя вышел. Велел снова положить в котел баранины, но сказал, что в третий раз такого не простит — выгонит.

— Прихлопни, — говорит, — на месте этого жулика, если он опять сунется.

Снова поставил повар котел, а гном опять заявляется.

Схватил повар поварешку и закричал:

— Уходи! Мне тебя на месте велено прихлопнуть!

— Не убивай меня, голубчик! Ты и сам можешь в нужде оказаться. Тогда сразу обо мне вспомни. Жена моя умерла, бедная, а ребеночек голодный: некому нас накормить. Дай хоть полповарешки подливки для моего детеныша.

Повар был большой добряк. Жалко ему стало гномьего детеныша. «Много ли, — думает, — съест такой малыш?»

И протянул гному поварешку.

Но котел и на этот раз мигом опустел, а гном пропал.

Бедному повару только и оставалось, что идти за расчетом.

— Гном опять все украл, — говорил он барину, а у самого голос дрожит.

— Пошел прочь, негодяй! — завопил барин. Чтобы завтра же утром ты вымелся со всеми своими пожитками! Не будь ты

таким хорошим поваром, я бы тебя и до утра не оставил!

И зовет управляющего.

— Приготовь, — говорит, — жаркое! А если гном сунется, прихлопни его тут же!

— Ладно, — говорит управляющий, — не беспокойтесь, ваша милость!

И пошел ставить котел.

Гном опять, конечно, вылезает и подливки просит. А управляющий только того и ждал.

— Подливки, — заорал, — мошенник?

И хватить его поварешкой по лбу. Бедный гном так и покатился под печку.

Спас управляющий жаркое, подает барину.

— Я, — говорит, — этому плуту всыпал! Уж больше не сунется...

А повар собрал утром свои вещички, взвалил узел на спину, пошел прочь.

И тут гном из-под пола, из-под печки выскакивает. Вся голова полотенцем обвязана.

— Эй, — говорит, — приятель! Ты что ж прощаться не хочешь? Ведь я тебе припас кое-что на дорожку. Зайди ко мне в дом.

Полез повар под печку. Как влез, сам не знает, но все же сумел. Влез, а там такие палаты — не хуже господских. И всяких диковин полно.

Прошли они все покои, пришли в каморку. Берет гном с полки коробочку и говорит:

— Вот, милый, это тебе в награду за твою доброту. Случись у тебя какая недостача, постучи пальцем в эту коробочку и скажи, что тебе нужно. Все будет мигом!

Взял повар коробочку, сказал гному спасибо, полез обратно на кухню. А там как раз управляющий.

Берет повар коробочку, стучит в нее пальцем и говорит:

— А ну-ка, милая, собери мне еды на дорожку!

И откуда ни возьмись появляется котомка, а в ней всякая-всякая еда. Понравилось это повару, он еще кой-чего потребовал, и все ему было. Управляющий даже рот разинул.

— Ну и коробочка! — говорит. — Где раздобыл такую?

Повар сказал где. Потом сложился и ушел. А управляющий думает:

«Хочу коробочку! Уж я подольщусь к этому гному, замолю

свой грех! Надо скорей баранины наварить!»

Наварил он баранины, сидит, ждет гнома, а того как назло нет.

— Эй, подпечник! — зовет управляющий. — Заходи, милый, в гости!

Услышал это гном, вылез.

— Тебе чего? — говорит. — Еды у меня хватает — мне повар на неделю дал.

— А ты свежего попробуй, — уговаривает управляющий. — Может, больше понравится.

Попробовал гном свежего.

— Спасибо, — говорит. — Вкусно. Пойдем, я тебя отблагодарю.

Полезли они под печку. Схватил управляющий коробочку и скорей обратно — на кухню. Даже спасибо не сказал — так торопился. Побежал скорей к барину, начал хвастать, что сейчас у них все будет, чего они захотят. И давай колотить в коробочку.

Только стукнул, а оттуда как выскочит гном с железной палицей и ну дубасить барина с управляющим. До бесчувствия избил.

А сам тут же пропал. И коробочка тоже пропала. Только их и видели.

КРАСИВАЯ НЕВЕСТА

Эстонская сказка

Жил-был крестьянин. Было у него три сына — двое умных, третий дурачок.

Состарился отец. Пришло время добро меж сыновьями делить. А старик не знает, кому дом отдавать. Все три сына ему любви, а милее всех младший. Братья его дурнем считали, а отец за доброту да за честность любил.

Зовет он сыновей и говорит:

— Хочу между вами добро поделить, чтобы после моей смерти споров у вас не было.

Старшие братья обрадовались. Они давно этого дня ждали. А отец говорит:

— Чтoб все было по справедливости, собирайтесь-ка вы в дорогу и принесите мне по рубахе. Чья будет самая тонкая, тому и дом достанется. Согласны?

— Согласны, — говорят все трое и отправляются в дорогу.

Старшие сразу в город поехали — там рубахи потоньше делают. А дурачок этого не смекнул — пошел в лес. Пошел той самой дорогой, какой скот гонял, добрал до леса — и в лес. Идет себе по какой-то тропке, узенькой совсем, неприметной. Шел-шел и пришел к чьему-то дому. Большому, не меньше церкви. А вокруг только лес и тишина — как на кладбище.

Подходит дурачок к дому, видит — дверь не заперта, — заходит внутрь.

И там ни души. Но везде чистота и порядок, а в одной горнице длинный стол стоит, весь блюдами уставленный, будто кто пировать собирался. А дурачок уже проголодался в дороге, он и не стал долго думать — сел за стол и поел-попил не хуже гостя. Поел-попил, пошел дом разглядывать. Все комнаты обошел. Считал их, считал, да и со счету сбился.

Вдруг за одной дверью вроде шорох какой.

«Ага! — думает. — Пришел кто-то. Сейчас мы узнаем, что за господа здесь живут».

Открывает он за эту дверь, заходит в нее. Только зашел и сразу к земле прирос от страха: стоит в углу кресло, а на кресле — большая медная змея. Голову подняла и на гостя в упор смотрит.

Хотел дурачок дать тягу, но змея и говорит ему человеческим голосом:

— Не бойся, глупый! Я тебе ничего не сделаю.

Послушался дурачок, остался. А сам дрожит весь как осиновый лист.

— Как ты сюда попал? — говорит змея.

Дурачок рассказал. Змея и говорит:

— Будет тебе рубаха. Тонкая-претонкая. Только прослужи у меня год. Ешь-пей сколько хочешь. А всей работы у тебя — купать меня раз в день и обратно в кресло укладывать.

Подумал дурачок и сказал:

— Ладно, согласен! Мне главное — чтоб рубаха была, а работы я никакой не боюсь.

А дурачок всякое зверье любил: и щенков, и жеребят. И змею полюбил — хорошей оказалась. Она его самой вкусной едой кормила, а он ее купал раз в день и на кресло укладывал. Не заметил, как год прошел. Но через год все же сказал змее:

— Теперь я свое отработал! Пора мне к отцу возвращаться.

— Что ж, ступай, — говорит змея. — Открой шкаф и возьми в нем самую тонкую рубаху.

Взял дурачок рубаху, сказал спасибо и пустился в обратный путь.

Возвращается, а братья уже дома. И у каждого красивая рубаха. Но только у дурачка еще красивей оказалась. Увидел это отец и объявил дурачка своим наследником.

— Ну нет! — закричали старшие. — Так не годится! Испытай нас еще раз.

— Ладно, — говорит отец, — даю вам еще год сроку. Принесите мне по ковриге. Чья будет самая вкусная, тому и дом достанется. Согласны?

— Согласны, — говорят все трое.

И опять в дорогу. Старшие, конечно, — в город, а младший — опять в лес. Нашел свою неприметную тропочку, добрался по ней до большого дома — и скорее к змее. Посмотрел, а она уже не медная, а серебряная. Рассказал ей дурачок, какая у него нужда.

— Будет тебе коврига, — говорит змея. — Только прослужи у меня год. А всей работы у тебя — купать меня два раза в день и обратно на это кресло укладывать.

«Работы я никакой не боюсь, — подумал дурачок. — Главное — чтоб коврига была». И остался.

Хорошо он этот год прожил. Работы — пустяк, а еда вкусная. Однако через год все же сказал:

— Пора мне уходить — год прошел. Надо к отцу возвращаться.

— Что ж, — говорит змея, — ступай. Открой в чулане шкаф, возьми ковригу. Нигде такой вкусной не найдешь.

Взял парень ковригу, сказал змее спасибо, тронулся в обратный путь.

Отведал отец от каждой ковриги, увидел, что самая вкусная — у младшего.

— Ему, — говорит, — и быть наследником. Так мы уговорились.

— Ну нет! — закричали старшие братья. — Так не годится! Испытай нас еще раз! После третьего раза никто спорить не станет — кто победит, тот и победит!

— Будь по-вашему! — говорит отец. — Даю вам еще год сроку. Найдите себе невест. У кого будет самая красивая, тому и дом достанется. Согласны?

— Согласны! — говорят все трое.

Обрадовались старшие братья, подумали: «Небось ни одна красавица за нашего дурака не пойдет!»

Пустились они опять в дорогу. Старшие по привычке — в город, младший — опять в лес.

Нашел в лесу большой дом, зашел и видит: змея уже не серебряная, а золотая. Рассказал ей, чего ищет.

— За меня, — говорит, — красивая не пойдет. Посмеются надо мной старшие братья.

— Пойдет, — говорит змея. — Только прослужи у меня год. С едой, сам знаешь, не обижу, да и работа легкая: будешь меня купать три раза в день, а потом на кресло укладывать.

— Я с охотой, — говорит дурачок и остается. А самому что-то не верится, что змея ему и на этот раз поможет.

Через год приходит дурачок к змее — домой просится.

— Что ж, — говорит змея, — ступай. Я свое слово сдержу. Только сперва тебе придется растопить докрасна большую печь на кухне. Растопишь, придешь за мной, снесешь на руках в кухню и кинешь в самый огонь. Я начну рваться из огня обратно, грозить тебе начну, умолять, а ты ничего не слушаешь. Послушаешься — пропадешь!

Растопил дурачок печь, кинул змею в огонь и дверцы прикрыл. Господи, что тут началось! Зашипела змея, засвистела — такой гром подняла, что ужас! Но хоть и грозилась она дурачку, хоть и умоляла выпустить ее, но он ни в какую — не выпустил.

А потом все тихо стало. Открыл дурачок печные дверцы и видит: печь дочиста прогорела — ни углей, ни золы не осталось.

«Вот чудеса!» — думает и пошел с кухни. Весь дом обошел, а змеи нигде нет. Обманула его, сгорела.

Заглянул напоследок в комнатенку одну — темную, невзрачную. Смотрит: она шелковой занавеской разгорожена. Заглянул за занавеску, а там постель, шелком застланная, и на постели девушка сидит писаной красоты. Увидела его и говорит:

— Спасибо тебе, дурачок, за верную службу! Злой волшебник превратил меня в змею за то, что не пошла я замуж за его гадкого сына. И нельзя мне было от его злых чар избавиться, пока кто-нибудь не согласился бы прослужить у меня три года и исполнять все мои желания. Если бы не ты, я бы весь век своей оставалась змеей — то медной, то серебряной, то золотой, — каждой по году. Давай поженимся, если я тебе нравлюсь.

Взялись они за руки, вышли на двор. А там все другое стало: вокруг дома цветы, а за оградой вместо леса ровные поля тянутся. И у крыльца красивая карета с лошадьми стоит.

Сели они в карету, поехали к отцу. Старшие братья тоже красавиц нашли, да только не таких, как у дурачка. Те были как луна, а она — как солнце. Пришлось старшим братьям уступить, не посмели они в третий раз отцу перечить. Но младший брат сам ничего не захотел.

— Мне, — говорит, — никакого добра не надо! У нас и так всего много, больше, чем у помещиков. Пусть мои братья все себе заберут.

И сыграли они три свадьбы сразу. Раздал дурачок всем богатые подарки — и отцу и своим умным братьям. А сам к невесте переселился. К красавице своей несравненной.

ВОЛШЕБНЫЕ УЗЛЫ

Эстонская сказка

Однажды отправились рыбаки к острову Хийумаа ловить рыбу. Дул попутный ветер, и они скоро добрались до места. Наловили там много рыбы и стали подумывать о возвращении.

Повернули свои лодки носом к большой земле и принялись грести. Тут вдруг поднялся сильный ветер и понес рыбаков обратно к острову Хийумаа. Ветер все дул и дул, и непохоже было, что он собирается утихнуть.

Пристали рыбаки к острову и увидели избушку. В этой избушке жил старик. Попросились они к старику на ночлег.

Старик их спрашивает:

— Вы откуда? Куда путь держите?

Рыбаки говорят:

— Мы с большой земли. Ловили у Хийумаа рыбу. Хотели вернуться домой, а тут поднялся встречный ветер и погнал нас обратно к острову. Ветер такой, что и думать нечего о возвращении.

Старик говорит:

— Я бы вам помог вернуться, если вы умеете держать слово.

Рыбаки отвечают:

— Слово мы сдержим, только помоги.

Тогда старик снял со стены веревку длиной в три дюйма. На веревке было три узла. Он дал веревку рыбакам и сказал:

— Идите, готовьте лодки, а как приготовите, развяжите на веревке первый узел. Сразу поднимется попутный ветер. В мгновение ока отнесет он вас далеко от острова. На половине пути развяжите второй узел. А третий узел можно развязывать только на берегу. В море, смотрите, не развязывайте.

Рыбаки взяли веревку, поблагодарили старика и решили выйти в море рано утром.

Садятся утром в лодки и все еще не верят:

— Поможет нам эта веревка! Как же!

Но самый молодой рыбак сказал:

— А по-моему, старик этот — мудрый старик. Вот увидите — как он сказал, так и будет!

Рыбаки решили испытать силу узлов. Спустили лодки и развязали первый узел. И вот чудо — откуда ни возмись, поднялся сильный попутный ветер. Лодки так и режут воду, только волны за ними пенятся.

На половине пути рыбаки развязали второй узел. Лодки полетели еще быстрее. Совсем уже недалеко от большой земли было.

У самого берега решили рыбаки развязать и третий узел.

— Погодите, — сказал молодой рыбак. — Ведь старик с Хийумаа велел развязывать третий узел только на берегу. Не то беда может случиться.

Но другие рыбаки не послушали его:

— Какая еще беда? Мы же совсем близко от берега.

И развязали они третий узел.

В тот же миг ветер переменился и погнал рыбаков обратно к острову.

Рыбаки гребли изо всех сил, но берег не приближался.

Всего несколько мгновений потребовалось им, чтобы пройти весь путь от острова Хийумаа, а тут бились они до захода солнца, пока наконец добрались до берега, до которого было рукой подать.

Раскаивались рыбаки, что не послушались мудрого совета, но что толку в таком раскаянии?

КОМАР И КОНЬ

Эстонская сказка

Конь пасся в поле, прилетел к нему комар. Конь его не заметил, и тогда комар спросил:

— Не видишь, конь, это я прилетел?

— Теперь вижу, — говорит конь.

Начал комар коня разглядывать — на хвост посмотрел, на спину, ни копыта, на шею и на оба уха по очереди. Посмотрел и головой комариной покачал:

— Ну и здоров же ты, брат!

— Да уж, не маленький, — мотнул гривой конь.

— Я куда меньше.

— Меньше, меньше!

— Небось и силы у тебя хватает?

— Хватает, хватает.

— Небось и мухи с тобой не сладят?

— Где им!

— И даже слепни?

— И слепни не сладят.

— Оводам — и то тебя не одолеть?

— Нет, не одолеть.

Понравилось комару, что конь такой сильный. «Я-то ведь еще сильнее», — подумал комар и грудку свою расправил.

— Хоть и большой ты, — говорит, — сильный, а мы, комары, еще сильнее: как накинемся, живого места не останется. Мы тебя победим.

— Не победите! — говорит конь.

— А вот победим! — говорит комар.

— А вот нет! — говорит конь.

Спорили они час, спорили два — никто уступать не хочет. Тогда конь говорит:

— К чему зря спорить, давай лучше силами померимся.

— Давай! — обрадовался комар.

Взлетел он с коня и тонкий, пронзительный клич кинул:

— Эй, комарье, лети сюда!

И сколько тут комаров налетело! Из березника, из ельника, и с болота, и с пруда, и с речки... И все на коня кидаются. Облепили его, бедного, сплошь, а он спрашивает:

— Все, что ли, прилетели?

— Все, — говорит комар-задира.

— Всем местечко нашлось?

— Всем, всем.

— Тогда держитесь, — говорит конь. И как повалится на спину — всеми копытами кверху и начал с боку на бок перекачиваться. В одну минуту всех комаров передал, все болотное войско.

А комар-задира в стороне сидел. Задиры всегда такие: затеют драку, а сами — в сторону.

От всего войска лишь один солдатик уцелел. Едва-едва успел отлететь от коня на своих помятых крылышках. Подлетел он к задире и доложил ему, будто генералу какому:

— Враг уложен наповал! Жаль, четырех солдат не хватило. А не то вцепились бы мы врагу в копыта и сняли бы с него шкуру.

— Молодцы ребята! — похвалил его комар-задира и поскорей в лес полетел, чтоб раструбить всем букашкам и козявкам о великой победе. Шутка ли? Комариное племя самого коня одолело! Комариное племя всех племен на свете могучей!

МЫШЬ И ВОРОБЕЙ

Эстонская сказка

У мыши здоровье расстроилось — свежего воздуха в чулане не хватало. Побежала она к своему старому другу воробью посоветоваться, как ей быть.

— Зачахла я, — говорит, — в своем чулане. Свежего воздуха не хватает. Вредно мне чулан сторожить — надо бы чем-нибудь другим заняться.

— Давай землю пахать, — предложил воробей.

— Давай! — обрадовалась мышь.

Вот вспахали они вдвоем поле, посеяли ячмень, сидят — ждут урожая.

Ячмень уродился на диво — зерно к зерну и высокий, как лес. Мышь скосила ячмень, воробей обмолотил — целая гора зерна у них набралась, крупного, золотистого. Осталось лишь поделить урожай, чтоб никому обиды не было.

Делили урожай по зернышку: мышь раскладывала их на две кучки, а воробей сидел рядом и следил. Каждому досталось столько, что в пору амбар было строить.

Но одно зернышко осталось лишним — не было ему пары. И мышь сказала:

— Так и быть, возьму его себе.

— Как так себе? За что? — рассердился воробей.

— За что? Да за косьбу, — говорит мышь. — Ведь я косила!

— А я молотил, — не уступает воробей. — Думаешь, легко мне было? До сих пор все косточки ноют.

— Подумаешь! — говорит мышь. — Я ведь не только косила, я еще и зернышки раскладывала. Это зерно мое!

— Нет, мое! — говорит воробей. — Тебе легко было зернышки раскладывать, ведь я за тобой следил.

Целых семь дней они спорили и так ни до чего не доспорились. И тогда пошли они к судье — медведю.

Медведь был покладистый господин: сел на свою телегу, приехал судить двух старых друзей. Сперва он выслушал, как было дело. Потом попросил времени на размышление и забрался на весь день в ольшаник, где было не так жарко. Там он и размышлял, и до того усердно, что кусты от храпа дрожали. Вечером косолапый проснулся и вынес решение.

— Все должно быть справедливо, — сказал он, — и поэтому вы должны разделить это лишнее зернышко на две половинки. А весь остальной урожай погрузите на мою телегу. Не даром же я трудился — ваш спор разбирал.

Мышь и воробей умели себя вести и с судьей спорить не стали: весь урожай погрузили медведю на телегу, а себе лишь одно зернышко на двоих оставили.

Землю они больше не пашут, но дружат по-прежнему. И когда встречаются, воробей всегда спрашивает:

— Помнишь, мышка, какой у нас ячмень уродился?

— Еще бы не помнить! — отвечает мышь. — А помнишь, как хорошо медведь нас рассудил?

— Еще бы! — говорит воробей. — Такого не забудешь!

ВОЛК И ОЛЕНЬ

Эстонская сказка

Олень гулял по лесу и вдруг слышит жалобный вой. Пошел он на голос, видит — ветер повалил большую ель, а той елью волка придавило. Лежит волк распластаный под елью, а выбраться никак не может — только стонет.

Покачал олень рогатой головой, спрашивает:

— Как же это тебя угораздило?

— Ох, и не спрашивай, милый, того и гляди дух испущу. Лучше поддень рогами свол, выручи!

— Я бы с радостью, да ель больно толстая — не поднять, — усомнился олень.

— Ты хоть попробуй, — взмолился волк.

— Что ж, попробовать можно, — согласился олень и поддел рогами ель. Собрал он все свои силы, поднатужился и — гляди-ка! — сумел приподнять ствол. Самую, правда, чуточку, но с волка и этого хватило: он уже успел выбраться из своей западни.

«До чего же я сильный!» — обрадовался олень.

А волк встряхнулся, встал на лапы и начал свою шубу оглядывать, не порвалась ли. Но нет, все было цело, и ни один шов не разошелся. Тогда волк вспомнил про оленя. Сразу кинулся к нему и зарычал, точа когти о землю.

— Стой! Ты это куда уходишь?

— Куда? — спросил олень. — Туда же, куда и шел.

— Ни с места! — зарычал волк. — Я должен тебя съесть. Олени всегда были моей добычей.

— Погоди-ка, разве не я спас тебя от смерти? — спросил олень.

— Это к делу не относится, — ответил волк.

— И тебе не стыдно, жадина?

— А чего мне стыдиться? Сдеру с тебя шкуру — вот и весь разговор.

Олень не мог согласиться с волком, и они долго еще спорили. Спорили-спорили, но так ни до чего и не dospорились. И тогда олень предложил:

— Пусть нас кто-нибудь рассудит, тогда мы и узнаем, кто прав.

Волк только обрадовался:

— Согласен!

А сам думает: «Мне же лучше — я и оленя съем и судью в придачу!»

Весь день они судью искали и только к вечеру нашли. Это был старик медведь. Он шел в деревню, чтобы раздобыть на пасеке меда для своей молодой медведицы. Слегка поворчав, он все же терпеливо выслушал и волка и оленя. А выслушав, сунул в пасть лапу и задумался. Но придумать ничего не сумел.

— Не знаю, как с вами и быть, — говорит. — Пожалуй, надо посмотреть, где все это случилось.

Волк с оленем повели его к поваленной ели. Обошел медведь вокруг ели и опять задумался. А потом и говорит:

— Ну-ка, олень, поддень-ка рогами ствол. Не верится, чтоб ты его мог приподнять.

— Еще как могу! — обиделся олень и приподнял рогами ствол. А медведь и говорит:

— Ну-ка, волк, заберись опять под ель. Что-то не верится, чтобы ты в такую щель пролез.

— Еще как пролезу! — рассердился волк и мигом вполз под приподнятую ель.

Тогда медведь сказал:

— А ну-ка, олень, опусти ствол на прежнее место.

Олень опустил ель, и — гляди ты! — волк снова оказался в западне.

Как был в западне, так в ней и остался: кто же станет еще раз помогать такому предателю?

РЖАНОЙ КОЛОС

Карельская сказка

Жила когда-то старушка вдовушка. Была у нее девятилетняя дочь. Однажды увидела девочка во сне, будто идет она по дороге и находит ржаной колос. Тот колос стал расти у нее в руках и вырос таким большим, что превратился в целый сноп. И тут повстречался девочке старик с посохом в руках. Сказал старик девочке:

— В этом колосе твое счастье. Ты будешь счастливой.

Дотронулся старик до ее плеча. Она испугалась и проснулась.

Приходит к ним в дом дочь богатого соседа искать няньку. Дочь старушки была умной и пригожей, ей давали больше лет, чем было на самом деле. Старушка вдовушка согласилась, и пошла ее дочь в няньки. Три года работала она в няньках, никто не мог пожаловаться на нее.

Однажды в воскресенье послали девочку в лес по ягоды. Походила она по лесу, собрала корзинку ягод и пошла обратно. По дороге она нашла огромный ржаной колос и сразу вспомнила сон.

Приходит девочка домой и говорит:

— Я нашла ржаной колос.

Стали считать зерна в колосе и насчитали целых восемьдесят два. Хозяин удивляется.

Девочка завернула зерна в тряпочку и попросила хозяина:

— Отмерь ты мне весной земли, чтобы посеять эти зерна.

Хозяин смеется:

— Уж что другое, а земли для этих зерен не пожалею.

Девочка говорит:

— Если за восемь лет вырастет столько хлеба, что им можно засеять все поля, то пусть поля станут моими.

А хозяин все смеется:

— А если даже за двадцать лет не вырастет столько зерна, то служить тебе у меня все это время без платы.

Так и договорились.

Посеяла девочка весной свои восемьдесят два зерна. Из каждого зернышка выросло по восемь-девять соломинок, и на каждой соломинке по несколько колосьев. Осенью девочка смолотила хлеб и собрала целый мешок жита.

Так и сеяла девочка те зерна из года в год и за восемь лет засеяла все поля хозяина. Потерял хозяин свои земли. Девушка выросла, стала хозяйничать. Взяла старую мать к себе жить. Живут и сегодня, и завтра будут жить.

СОЛДАТ НА НОЧЛЕГЕ

Карельская сказка

Были в одном доме очень скупые хозяева. До того были скупы, что никогда на ночлег никого не пускали.

Зашел как-то к ним солдат и попросился ночевать, но хозяева отказали. Солдат походил-походил по деревне и опять к ним зашел, притворился глухим. Встретил хозяина во дворе.

— Много вас, ночлежников, — говорит хозяин, — только что один приходил, а теперь уж и второй пришел.

А солдат, будто не слышит, говорит:

— Спасибо, спасибо! — и зашел в избу.

Поклонился хозяйке:

— Хозяюшка, меня хозяин ночевать пустил.

— Не пускаем мы никого, — говорит хозяйка.

— Спасибо, спасибо! — Солдат еще раз поклонился.

Пришел хозяин в избу, хозяйка ворчит:

— Зачем ты ночлежника пустил?

— Не пускал я его, — говорит хозяин. — Я отказал, но он глухой, не понял. Когда сядем ужинать, так ты не зови его к столу.

— И ты тоже с ним не заговаривай.

Хозяйка собрала ужин, сели за стол. Едетя, молчат, ни слова не говорят, а солдат сидит на лавке. Потом хозяин повернулся к солдату:

— Ты откуда родом-то?

— Спасибо, спасибо! — сказал солдат и сел за стол.

— Сказала ведь, чтоб не говорил с ним, так нет...

После ужина хозяин говорит жене:

— Утром я поеду в лес, ты напеки блинов, пока солдат еще спит. Когда он будет уходить, не забудь взять с него деньги за ночлег.

А солдат слышит разговор и думает про себя: «Как же!»

Утром хозяин встал раненько, поел блинов и поехал в лес, а хозяйка осталась. Солдат украдкой смотрит. Напекла хозяйка порядочную гору блинов, он встал, оделся, взял мешок и будто бы собрался уходить. Хозяйка швырнула сковородку на шесток, вцепилась солдату в плечо:

— Деньги за ночлег давай!

— Спасибо, хозяйюшка! — сказал солдат и сел блины есть.

— Денег не заплатил да еще за блины принялся, — с сердцем сказала хозяйка.

Солдат съел блины.

— Спасибо! — Сел на лавку, думает: «Пусть еще напечет блинов».

Хозяйка еще напекла, а солдат опять будто бы собрался уходить. Взял мешок под мышку и говорит:

— Спасибо тебе, хозяйюшка, за угощение и ночлег.

А хозяйка в ответ:

— Ел да спал, деньги плати!

— Что? Эти блины мне с собой взять? Спасибо, добрая хозяйка, — взял солдат оставшиеся блины и ушел.

Приехал вечером хозяин, хозяйка и говорит ему:

— Ну и ночлежник! Ел, пил, переночевал, а денег не заплатил да еще блины унес. Никого больше ночевать не пустим!

КАК КОТ ХОДИЛ С ЛИСОМ САПОГИ ПОКУПАТЬ

Украинская сказка

Вот загрустил раз кот, что подходит зима, а сапог-то и нет. Собрался он в город, идет покупать сапоги себе и жене. Прошел немалую часть дороги, повстречался с лисом.

Лис ему и говорит:

— Куда это вы, пан Котовский, идете?

Кот отвечает:

— Иду в город себе и жене сапоги покупать, а то вот подходит зима, босому ходить холодно.

А лис говорит:

— Тут есть хороший сапожник Волчок, ступай и купишь себе сапоги.

Идет лис впереди, а кот следом за ним, и завел лис кота в чашу. А кот глупый, не знает, что живут лисы в чашах, он-то ведь сельский, в лесу ему бывать не приходится. Только очутились они в чаше, а лис и говорит коту:

— Давай деньги, а не то тебе смерть!

А кот говорит:

— Смилуйся, уж я куплю сапоги и тебе, и жене, и детям, только отпусти ты меня отсюда живым.

Сговорились и идут вдвоем в город сапоги покупать.

Подошли уже к городу, а лис идет крадучись, говорит коту, что в самый-то город идти ему боязно. А кот все зовет лиса в город. Зашли они в одну узкую улицу, и оставил кот лиса у калитки, а сам пошел посмотреть, есть ли готовые сапоги. Увидели люди лиса на дорожке — окружили его, поймали, хвост оторвали да еще избили.

Вырвался лис и домой побежал, уж не стал и сапог дожидаться.

Вернулся кот, а лиса не застал, только кучка людей на этом месте.

Пошел кот в лавку, купил себе и жене сапоги и позвал с собою пса Брыська, чтобы тот домой его проводил, чтобы лис его не убил.

А лис вышел против кота с женой и двумя старшими сыновьями, чтобы убить кота за то, что пришлось домой без хвоста воротиться. Увидел кот лиса и говорит Брыську:

— Вот он меня уже дожидается!

Отвечает Брысько:

— Не бойся, стой, вот я с ним сейчас поздороваюсь.

Подходят они друг к другу поближе; как набросился пес на лиса и разорвал его; а старший сынок стал лиса защищать, пес и его убил, а остальные убежали.

Собрался Брысько домой возвращаться, а кот за добрую помощь пригласил его к себе в гости.

И жил себе с той поры кот привольно и беззаботно. А лисы, если встретятся где, бывало, в лесу с Брыськом, то уж его опасались. А котик с тех пор больше с вероломным лисом никогда не встречался.

ВЬЮН И ЩУКА

Украинская сказка

Однажды щука захватила вьюна в таком уголке, что и податься ему было некуда. Вот видит он, что беда неминуемая, и говорит:

— А вы, матушка-голубушка, уже исповедались?

— Нет.

— Так ступайте, я вас поисповедаю, а потом уж меня и съедите.

Она его спрашивает:

— А где же ты меня исповедовать будешь?

— Да тут есть и церковка.

Вот она и послушала его, идут к церковке. А он подвел ее к верше и говорит:

— Идите за мной.

Влезли они в вершу, а ей уже назад не выбраться, а для вьюна-то семнадцать дверей в той верше; вот вылез он быстро, бегают вокруг верши и говорит ей:

— Сиди, святоша, пока придет рыбак-мехоноша!

СИНЯЯ СВИТА-НАЛЕВО СШИТА-СОЛОМЕННЫЙ КОЛПАК

Белорусская сказка

Жил-был царь, а у царя была дочь. Вот задумал царь свою дочь замуж отдать. Кликнул он клич:

— Выдам дочь замуж и отдам полцарства тому, кто может от меня схорониться, чтобы я не нашел.

А был тот царь волшебник.

Вот день прошел, другой прошел — нет охотников.

На третий день пришел добрый молодец по прозванию Синяя свита-Налево сшит-Соломенный колпак и говорит:

— Я схоронюсь от тебя, царь.

— Ладно, — отвечает царь-волшебник, — схоронишься, женю тебя на своей дочери и дам полцарства, а нет — мой меч — твоя голова с плеч.

Синяя свита-Налево сшит-Соломенный колпак стоял перед царем добрым молодцем, по двору бежал черным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю бежал серым зайцем и убежал за тридевять земель, в тридевятое царство, и там на заповедном лугу обернулся цветком.

На другой день царь встал раненько, умылся беленько, почитал волшебную книгу и говорит:

— Слуги мои верные, ступайте в тридевятое царство на царский заповедный луг, сорвите там все цветы и принесите сюда.

Принесли ему слуги цветы, царь выбрал один цветок, дунул на него, и стал из цветка добрый молодец.

— Ну, что, Синяя свита-Налево сшит-Соломенный колпак, на первый раз не мог от меня схорониться.

На другой день Синяя свита-Налево сшит-Соломенный колпак стоял перед царем добрым молодцем, по двору бежал черным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю бежал серым зайцем и убежал в тридевятое царство; прибежал к большому болоту, обернулся окунем-рыбой и нырнул в бездонное озеро.

А царь взял волшебную книгу, прочитал и говорит:

— Ступайте, мои верные слуги, в тридевятое царство, осушите там большое болото, закиньте сети в бездонное озеро и выловите мне рыбу-окуня.

Принесли слуги того окуня царю-волшебнику. Он дунул на него, и стал вместо окуня добрый молодец.

— Ну, вот, Синяя свита-Налево сшит-Соломенный колпак, и другой раз не мог от меня схорониться. Если и третий раз не схоронишься, голову тебе отрублю.

И в третий раз Синяя свита-Налево сшит-Соломенный колпак стоял перед царем добрым молодцем, по двору бежал

черным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю бежал серым зайцем и убежал за тридевять земель в самое дальнее царство, добежал до высокого дуба, корни в земле, а макушка в небе. Влез он на тот дуб, обернулся малой иголкой, схоронился под корой, сидит.

Прилетела птица Нагай, села на тот дуб и спрашивает:

— Что за человек тут схоронился?

— Я, Синяя свита-Налево сшита-Соломенный колпак.

— А сюда попал как?

— Хочу на царской дочери жениться. А царь свою дочь отдаст за того, кто может от него схорониться. Два раза он меня находил, коли третий раз найдет, не быть мне живому.

— Я тебе, молодец, помогу, — говорит птица Нагай.

И обернула она малую иголку в пушинку, укрыла пушинку себе под крыло и полетела к царю-волшебнику. Когда царь-волшебник лег спать, птица Нагай положила малую пушинку царю за пазуху.

Утром царь встал, волшебную книгу прочитал и дал такой приказ:

— Слуги мои верные, ступайте за тридевять земель в самое дальнее царство. Найдите в этом царстве самый большой дуб. Тот дуб спилите, на дрова поколите, в костры сложите, а костры сожгите, в золе найдите малую иголку и мне ту иглу принесите.

Слуги все сделали, как царь приказал, а иголки не нашли.

Когда царь о том узнал, он вышел на крыльцо и зовет:

— Эй, Синяя свита-Налево сшита-Соломенный колпак, покажись.

— Нет, не покажусь, — отвечала ему из-за пазухи малая пушинка, — ты сперва бояр собирай, дочку под венец наряжай, тогда покажусь.

Делать нечего, царь-волшебник бояр собрал, дочку в карету посадил и кричит:

— Покажись. Все сделал, как ты хотел.

Вдруг вылетела малая пушинка и обратилась добрым молодцем.

Тут сыграли свадьбу, и стал Синяя свита-Налево сшита-Соломенный колпак с молодой женой жить-поживать, половиной царства управлять.

КАК ПОП ОБМАНУЛ ТАРАСА ОДНАЖДЫ, А ТАРАС ЕГО — ДВАЖДЫ

Белорусская сказка

Жил на свете бедный-пребедный мужичок, и была у него жена, а детей не было. Дожили они до того, что хлеба купить не на что.

— Эх, жена, — говорит мужик, — поведем на базар последнюю коровенку, продадим да хлеба купим.

Пошел мужик корову в город продавать, а навстречу ему из города священник с причтом.

— Здравствуй, Тарас!

— Здравствуй, батюшка!

— Куда это ты, Тарас, козу ведешь?

— Батюшка, это же корова!

— Нет, светик, это коза, вот и дьякон тебе скажет.

— Да, это коза! — говорит дьякон.

Растерялся мужичок, а поп увещевает:

— Братец Тарас, продай мне эту козу, вот тебе три рубля!

Нечего делать мужичку, продал он попу свою корову за три рубля, вернулся домой и говорит жене:

— Какая ты глупая, вместо коровы козу мне на поводке дала.

Напустилась на него жена.

— Что ты, ума решился? Козы все дома, а коровы нетути.

— Ну, баба, что делать? Я продал корову священнику, как-нибудь потом разберемся.

Снова пришло воскресенье. Едет Тарас в город и знает, что священник с причтом обязательно зайдет в трактир отобедать. Подговорил он трактирщика:

— Я выпью и закушу на гривенник, а ты говори, что на сто рублей.

Сидят причетники с попом в соседнем номере и говорят между собой:

— Каков наш мужик Тарас: за один обед сто рублей просадил! Мы вчетвером и то рублей десять истратим, а он сто рублей!

Смотрят они в шелку: чем это Тарас будет расплачиваться. А Тарас втащил в трактир большущий колпак, аршина в полтора. Стукнул по колпаку:

— Ну что, тратирщик, уплачено?

— Уплачено сполна.

Поп со своим причтом смотрят на это и диву даются.

В другой раз стукнул Тарас по колпаку.

— Будьте здоровы, пан трактирщик!

В третий раз стукнул — говорит трактирщик:

— Ну, молодец Тарас, платить умеешь.

Священник и говорит:

— Братья причетники, купим у Тараса этот колпак, он пригодится нам — каждую поездку будет для нас даровой обед в трактире. Ты, дьякон, клади на кон двадцать пять рублей, дьячки положат вместе двадцать пять, а я один пятьдесят; за сто рублей, может, продаст колпак.

Едет Тарас домой, догоняет его священник:

— Знаешь что, Тарас? Продай нам этот колпак, он будет нас выручать. Сколько ты за него возьмешь? Мы согласны дать тебе пятьдесят рублей серебром.

— Нет, батюшка, никак нельзя отцовское благословение в чужие руки отдавать: хоть изредка случится в городе быть, так вволю попью-погуляю.

— Послушай, Тарас, вот тебе сто рублей серебром.

— Нет уж, батюшка, если хотите купить, то продам за сто пятьдесят рублей.

— Ну, причетники, — говорит священник, — покупаем, а то кто-нибудь дороже даст.

Купили они колпак за сто пятьдесят рублей. Приезжает Тарас домой и говорит жене:

— Ну, хозяйка, ругала ты меня, что я корову за три рубля продал, зато теперь продал я свой колпак за сто пятьдесят рублей.

Стал Тарас хозяйством обзаводиться, а священник ждет не дождется праздника, чтобы поехать в город на дармовой обед. Поехали причетники с женами и няньками и с детьми в город. Заказывают трактирщику:

— Дай-ка на двести рублей попить-погулять.

Трактирщик рад стараться: подал разных кушаний и напитков на двести рублей. А как только отобедали:

— Ну, батюшка, пожалуйста расчет!

Батюшка выходит из-за стола:

— Сейчас, господин трактирщик!

Принес пономарь со двора колпак. Стукнул священник по колпаку ладонью.

— Ну как, в расчёте, трактирщик?

— Нет, поп, давай деньги!

Священник передал колпак дьякону, чтобы дьякон ударил по колпаку. Дьякон бил-бил, а трактирщик по-прежнему расчёт спрашивает. Все причетники лупили кулачищами по колпаку, а трактирщик знай свое твердит:

— Давай деньги!

Стали складчину собирать причетники, заняли денег у знакомых и заплатили тратирщику.

Тарас года за два прожил полученные за колпак деньги, а потом и говорит жене:

— Вот что, баба! Ложись-ка на лавку да смотри не шевелись, а я поеду за священником, скажу ему: «Батюшка, пожалуйста исповедовать, моя хозяйка очень больна».

Приезжает мужик к священнику.

— Ну, зачем ты приехал?

— Сделайте милость, батюшка, пожалуйста исповедовать, хозяйка умирает.

Собрался поп и поехал с Тарасом. Входят в хату, а хозяйка лежит уже мертвая, прибранная.

— Батюшка, — говорит Тарас, — благословите вы меня! Есть у меня старинная дубина (еще от сотворения мира), я огрею жену три раза этой дубиной, она сразу оживет.

— Ну, коли эта дубина еще от дедов-прадедов сохраняется — благословляю!

Батюшка со страху вышел в сени, а Тарас ударил три раза дубиной по лавке. Жена мужика зашевелилась, застонала. Удивился батюшка, что человек ожил. Входит он в хату, а баба уже сидит на лавке и покачивается. Тарас поднес ей ковшик холодной водицы, она и вовсе очухалась.

Батюшка похвалил Тараса и поехал домой. В тот же день собрал он свой притч и рассказал ему о диковинном воскресении жены мужика.

— Вот кабы нам эту дубину купить; как мы постоянно на похороны ездим, то оживляли бы этой дубиной покойников. Давайте сложимся и купим у мужика дубину.

— А вы, батюшка, съездите поторгуйтесь.

— Нет, поедем все вместе к нему.

Приезжают они к Тарасу.

— Не продашь ли, Тарас, дубину, которая людей оживляет?

— Продам.

— Сколько возьмешь за нее?

— Ах, батюшка, дайте пятьсот рублей.

Стали причетники совещаться.

— Я, — говорит поп, — один положу двести пятьдесят рублей, а вы, притч, втроем двести пятьдесят.

Отдали деньги мужику и забрали с собой дубину. Только они приехали домой — навстречу им купец богатый.

— Батюшка, у меня сегодня жена умерла, побеспокойтесь тело схоронить.

— Сейчас, господин купец, приедем.

Быстро собрались они, взяли с собой дубину. Приезжают, лежит на столе тело. Говорит поп дьякону:

— О, о, мы ее воскресим! Тащи-ка, пономарь, дубину!

Удивляется купец, зачем пономарь дубину несет. Ударили причетники мертвую купчиху три раза — не оживает. Доложили родственники купцу о таком надругательстве над покойницей. Купец подал жалобу начальству, что причетники усопшую купчиху так побили. Вот и потащили их всех, недолго думая, в суд на расправу.

КТО ЖДЕТ, ЧТОБ ВИШНИ ПАДАЛИ В РОТ, ТОТ ДО ДОБРА НЕ ДОЙДЕТ

Молдавская сказка

Жил как-то ленивый человек, такой ленивый, что даже покрылся плесенью. Ждал, чтобы вишни сами ему лезли в рот, а потом чтобы кто-нибудь их разжевал. А когда нападает на человека лень, бедность ему на шею садится. Когда он дошел, что называется, до ручки, что надумал лентяй? Пойду-ка, решил он, к Доброй Волшебнице, пусть даст мне другую долю, чтобы я не работал больше, а были бы только праздники и один лишь рабочий день, и в тот день чтоб была свадьба.

Взял он котомку на палку и пошел искать счастья. Шел сколько-то, шел и, проходя через лес, встретил волка — худого и лысого, хуже некуда.

— Куда держишь путь, добрый человек? — спрашивает волк.

— К Доброй Волшебнице за долей иду, пусть скажет, как мне счастливо жить на свете.

— Раз уж ты к Доброй Волшебнице идешь, спроси ее, —

взмолился волк, — как мне быть, что сделать, чтобы волосы у меня отросли, а то сроду на мне волос не было.

— Ладно, волк, я спрошу!

Пошел лентяй дальше, видит виноградный куст с увядшими желтыми листьями.

— Ты куда, добрый человек? — спрашивает виноградный куст человеческим голосом.

— К Доброй Волшебнице.

— А зачем?

— Просить другой доли, счастливой, чтобы мне не работать больше, чтобы жить, как бояре живут, не заботясь о завтрашнем дне.

— Раз уж ты к Доброй Волшебнице идешь, спроси у нее, как мне быть, что делать, чтобы выросли у меня новые листья.

— Спрошу, почему не спросить, — сказал лентяй и отправился дальше.

Приходит он к реке. И вот из воды выходит большущая рыба с огромным зобом. Сделала рыба путнику знак.

— Подойди поближе, добрый человек.

Подошел лентяй.

— Куда путь держишь?

— К Доброй Волшебнице.

— Зачем?

— За счастьем своим, узнать, как дальше мне жить.

— Если будешь у Доброй Волшебницы, спроси, как мне быть, что мне делать с моим зобом, а то он с каждым днем пухнет.

— Хорошо, спрошу.

Идет лентяй дальше и видит в лесной прогалине источник, а у источника красавицу девушку в белом платье, с венком из цветов на голове.

— Кто ты, добрый человек?

— Я бедный странник.

— А куда идешь?

— К Доброй Волшебнице.

— Долго ли шел, пока меня встретил?

— Долго.

— И кого ты в пути видел?

— Лысого волка видел, вот кого!

— И что тебе волк сказал?

— Когда он узнал, куда иду, попросил разузнать, как ему быть, что делать, чтобы волосы отрастить.

— Скажи ему, пусть он сожрет сердце бездельника и лентяя, и тогда у него волосы отрастут. И кого ты еще видел?

— Виноградный куст с увядшими листьями. Просил он меня узнать, как ему быть, что сделать, чтобы выросли новые листья и чтоб больше они не сохли.

— Передай ему, что у его корней закопали когда-то, давным-давно, кувшин с золотыми, и если найдется кто-нибудь, кто выкопает и уберет кувшин от его корней, то вырастут новые листья и куст покроется гроздьями. А еще кого видел?

— Рыбу большую с распухшим зобом. Просила меня узнать, как ей быть, что делать, чтоб избавиться от болезни.

— Зоб у нее набит драгоценными камнями. Если найдется кто-нибудь, кто зоб разрежет и вытащит камни, полегчает ей.

— Я ей скажу.

— А теперь отправляйся обратно.

— Как это обратно? Я же сюда за счастьем пришел.

— Ступай обратно по тому же пути, по которому прибыл, и встретишь тебя твое счастье в пути. Если есть у тебя голова на плечах, заживешь счастливо, а нет — пеняй на самого себя.

Пошел лентяй обратно. Идет, идет и пришел к рыбе. Спрашивает его рыба:

— Ну, что сказала тебе Волшебница?

— Сказала, что зоб твой набит драгоценными камнями и что если найдется кто-нибудь, кто зоб твой разрежет и вытащит эти камни, избавишься от беды.

Стала рыба молить:

— Окажи, добрый человек, услугу, разрежь мне зоб, вытащи драгоценные камни и возьми себе их в награду.

— Нет, — отвечает лентяй, — я пойду, меня в пути счастье ждет, и всего у меня будет вдоволь и без тебя.

Как сказано: сильнее лень, чем бедность.

Пошел он дальше. Идет, идет, и вот уже виноградный куст веткой ему машет, чтобы остановился.

— Ну, как, человек добрый, побывал у Волшебницы?

— Побывал!

— И что она сказала?

— А вот что. У корней твоих закопан кувшин с золотыми, он мешает корням твоим разрастись, оттого ты и чахнешь.

— Если так, будь добр, выкопай кувшин с золотыми и

возьми все себе. И мне услугу окажешь, и сам не будешь в накладе.

— Нет, — отвечает лентяй, — зачем мне землю рыть, уставать, лучше пойду, меня в пути счастье ожидает, и всего будет у меня вдоволь и без тебя.

Пошел он дальше. И вот уже встречается ему снова волк.

— Ну как, видел Волшебницу?

— Видел.

— И что она сказала? Как мне волосы отрастить?

— Сказала, что должен ты для этого сожрать сердце бездельника и лентяя.

— А еще что ты видел, что слышал? Где побывал?

— Многое видел. Видел увядший куст виноградный. У его корней кувшин с золотыми закопан, мешает ему расти. Просил он меня выкопать деньги и взять их себе, а мне они ни к чему. Все равно меня счастье в пути ожидает, и будет у меня всего вдоволь.

— И еще кого видел?

— Видел большущую рыбину с раздутым зобом, полным драгоценных камней. Просила меня рыба разрезать ей зоб, вынуть те камни и тем ее от беды избавить. Но я торопился и дальше пошел.

Подумал, подумал волк. Кого лень обуяла, решил он, ума у того мало.

— Ленивей тебя и глупей никого не знаю, — сказал он. — Не потруился выкопать кувшин с золотыми, не стал резать рыбий зоб, чтобы вытащить драгоценности. А ведь мог с этим богатством до самой смерти жить-поживать, не зная забот.

Кинулся волк на лентяя и сожрал его без остатка.

С той поры говорят: кто ждет, чтобы вишни падали в рот, тот до добра не дойдет.

КОЗЕЛ-ОБМАНЩИК

Молдавская сказка

Жил когда-то старик, и было у него три козы. А при козах состоял козел, рогатый и бородатый. Старик заботился о своем стаде, пас коз от зари до зари, поил ключевой

водой и стерег от волков.

Шли годы, сил у старика поубавилось. Позвал он трех своих дочерей и говорит:

— Пора мне, дочки, на отдых. Настало ваше время пасти коз.

Старшая говорит:

— Я пойду.

— Иди, милая, да смотри паси хорошенько, пои вовремя.

— Не изволь беспокоиться, батюшка, все сделаю.

Наутро пошла она с козами в лес, пасла их как нельзя лучше, напоила как следует, а потом возле козла присела и расчесала его своим гребнем. Увидел бы старик — речи бы лишился от радости.

Вечером ведет она стадо домой, а старик вышел со двора и спрашивает козла:

— Как вам доченька угодила? Как поила-кормила?

— Эх, хозяин, вовсе не поила, вовсе не кормила, — отвечает козел.

*Проходили мы через лесочек,
Сорвал я пожухлый листочек,
Пришли к осоке болотной —
Напились воды холодной.*

Услышал старик такие слова, разгневался и прогнал дочь из дому.

На другой день посылает среднюю:

— Иди с козами в лес, да смотри паси хорошенько, не то и тебе то же будет.

— Не изволь тревожиться, батюшка.

Пошла бедная девушка со страхом в сердце, все искала травы позеленее да воды почище, как бы и с ней не случилось то же, что со старшей.

Водила она коз по полянам да по редколесью, поила у источников ручья, каждую расчесывала волосок к волоску, чтобы шерсть была чистой и мягкой.

Когда солнце склонилось, погнала она стадо к дому. А старик вышел со двора и спрашивает козла:

— Довольны ли вы сегодня? Хороша ли была трава? Чиста ли вода?

— Ох, хозяин, не ели мы, не пили.

*Проходили мы через лесочек,
Сорвал я пожухлый листочек,
Пришли к осоке болотной —
Напился воды холодной.*

Пуще вчерашнего разгневался старик. Пришлось уйти из дому и средней дочери.

— Будете знать, как ослушничать!

На третий день пошла с козами младшая.

Она думала, что, может быть, сестры и вправду заснули где-нибудь ненароком и не смотрели за козами как следует, а вот уж она накормит их и напоит.

Все ноги сбила с утра, ни на минуточку не присела.

— Пусть теперь попробуют сказать, что я о них не заботилась. Да не тут-то было.

Вечером вышел старик со двора и спрашивает козла:

— Сыты? Поены?

— Ах, хозяин! Привела в рощу, привязала к коряге, и мучились мы до заката от жажды.

*Проходили мы через лесочек,
Сорвал я пожухлый листочек.
Пришли к осоке болотной —
Напился воды холодной.*

— Ах, лентяйка! — рассвирепел старик. — Не пошел тебе впрок пример старших. Ступай же за ними.

И выгнал младшую дочь из дому.

Пришла очередь старухи. Дед говорит:

— Смотри, старая, со мной не шути, за козами поглядывай.

— Да ну, — говорит баба, — учи ученую! Не пасла я коз, что ли!

Привела их старуха на поляну с шелковистой травой и густой тенью, лелеяла и холила с утра до вечера, а на закате вышел старик со двора и спрашивает козла:

— Как вас баба пасла?

— Беда, хозяин! Привела на выгон, привязала к шесту, а сама села рядом и, пока солнце не зашло, дочек оплакивала. Несчастные мы, несчастные!

*Проходили мы через лесочек,
Сорвал я пожухлый листочек.*

*Пришли к осоке болотной —
Напились воды холодной.*

— Ну, старая, не ждал я такого, — ахнул дед. — Иди отсюда совсем, не хочу тебя видеть. Даже коз пасти не умеют, что толку от вас от всех!

Наутро сам дед пошел с козами. Пусть, думает, почувствуют хозяйскую ласку. Кормил их свежей травой, поил ключевой водой, расчесал, как детей малых.

— Хоть меня они добром вспомнят, раз не было им доли от старухи и дочек. Спрошу-ка я козла, каково-то его пасли нынче.

Размечтался старик, захотелось ему услышать себе похвальное слово хоть от козла бородатого. Повел он коз домой, а сам поспешил по окольной тропинке, надел городское платье, нацепил на лицо маску, чтобы не узнали, вышел на дорогу и спрашивает козла:

— Как вам с дедом живется? Небось получше прежнего?

— Как бы не так! — отвечает козел. — Еще хуже, чем с бабой и девками. С утра привязал нас за рога к пеньку корявому, и простояли мы целый день под солнцем палящим.

*Проходили мы через лесочек,
Сорвал я пожухлый листочек.
Пришли к осоке болотной —
Напились воды холодной.*

Старик даже почернел. Прямо по сердцу резануло, что клятая скотина все время его за нос водила. Схватился он за нож и кинулся на козла заживо шкуру снимать. Только голову ободрал — вырвался козел, заблеял дурным голосом и — наутек.

Бежал он, бежал, пока не споткнулся о лисью нору. От боли да от страха сунулся в нее, да там и затих.

Через малое время приходит лиса, почуяла козлий дух, спрашивает снаружи:

— Это что там за гость непрошенный?

Козел выставил рога и отвечает:

*Я ободранный козел,
В гневе страшен я и зол,
И любого я врага
Поднимаю на рога.*

Струсил лиса, пошла к ежу.

— Иди, куманек, выгони из моей норы нечистую силу. Забрался в дом — не вытащишь. А ты со своими колючками уж как-нибудь избуешь черта.

Прибежал еж к норе и спрашивает:

— Это кто ж там такой страшный?

А козел изнутри:

*Я ободранный козел,
В гневе страшен я и зол,
И любого я врага
Поднимаю на рога.*

Ну да ведь еж не из пугливых. Сунулся в лаз да как начал колоть козла иголками — хоть сито из козлиной шкуры натягивай. Козел взялся было рогами отбиваться, а еж свернулся колом и аж до костей пиками своими донимает.

Козел, видя, что из него вот-вот рубленое мясо сделают, шарахнулся вон из норы и побежал без оглядки. Содранная шкура налезла ему на глаза и так, сослепу, выбежал он на край пропасти. Прыгнул, перебрал в воздухе копытами и — бух на дно!

Только следы его кое-где остались, да и те

*Водой омочило,
Солнце иссушило,
Ветром замело,
Пылью занесло.*

ОЗОРНЫЕ ШУТКИ ДЕДА ЕГОРИЯ

Украинская сказка

Дед Егорий был себе на уме, а ума у него было столько, сколько у всего царского совета. А еще было у него колесо от телеги да старая коза. И ничего больше. Колесо-то поломалось, а коза доиться перестала. Сжег дед колесо, согрелся и повел козу в город продавать.

Только кто же купит старую козу, что доиться перестала? Дед дешево козу продавал, да ее и задаром никто не хотел. Вот взял

дед козу и пошел с ней обратно домой. Шел он, шел лесом и встретил на дороге карету. А в той карете сидел барин из соседнего имения.

— Куда, дед, козу тащишь? — спрашивает он.

— Да вот, дорогой ты наш барин, иду волков ловить.

— Да разве коза волков ловит?

— Эта коза ловит, потому как она у меня обученная.

— Продай мне свою козу, дед.

— Ну нет, барин, ведь эта коза меня и поит и кормит.

— Я тебе сто рублей дам.

— Мало! Продам за триста!

— Дам двести.

— Двести, так двести.

— А правда, что твоя коза волка победить может?

— Это ей ничего не стоит. Она еще и второго подождет, чтобы разом съесть.

Барин заплатил деду двести рублей, и дед пошел своей дорогой.

А барин тут же и порешил козу испробовать. Привязал он ее к дереву и стал ждать, когда волки придут. Пришел волк, глянул на козу, коза замекала, забекала, хвостом завертела, головой закрутила, а сама — ничего.

— Вот видишь, — говорит барин кучеру, — как она разгневалась, хвост-то у нее так и вертится! Сейчас подождет второго волка, а потом их разом съест.

Тут прибежали еще два волка, накинулись они втроем на козу и съели ее в два счета.

— Все же глупая была коза, — вздохнул барин. — Одного волка ей мало было, а троих сожрать не могла. Так всегда бывает, когда зоб полон, а глаза голодны

Сел он в карету и уехал.

Через пару дней шел дед Егорий мимо барского хозяйства, а там батрак осла за ворота тащил. Осел упирался, а барин смотрел на это и головой качал

— Ну и глуп же этот старый осел.

А дед Егорий ему на это и говорит:

— Ах, золотой ты наш барин. не думай, такой осел многих людей будет поумнее. Он и писать, и читать научиться может.

— Вот уж неправда!

— Какая же неправда? А что мне взамен дашь, барин, если я за десять лет твоего осла читать и писать научу?

— Сто рублей! А коли не научишь, прикажу тебе голову отрубить.

— Ладно. Добавь еще сто рублей, я его и считать научу...

— Вот тебе двести рублей. А того осла я потом сам проверять буду.

Дед Егорий взял двести рублей, осла и пошел домой. Дома жена принялась ругать глупого старика:

— Зачем нам деньги, коли тебе за них голову отрубят. Где это видано, чтобы осла учили читать и писать.

— Успокойся, жена, — принялся ее утешать дед Егорий. — Я уже стар, барин стар, и осел тоже стар. Через десять лет кто-нибудь из нас да умрет. Если умру я — некому будет осла учить читать и писать. Если умрет осел — некого будет учить. Если умрет барин, кто же мне тогда голову отрубит?

РОГАТЫЙ ЦАРЬ

Грузинская сказка

У одного царя на голове росли рога. Но никто не знал этого, никому не показывался царь без короны.

Цирюльников же, которые его стригли, царь тотчас обезглавливал, чтобы они не разнесли весть о его позоре. Дошла очередь до одного бедного цирюльника. Знает он, что никто живым от царя не ушел, попрощался с родными и приготовился к смерти. Пришел, стал стричь царя и видит — рога. Удивился цирюльник, но не подал вида и ничего не сказал. Понравилось царю поведение цирюльника, решил он не убивать его и говорит:

— Если только проговоришься где о том, что видел, тотчас голову сниму! — и отпустил его.

Приходит цирюльник домой, окружили его все, спрашивают, как он спасся. Молчит цирюльник, не издает и звука, боится. Стал он пухнуть, распирает его от желания рассказать, что у царя рога растут. Молчал, молчал, да так его раздуло, что живот до подбородка дошел, нет сил больше терпеть, вот-вот лопнет. Пошел цирюльник в болото к тростникам, взял один стебель, огляделся кругом, нет ли кого, и прокричал:

— У нашего царя растут рога!

Прокричал, тотчас polegало, опал живот, выздоровел цирюльник.

Случилось так, что один путник срезал тот стебель, сделал из него дудку и дунул в нее. Пропела дудка:

— У нашего царя растут рога!

Собрался народ. Все узнали про позор царя, смеются, а дудка поет себе:

— У нашего царя растут рога.

Дошло до царя, что на всех площадях кричат о его рогах. Рассвирепел царь, велел привести цирюльника.

— Это ты рассказал всем о моих рогах?

— Нет, — говорит цирюльник, — я никому не рассказывал.

— Отчего же дудят все, что у меня рога растут?

— Хорошо, — говорит цирюльник, — вызовите того, кто дудит, возьмите у него дудку и дуньте в нее сами, увидите, прав я или нет.

Приказал царь — принесли дудку. Взял царь, дунул в нее, и пропела она при всем честном народе: «У нашего царя растут рога!»

Обозлился царь, но не мог он казнить цирюльника за то, что сам же всенародно объявил.

Так спасся умный цирюльник.

КАК ВОЛК ДУШУ СПАСАЛ

Грузинская сказка

Вот наелся раз волк падали, потянулся и подумал: «Что это я все грешу да грешу, надо и о спасении души подумать, пойду-ка я в Иерусалим, стану монахом».

Подумал, да и за дело взялся. Помянул бога и отправился в путь, прямо к Иерусалиму.

Идет он, а навстречу ему телка.

— Здорово, телка! — вскричал волк.

— Будь здоров, волк! — говорит телка. — Куда спешишь, что у тебя за дела нашлись?

— Хочу монахом стать. Иду в Иерусалим душу спасать.

— Счастливого пути, — сказала телка.

Миновал волк телку и пошел дальше, видит — две овцы на лугу пасутся.

— Здорово, овцы! — закричал волк.

— Здорово, волк! — говорят овцы. — Куда собрался, далеко ли путь держишь?

— А я, овцы, в Иерусалим иду, в монахи постригусь, душу спасти хочу, много у меня грехов набралось, тяжело их носить стало.

— Счастливого пути! — напутствовали его овцы.

Миновал их волк и пошел дальше.

Идет, а навстречу осел. И осел благословил волка и напутствовал его в путь добрый.

Идет волк в Иерусалим. Шел, шел, дошел. Проголодался волк.

А Иерусалим стоит у воды. Подошел волк, глянул с берега, видит — церквей много, там и сям монахи снуют с кружками в руках. Подумал волк: «Чего я сюда приплелся? И в церковь-то меня, волка, не пустят. Одурел же, что ни телки, ни овец не тронул, отпустил, да и осла тоже».

Повернул обратно волк и пошел отыскивать телку, овец да осла. И вправду встретил того осла. Волк уж и не здороваются, прямо идет на осла и пасть разинул. Удивился осел:

— Ты же в Иерусалим шел душу спасать, а теперь меня съесть хочешь?

— Когда в животе пусто, тут не до Иерусалима, — говорит волк. — Готовься, сейчас съем тебя.

Сказал осел:

— Хорошо, ещё. Только бедный мой хозяин вчера на меня потратился, подковал меня, сними хоть подковы, чтоб хозяина вдвое не разорять.

Вцепился волк зубами в подковы, хочет оторвать их, а осел как лягнет его, свалил нашего «монаха» с ног, все зубы ему выбил и умчался. Только его и видели.

Еле отдышался волк, встал, ворчит:

— Ну что я за кузнец, подковами занялся, так мне и надо!

Поплелся волк отыскивать овец. Идет и вправду встречает овец. Подскочил волк:

— Вот сейчас съем вас обеих!

Остановили его овцы, сказали:

— Это луг наших хозяев. Они недавно поделились и нас поделили, одна одному досталась, другая — другому, только этот луг еще не поделили. Вот мы ходим и не знаем, где кому пастись. Сделай доброе дело, помоги нам поделить его, а потом хоть съешь нас.

— Как же я поделю его, — спросил волк, — что я за землемер?

— А ты стань посередке, мы побежим, кто раньше до тебя добежит, тому и пастись на этом лугу.

Стал волк. Побежали овцы, ударили в него что было силы,

чуть не задавили бедного волка. Упал волк, а овцы бежать, и след простыл.

Кое-как поднялся волк, потащился отыскивать телку, идет, сам себя ругает:

— Чего я лез не в свое дело, какой я землемер? Почему не оторвал им сразу курдюки?

Добрался волк-монах до телки, идет прямо на нее и говорит:

— Съем тебя сейчас.

Сказала телка:

— Хорошо, ешь, что ж делать. Только сделай одно доброе дело: очень я люблю пение всякое да игру. Говорят, ты хорошо поешь! Спой что-нибудь, а потом уж и ешь меня.

Пошла телка, повела волка за собой на гору, приготовилась слушать. Сел волк и завыл. Слушала, слушала телка, подкралась к волку сзади, боднула его хорошенько и сбросила с кручи, а сама бежать пустилась.

Избитый, искалеченный волк еле добрался до своей норы, сел и заскулил:

— Куда я лез? И что это я выдумал душу спасать, или какой я кузнец, что осла вздумал расковырять, и какой я землемер — овцам поле делить, какой же я певец, что за телкой потащился! Был бы тут кто да избил меня хорошенько — поделом бы мне!

А в норе у волка один староста от царских чиновников прятался. Услышал он волка, вышел из норы и давай лупить его дубиной изо всех сил.

Убежал волк и думает: «В этом мире и у порога своего дома ничего сказать нельзя».

Эту сказку староста от волка узнал, староста мне рассказал, а я вам пересказал.

ТРИ БРАТА

Абхазская сказка

Жили три брата, и был у этих братьев отец. Однажды, когда все три брата сидели вместе, отец рассказал им, что у них когда-то давно пропала корова.

Как только отец окончил свое слово, старший сын вскочил и сказал:

— Тот, кто взял нашу корову, низкого роста.

Не успел он кончить, как встал средний брат и тоже сказал:

— Если он низкого роста, то рыжий.

Как только он кончил, встал младший брат и добавил:

— Если низкого роста и рыжий, то у него голубые глаза.

Тогда отец сказал своим сыновьям:

— Дад, сыновья мои, если вы оправдаете свои догадки, то против вас никто не устоит! Дад, отправляйтесь в путь! — И дал им еды на дорогу и отправил в путь.

Братья шли, шли и наконец неподалеку в лесу увидели крестьянина. Он рубил дрова. Это был как раз такой человек, как они говорили.

— Вот кто украл нашу корову! Держите его! — закричал старший брат.

Братья схватили крестьянина. Он спросил:

— Что вам нужно?

— У нас пропала корова. Ты украл ее! Верни, а то мы тебя убьем! — ответили братья.

Увидел крестьянин, что братья могут его убить, и стал уговаривать пойти к сельскому судье.

Пришли к судье, рассказали, но судья ничего не решил, а тайком взял апельсин, спрятал его под миску, потом подозвал братьев и сказал им:

— Я не могу решить вашего дела, пока вы не отгадаете, что лежит под этой миской. Если угадаете, то вы действительно узнаете того, кто взял вашу корову, и получите в придачу еще одну корову, а если не угадаете, то я с вас возьму одну корову.

А братья того и хотели. Окружили стол, и старший сказал:

— То, что лежит там, под миской, круглое.

— Если круглое, то желтое, — добавил средний.

— Если круглое да еще желтое, то это апельсин, — сказал младший.

Судье это не очень понравилось, но что было делать? Он отдал братьям корову и еще одну, как обещал. И братья с двумя коровами отправились домой.

МУДРЫЙ ТКАЧ

Армянская сказка

Однажды, когда царь сидел на троне, из дальних стран пришел к нему путник, очертил полосу вокруг его трона

и молча стал поодаль. Царь ничего во всем этом не понял. Он вызвал своих приближенных, но и те ничего не могли понять. Для царя было большим позором, что во всей его стране не нашлось человека, кто бы мог разгадать, что это значит. Он издал строгий приказ, что казнят всех мудрецов своей страны, если они не решат этой загадки.

Приближенные царя, искавшие мудреца, который мог бы разгадать эту тайну, случайно набрали на один дом. Войдя туда, они увидели в комнате колыбель, которая качалась, хотя вокруг никого не было. Вошли в другую комнату, там тоже стояла колыбель и качалась, хотя и тут не было людей. Поднялись на крышу дома — там нашли разостланную мытую пшеницу, а рядом с ней качался воткнутый в землю тростник и разгонял птиц, чтоб те не клевали пшеницу, хотя и не было ветра.

Диву дались люди царя. Спустившись в нижнюю комнату, они увидели ткача за работой на станке. Ткач этот привязал одну нитку за основу, другую — за уток, а третью — за ремизку. В то время как он ткал, нитки двигались и качали обе колыбели и тростник на крыше.

— Вот так мастер, не хуже мудреца!

Рассказали ткачу люди царя о том, как один странник провел полосу вокруг трона царя и никто не может узнать, что хочет он сказать этим, а потом предложили ему пойти и разгадать эту тайну.

— Если ты разгадаешь, большие подарки получишь от царя, — прибавили они.

Ткач призадумался, взял две бабки и курицу и пошел с ними к царю. Придя во дворец и увидев странника, ткач бросил перед ним две бабки. Странник при виде этого достал из кармана горсть проса и посыпал наземь. Ткач же бросил курицу, которая стала быстро клевать просо. После этого странник мгновенно надел лапти и удалился.

— Что хотел сказать странник? — спросили у ткача.

— Странник этот хотел сказать нашему царю, что его царь собирается прийти и осадить нашу землю, и хотел узнать, думает ли царь наш ему подчиниться или выйдет ему навстречу с войском. Я бросил перед ним бабки — дескать, вы перед нами дети, играйте лучше у себя дома в бабки и перестаньте думать о войне с нами. Странник насыпал просо, чтоб показать, что войску их числа нет. Я же, пустив курицу, ответил ему, что наш один воин разобьет все их войско.

Царь удостоил ткача больших почестей, богато наградил и хотел назначить его везиром, но ткач не согласился. За свою услугу он взял очень мало и на прощание сказал царю:

— Я бы хотел, царь, лишь одного: чтобы ты знал, что среди твоих слуг можно найти людей более умных, нежели твои везиры, и чтобы отныне ты считал за людей ткачей и лапотников.

РЕМЕСЛО ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

Армянская сказка

Жил некогда богатый царь. Он часто тайком от назиров и везиров одевался в рубище нищего и ходил странствовать по городам и селам, послушать, что о нем говорит народ.

Как-то раз в одном селе царь встретил девушку, такую красивую, что кто бы ни видел ее — говорил: ни пить, ни есть, на нее смотреть.

Царь вернулся к себе во дворец и сказал своим назирам и везирам:

— В такой-то деревне живет прекрасная девушка. Пойдите к ней и скажите, что царь хочет на ней жениться.

Назиры и везиры отправились в ту деревню, нашли дом девушки и тоже восхитились ее красотой. Сказали они отцу и матери девушки, что царь очарован их дочерью и хочет на ней жениться.

Отец девушки был бедный крестьянин. Не поверил он, что царь удостоил его дочь такой чести. Но люди царя убедили его, и тогда он сказал:

— Мы слуги царя, как он прикажет, так и будет. — И обратился к дочери: — Дочь моя, царь послал своих назиров-везиров свататься за тебя. Что им ответить?

Девушка спросила:

— А какое у царя ремесло?

— Что ты, дочь моя, ума лишилась?! Какое у царя может быть ремесло? Он владеет миром, что захочет — сделает, а мы все — его слуги.

— Нет, мой муж должен владеть каким-нибудь ремеслом, иначе я за него замуж не пойду.

Пошли назиры-везиры, передали царю ответ девушки. Удивился царь, но ничего не поделаешь, ради девушки решил

выучиться ремеслу.

Выбрал он самое легкое ремесло — стал учиться ткать ковры. Овладев этим ремеслом, царь соткал для своей невесты красивый ковер. Распрощалась она с отцом и матерью и с назирами и везирами отправилась в царский дворец.

Царь семь дней и семь ночей свадьбу справлял. Поженились они и стали жить в почестях и славе.

Прошел не то год, не то два, и снова царь в одежде нищего стал обходить свои города и села, решив узнать, что о нем говорит народ.

Вот раз во время одного из таких странствий царь попал в руки разбойников, которые, узнав о его ремесле, не убили его, а продали богатому купцу.

Купец запер царя в темную каморку, дал ему шерсти, чтобы он ее растрепал и соткал ковер. Царь соткал ковер, да такой красивый, подобного которому не было во всем мире.

Увидев этот ковер, жена купца сказала мужу:

— Пусть он выткет большой ковер. Отнесешь его в подарок царю, а он авось в долгу не останется.

Купец пошел в каморку к ткачу и сказал ему:

— Хочу сделать царю подарок. Вытки ковер, да только смотри, чтобы в целом свете такого не было. И чтоб он был величиной с царский зал, ни на волос не больше и не меньше. Не снести тебе головы, если не выполнишь моих условий.

Царь, услышав это, очень обрадовался, а длину и ширину своего зала он хорошо знал. И соткал он такой ковер, какой требовал хозяин. А в углу ковра выткал буквы (так чтоб только одна царица могла прочесть), что попал он в беду и просит освободить его.

Купец остался доволен работой и понес ковер в царский дворец.

Назиры и везиры дали знать царице о принесенном подарке. Царица расстелила ковер, увидела, что он ни на волос не больше и не меньше комнаты, удивилась очень, осмотрела весь ковер и в одном углу увидела буквы. Прочитав надпись и узнав, что случилось с ее мужем, царица побледнела. Царь и прежде ходил по стране недели, месяцы и годы, но никогда ему и в голову не приходило, что может его постигнуть такая участь.

Царица тотчас повелела привести того, кто соткал этот ковер, целым и невредимым во дворец.

Назиры и везиры отправились с купцом к нему домой, зашли

в темную каморку, но царь очень изменился, и они его не узнали. Ткача повели в баню, искупали, нарядили в новые одежды и отвели в царский дворец. А купец наставлял его, как вести себя во дворце, как стоять и кланяться.

Когда царь вошел в палату, царица тотчас же бросилась к нему. Обнялись они, поцеловались.

— Правду говорят, жена, — сказал царь, — что ремесло дороже золота.

Добро здесь, а зло у врага.

ПО ОДЕЖКЕ ПРОТЯГИВАЙ НОЖКИ

Армянская сказка

Однажды царь вызвал к себе всех портных своей страны и приказал сшить ему одеяло по его росту: не длинно и не коротко. Никто из портных не мог исполнить желания царя, и он велел отрубить всем им головы.

После этого пришел к нему еще один портной.

— Царь, — сказал он, — я сошью тебе одеяло, и оно тебе будет впору: не длинно и не коротко. Прикажи — возьмусь за работу.

— Ладно, шей, — ответил царь, — но смотри, предупреждаю заранее, если оно будет хоть немного длинно или коротко, прикажу отрубить тебе голову!

— Согласен, — ответил портной.

Он взялся за работу, сшил одеяло нарочно немного покороче, принес и положил перед царем; сам же под фартуком спрятал хлыст.

— Царь, долгой жизни тебе! — сказал портной. — Я принес одеяло, какое ты хотел. Посмотри, хорошо ли.

— Дай-ка погляжу, впору ли оно.

Царь лег, натянул на себя одеяло, но ноги его остались непокрытыми. Тогда портной достал из-под фартука хлыст и стегнул им по голым пяткам царя. Царь сейчас же спрятал ноги под одеяло.

— Держи ноги по длине своего одеяла! — сказал портной.

Услышав эти умные слова, царь ничего не сказал портному, щедро вознаграждал его и отпустил с миром.

Недаром говорит пословица: «По одежке протягивай ножки».

ВОЛШЕБНАЯ РОЗА

Армянская сказка

В давние времена жил-был царь. При дворце у него был розовый сад. В саду рос куст волшебной розы. Как ни старался царь, как ни охраняли царские садовники эту розу, никак не могли уберечь ее. Только начинала она распускаться, как нападал на нее губительный червь. И так из года в год повторялось одно и то же. Царь никак не мог дождаться своей волшебной розы. Как-то пришел к царю юноша садовник и сказал:

— Найми меня, я уберегу твою розу от червя. Как только она распустится, сорву ее, принесу тебе.

— Юноша, — говорит царь, — сколько у меня садовников перебывало, ни один не уберег ее, где уж тебе справиться?

— Справлюсь, а если нет — вели казнить.

— Ладно, как знаешь, коли сумеешь, постереги.

Наступила весна, новый садовник взял лук и стрелу, забрался под куст и стал сторожить розу. Стережет он день, два дня, три дня, неделю. Наконец роза начала распускаться, но тут садовника потянуло ко сну... Тем временем выполз червь, накинулся на розу, сожрал ее и уполз. Проснулся садовник, видит — нет розы на кусте. Пошел к царю и говорит:

— Целую неделю день и ночь я сторожил розовый куст, а когда роза стала распускаться, я задремал... Открываю глаза, а червь уже успел сожрать розу. На этот раз помилуй, в будущем году я расправлюсь с червем.

— Ничего, — сказал царь, — это червь даром не пройдет...

Прошел год. Настала весна, царский садовник снова пошел сторожить куст. Едва роза начала распускаться, снова червь ползет к розе; только хотел садовник пустить в него стрелу, вдруг откуда ни возьмись прилетел соловей, клюнул червя и улетел. Роза осталась цела. Обрадовался садовник, сорвал розу и понес ее царю.

— Государь, — говорит он, — я принес тебе розу. И нынче червь хотел сожрать розу, но откуда ни возьмись прилетел соловей, клюнул червя и улетел.

— Ничего, — говорит царь, — и соловью это даром не пройдет.

Прошел еще год. Весной опять садовник отправляется сторожить розовый куст; день и ночь сидит под ним. Только начала

распускаться роза, снова ползет червь, хочет сожрать цветок, снова откуда ни возьмись прилетел прошлогодний соловей, хотел клюнуть червя, но в этот миг из-под кустов выскочил дракон и разом проглотил соловья с червем. Опять роза осталась цела. Обрадовался садовник, сорвал розу и понес ее царю.

— Государь, — говорит он, — теперь, как и в прошлом году, приполз червь, хотел сожрать розу; откуда ни возьмись прилетел соловей и только хотел клюнуть червя, как из-под кустов выскочил дракон, набросился на соловья и на червя и обоих проглотил. Вот тебе роза — цела и невредима.

— Ничего, — говорит царь, — и дракону это даром не пройдет.

Прошел еще год. Наступила весна, снова садовник отправился сторожить розу. Пришло время ей цвести. Опять появился червь и пополз к розе; откуда ни возьмись прилетел соловей и только хотел клюнуть червя, как из-под кустов выскочил дракон и проглотил и соловья и червя.

Садовник натянул тетиву и пустил стрелу в дракона, дракон завертелся, истек кровью и околел. Садовник сорвал розу и понес царю.

— Государь, — сказал он, — опять появился червь, хотел сожрать розу, прилетел соловей, хотел клюнуть червя, дракон выскочил из-под кустов, набросился на соловья и на червяка и обоих разом поглотил. Я, как увидел это, натянул тетиву и уложил дракона на месте.

— Ну и хорошо, — сказал царь, — только и тебе это даром не пройдет.

Удивился садовник и думает: что за загадка, почему царь все время так говорит?

Думает садовник, думает — ни до чего додуматься не может. А спросить у царя боится: что, если царь рассердится? Решил садовник подождать, посмотреть, что будет дальше.

В розовом саду у царя был мраморный бассейн, где иногда купались царь и царица. Однажды садовник взобрался на дерево, росшее рядом с бассейном, хотел обрезать засохшие сучья. Вдруг видит: царица со своими служанками подошла к бассейну купаться. Садовник оробел и остался на дереве. «Подожду, — думает, — искупается царица, уйдет, тогда и слезу». Разделась царица, вошла в бассейн, искупалась, вышла, стала одеваться, взглянула вверх и увидела садовника. Не проронила она ни слова, пошла во дворец и все рассказала царю.

— Знаешь ли, пошла я к бассейну купаться, искупалась, оделась и уже хотела идти, как вдруг увидала на дереве садовника. Знать, он заранее взобрался на дерево, хотел подсмотреть меня.

Как услышал царь про то, разъярился, точно лев. Тут же крикнул:

— Палача, палача, палача!

Явились палачи, поклонились царю.

— Государь, что прикажешь? — спрашивают они.

— Сейчас же приведите садовника и отрубите ему голову!

Палачи привели садовника. Садовник понял, что его ожидает.

— Государь, дозвожь сказать два слова, а потом делай со мной, что хочешь.

— Ладно, говори.

— Помнишь, когда ты нанял меня в первый год, я пришел к тебе и рассказал, как червь сожрал розу, ты мне сказал: «Ничего, это ему даром не пройдет». Я и на другой год пошел сторожить розу. Пришел к тебе и сказал: «Прилетел соловей и клюнул червяка». Ты и тогда мне ответил: «Ничего, и ему это даром не пройдет». На третий год, когда я пришел к тебе и сказал, что из-под кустов выскочил дракон и проглотил соловья и червя, ты опять говоришь: «Ничего, и ему это даром не пройдет». На четвертый я пришел и сказал тебе: «Я убил дракона». А ты мне: «Ничего, и тебе это даром не пройдет». И вправду мне это даром не прошло, сбылись твои слова, коли ты захотел ни за что ни про что мою голову снять. Нынче я говорю тебе: и царю это даром не пройдет.

Услыхал царь мудрый ответ садовника и помиловал его.

ПЕС ШАХСЕВЕНСКОГО ХАДЖИ

Азербайджанская сказка

Жил в Шахсевене богатый хаджи. Много было у него золота и серебра, много овец, коров, быков и лошадей. Его стада паслись на принадлежавших ему обширных шахсевенских лугах. Был у него также и верный пес — храбрый защитник овец и друг коней. Хаджи любил его и берег как зеницу ока.

Но в один несчастный день, проснувшись, хаджи нашел верного пса бездыханным у своих ног. Пес проглотил кость, которая и стала причиной его смерти.

Безутешен был хаджи. Горькими слезами он оплакивал смерть верного, храброго друга.

Но этого мало. Он приказал завернуть его труп в белый саван и похоронил его с такими почестями, как обыкновенно хоронят людей почтенных и уважаемых. Мулла должен был три дня и три ночи сряду читать Коран на его могиле. В память верного пса хаджи устроил поминки и в продолжение семи дней кормил всех нищих, убогих, неимущих, раздавал милостыню.

Слух об этом дошел до великого имама.

Ужаснулся благочестивый имам, посыпал пеплом голову, разорвал на себе платье.

— Растоптана и смешана с грязью вера пророка! Поруганы священные законы, осмеян бог! О нечестивые! Сто тысяч раз достойны смерти те, которые осмелились по мусульманскому обряду хоронить труп пса и читать Коран над его могилой!

Имам сел на коня и поехал к хаджи, чтобы достойным образом наказать его за святотатство и кощунство. Хаджи дали знать о приезде имама. Он приказал тотчас же выделить из своего стада пятьдесят жирных баранов и сам пошел встречать имама. Он поклонился ему до земли, поцеловал край его одежды и сказал:

— О великий имам, опора и честь нашей веры! Родители мои да будут жертвою праха ног твоих! Выслушай горе твоего покорного раба. Околел мой пес, мой верный, славный Боздар, опора моего сердца, защитник моих стад, гроза врагов! Он был настоящий мусульманин и почитал мулл и имамов; перед смертью даже завещал тебе пятьдесят самых жирных баранов. Вот они!

— Эх! Не называй его псом! Назови его моим братом, моим другом! — воскликнул восхищенный имам. — Покажи мне его могилу, и я пойду прочитаю Коран за упокой его души!

Шашлык по поводу светопреставления

ЛИСА, ЧЕРЕПАХА И МУРАВЕЙ

Таджикская сказка

днажды лиса, черепаха и муравей отправились путешествовать.

Шли они все трое и вдруг на дороге увидели рассыпанное просо. Остановились они и стали думать: «Что нам делать с просом?» Лиса сказала:

— Давайте посеем его! Соберем урожай и поделим его поровну!

Черепаха и муравей согласились.

— Теперь мы должны найти подходящее поле! — сказала черепаха. И все трое отправились искать поле.

— Вот здесь надо посеять просо! — сказал муравей.

Лиса и черепаха согласились и принялись за дело.

Немного поработали, лиса посмотрела на холм и сказала:

— Ой, друзья, этот холм может свалиться на наше поле! Сделаем так: вы пашите землю, а я буду стоять и держать холм.

Сказала и пошла за холм и там легла спать.

Вечером, закончив работу, черепаха и муравей пошли искать себе место, чтобы отдохнуть. Лиса их увидела и, охая и ахая, стала ударять кетменем.

— Вовремя я пришла, холм уже начал опрокидываться на наше поле: и работа наша пропала бы, и сами мы погибли бы...

Черепаха и муравей поверили. На другой день они посеяли просо и стали ждать урожая.

Наступила осень. Муравей с черепахой сжали просо. Прибежала и лиса, оглядела золотистую гору проса, прошла и сказала:

— Друзья, не так уж много проса, не стоит нам его делить. Кто из нас троих добежит вон от того карагача до проса, тому и весь урожай!

Черепаха с муравьем согласились и пошли с лисой под карагач.

— Приготовьтесь! — крикнула лиса.

Черепаха с муравьем приготовились к бегу.

— Побежали! — скомандовала лиса и сама раньше всех бросилась бежать.

Но муравей успел вцепиться в хвост лисе.

Лиса подбежала к просу, положила на него свой пушистый хвост и крикнула громко:

— Урожай мой!

— Эй, лиса, подними-ка хвост, а то меня раздавишь! — крикнул муравей. — «Мой», говоришь? Нет, я уж давно здесь!

— Как ты мог прибежать сюда раньше меня? Никогда не поверю, чтоб ты мог бежать быстрее меня!..

Лиса стала кричать. Приползла и черепаха, встала рядом с муравьем и сказала лисе:

— Перестань скандалить! Разве ты не знаешь, что тебя ищут охотничьи собаки? Они мне встретились и пристали, чтоб я указала им твой дом. Но я тебя не выдала. Собаки сильно искусали меня за это!.. Вот, слышишь их лай? Собаки бегут в эту сторону...

Лиса испугалась и убежала.

Так черепаха с муравьем избавились от лисы, поделили просо и всю зиму были сыты.

О ЛАК И ПАКЕ

Таджикская сказка

Жил-был Пак со своей женой Лак. Была у них взрослая дочь — красоты у нее хватало, а ума не было.

Соседи раструбили о ее красоте по всему свету. И вот однажды пришли в дом Лак и Пака сваты.

— Дочка, — сказала Лак, — тебя сватать пришли, скорее иди и принеси кувшин воды из хауза и поставь кипятить! Да побыстрее это сделай, чтоб понравиться сватам, чтоб они видели, какая ты проворная.

Дочь взяла кувшин и побежала к хаузу, но, зачерпнув воды,

она вдруг задумалась: «Если я понравлюсь сватам, будет свадьба. Потом народится у меня сыночек, подрастет, и я с ним приду в гости к своим родителям, а мать моя скажет: «Душа моя, внучек, ты уже стал помощником, иди принеси водички, поставим чай кипятить!» Мое дитятко пойдет к хаузу и только наклонится за водой, ноги у него поскользнутся, он упадет в воду и утонет... Что я тогда буду делать? Что скажу его отцу? О я, несчастная!» — и, сидя у хауза, она подняла такой крик и плач, что слезы ее потекли шестью ручьями...

— Лак, Лак!

— Что, дорогой Пак!

— Где же чай? — спросил Пак.

— Дочь наша пошла за водой, но что-то нет ее.

Еще прошло немного времени.

— Лак, Лак!

— Что, дорогой Пак!

— Пришла ли наша дочь? — спросил Пак.

— Не пришла еще! — ответила Лак.

— Иди узнай, что с ней! — велел Пак.

Лак встала и пошла к хаузу. Пришла она и увидела, что дочь сидит у хауза и ручьями льет слезы.

— Эй, дочка, что же стало с твоей водой? Ой, что же ты сидишь и плачешь?

— Ох, мама, и не спрашивай! — сказала дочь. — Вот я сижу и думаю о том, что вдруг понравлюсь я сватам, будет свадьба, потом народится у меня сыночек, подрастет, и я с ним приду к вам в гости, а вы скажете: «Душа моя, внучек, ты уже стал помощником, иди принеси водички, поставим чай кипятить!» — и пошлете его к хаузу. Мое дитятко пойдет к хаузу и только наклонится за водой, ноги у него поскользнутся, он упадет в воду и утонет... Что я тогда буду делать? Что я скажу его отцу? О я, несчастная!!!

— Ой, да буду я жертвой твоего ума! — воскликнула Лак и, присев рядом с дочерью, тоже начала плакать.

Пак подождал немного — дочь и жена не появлялись. Он подождал еще немножко. «Что же могло с ними случиться?» — сказал Пак и сам пошел к хаузу. Подошел он и увидел, что обе они сидят у хауза и горько плачут.

— Эй, что случилось? Отчего вы так плачете? — спросил Пак.

— Ой, дорогой Пак, — сказала Лак, — посмотри-ка ты на нашу умницу, о, да буду я жертвой ее ума!

— А ну-ка, что она говорит? — спросил Пак.

— Она говорит, что, если она понравится сватам, будет свадьба. Потом народится у нее сыночек, подрастет, и она с ним придет к нам в гости, а я скажу: «Душа моя, внучек, ты уже стал помощником, иди принеси водички, поставим чай кипятить!» Ее дитятко пойдет к хаузу и только наклонится за водой, ноги у него поскользнутся, он упадет в воду и утонет... Что, говорит, тогда я буду делать? Что скажу его отцу?

— О, и я буду жертвой твоего ума! — сказал Пак и, присев рядом с ними, тоже стал горько плакать.

Так родители с дочкой сидели у того хауза и проливали горькие слезы.

Плач и рыдания хозяев дома слышали сваты.

— Что случилось? — воскликнули они и побежали к хаузу. Прибежали они и увидели, что сидят родители с дочкой у хауза и навзрыд плачут.

— Что случилось? — спросили сваты.

— Лак, Лак!

— Что, дорогой Пак!

— Скажи им, что говорит наша умная дочка!

— О, дорогие гости! — начала Лак. — Наша умница говорит: «Вдруг я понравлюсь сватам, будет свадьба, потом народится у меня сыночек, подрастет, и я с ним приду к вам в гости, а вы скажете: «Душа моя, внучек, ты уже стал помощником, иди принеси водички, поставим чай кипятить!» — и мы пошлем его к хаузу. Ее дитятко подойдет к хаузу и только наклонится за водой, ноги у него поскользнутся, он упадет в воду и утонет... Что, говорит, я тогда буду делать? Что скажу его отцу?»

Сваты, услышав это, сказали:

— На самом деле у этой девушки и красоты и ума достаточно!

И они сосватали дочку Лак и Пака, увезли ее с собой и устроили свадьбу.

— Лак, Лак!

— Что, дорогой Пак!

— Пойдем посмотрим, как живет наша дочка, — сказал Пак.

— Хорошо, — сказала Лак, — только вы, Пак, сходите и купите фунт масла, нажарим пирожков, тогда и пойдем.

Пак взял пиалу и пошел к продавцу масла. Продавец взвесил фунт масла и налил в пиалу Пака. Пиала наполнилась, и еще немного масла осталось.

— Немного вашего масла осталось, что мне с ним делать? — спросил продавец.

— Вот, вылейте сюда! — сказал Пак и, перевернув пиалу, подставил ему донышко.

Масло на донышке пиалы Пак принес домой.

— Пак, Пак!

— Что, дорогая Лак!

— Ведь вы же мало принесли масла! — сказала Лак.

— Нет, не мало! Есть еще и в пиале! — ответил Пак.

Лак захотела посмотреть, что в пиале, и перевернула ее. Масло с донышка также пролилось на землю.

Лак и Пак посоветовались и решили, что без масла пирожков не нажаришь и что они понесут узелок горячих лепешек.

— Пак, тогда, пока я замешу тесто, вы раскалите печку-танур! — сказала Лак.

Пак принес дров, заглянул в печку-танур и увидел, что она красная-красная. А печка была красной от лучей солнца.

«Она ведь уже раскалена!» — подумал Пак, пошел и преспокойно уснул.

Вот Лак накатала лепешки и поднесла их к тануру. Смотрит — он накаленный докрасна. Она налепила на под танура лепешки.

Пришел Пак. Сидят и смотрят Лак и Пак на лепешки, а они не румянятся. Час смотрят, два смотрят, а они не румянятся.

— Лак, Лак!

— Что дорогой Пак!

— Неужели так и будем сидеть да смотреть? Давай выроем танур, возьмем его на плечи и пойдем — лепешки по дороге и испекутся!

Увидели родственники зятя, что идут отец с матерью невестки и несут на плечах печку-танур, побежали они им навстречу, сняли печку и поставили ее в сторону, а гостей ввели в дом и хорошо угостили.

Наступила ночь. Лак и Паку постелили постель в одной комнате. Они лежали и осматривали комнату.

— Лак, Лак!

— Что, дорогой Пак!

— Посмотри-ка на стену, всюду она потрескалась!

— Пересохла, вот и потрескалась! — сказала Лак. — Бедная наша дочка, не догадалась помазать ее маслом. Тогда она бы не пересохла.

— Ну тогда давай сами вымажем ее маслом! — предложил Пак.

Лак и Пак поднялись, нашли на полке кусок масла и вымазали им всю стену. «Ну, дело сделано, теперь будем спать!» — сказали они, но в это время Пак увидел в чуланчике два кувшина.

— Лак, Лак!

— Что, дорогой Пак!

— Неправду ты говоришь, что наша дочь глупая! Посмотри-ка, какая она умница: родители пришли издалека и пропылились, пусть покупаются — вот, видишь, она приготовила для нас две корчажки воды.

Лак и Пак начали купаться.

— Ах, какая сладкая вода! — сказал Пак.

— Видно, вода в этих местах сладкая! — откликнулась Лак.

Но была это не вода, а виноградная патока. Лак и Пак выкупались в патоке и легли спать.

Занялась заря, забрезжил рассвет, взошло солнце. Хозяева дома разостлали во дворе ковер, расстелили по краям одеяла, развернули дастархан, приготовили чай и сидели, поджидая гостей. Но Лак и Пак никак не вставали. Хозяева были вынуждены войти в комнату и увидели, что гости прилипли к одеялам и не могут шевельнуться.

— Эй, — сказали хозяева, — мы думали, что только дочь у них глупая, оказывается, родители еще глупее!

Однажды родственники дочери Лак и Пака ушли далеко в гости. Дочь одна осталась в доме мужа. Встав утром с постели, она не захотела умываться и так, с неумытым лицом, взяла хлеб и стала есть.

Вдруг она заметила, что теленок высунул голову из хлева и промычал: «Му-у».

«Ох, окаянный, увидел-таки, что я неумытая ем хлеб! Теперь расскажет всем об этом и опозорит меня! Что же мне делать?» — подумала дочь и побежала домой к родителям.

— Лак, Лак!

— Что, дорогой Пак!

— И действительно, у дочери получилось неважно! — сказал Пак. — Ну, ладно, доченька, не печалься, эта беда поправима.

Мы пойдем к судье и подадим ему прошение, чтоб он запретил рассказывать об этом людям.

Лак и Пак со своей дочерью пришли к судье.

— Это зависит не только от меня, — сказал судья, смеясь про себя над этими глупцами, — если, например, я запрещаю говорить об этом у себя в городе, то по всей стране запретить не могу! Это зависит только от падишаха, идите к нему!

Лак и Пак со своей дочкой пришли к падишаху. Он выслушал их и повелел: «Запретить кому-либо рассказывать о завтрашке неумытой дочери Лак и Пака!»

Глашатаи объявили об этом приказе падишаха по всей стране.

ЭФЕНДИ В ГОСТЯХ

Таджикская сказка

Эфенди пришел к соседу в гости. Хозяин спросил у него:

— Что сварить для вас — плов или суп?

Эфенди ответил вопросом, вкрадчивым и невинным:

— Разве у вас только один котел?

После плова и супа эфенди захотелось еще арбуза и дыни, утоляющих жажду и способствующих пищеварению. Приблизилось время сна, а арбуз и дыня все не появлялись. Эфенди вновь пришлось прикинуться простачком:

— Дорогой друг, после того, как поедим арбуз и дыню, где будем спать?

Хозяину дома пришлось выставить и это угощение, но он дал себе слово никогда больше не звать в гости эфенди.

НЕЧЕГО И ПРИГЛАШАТЬ

Таджикская сказка

Возвращался эфенди однажды домой и встретил несколько своих приятелей. Недолго думая, он пригласил их к себе в гости, обещав как следует угостить. Все гурьбой направились к нему домой. Дошли до ворот, и эфенди сказал им:

— Постоите здесь, а я зайду в дом и все приготовлю.

Остались они ждать его у ворот. Эфенди стремительно вбежал в дом и приказал жене:

— А ну-ка, женушка, свари нам обед, а то я своих приятелей пригласил к нам в гости.

А жена стала его корить:

— Срам какой, уж пятьдесят лет тебе стукнуло, борода вся стала седой, а ума тебе не хватило, чтобы понять — если нечем угощать, то и гостей нечего приглашать.

Нечего делать эфенди, вышел он за ворота и говорит гостям:

— Так, дескать, и так, стукнуло мне пятьдесят лет, борода моя вся седой стала, а ума мне не хватило, чтобы понять — если нечем угощать, то нечего и гостей звать.

ДАРЫ ПАДИШАХА И БОГА

Таджикская сказка

Однажды эфенди случайно угодил падишаху.

— Проси у меня все, что хочешь! — сорвалось с языка падишаха.

Поразмыслив о необычайной милости властелина, эфенди сказал:

— Раз вы хотите сделать мне подарок, то подарите мешок золота, чтобы остаток моей жизни я мог прожить безбедно с женой и детьми!

Но падишах уже опомнился и потому, приказав казначею выдать эфенди запечатанный мешок, чуть заметно подмигнул. Сказав: «Повинуюсь, господин», — казначей вышел.

Получив увесистый мешок, эфенди, радостный, понес его домой.

— Ликуй, жена, — сказал он. — Теперь у нас и котел жирный, и ложка жирная; если хочешь, одевайся каждый день по десять раз в разные платья, покупай себе десять сортов усмы и сурьмы, пудры и кармина, ходи хоть по десять раз на день в баню — на все я тебе дам денег. А пока подойди сюда и давай посчитаем это золото вместе — один я не справлюсь со счетом!

Эфенди отрезал ножом печать мешка, перевернул его, но вместо золота посыпались мелкие камешки.

Ошеломленный эфенди посмотрел на небо, потом на землю и, опустив голову, глубоко задумался.

— Что все это значит? — спросила встревоженная жена. — Кто дал вам эти камешки и зачем вы их принесли?

— Это значит: падишах исполнил мою просьбу, подарил мне мешок золота. А я нес его сюда. Ведь не дурак же я, чтоб приносить домой мешок с камнями! — ответил, негодуя, эфенди.

— И падишах не дурак, чтобы давать вам мешок золота, — сказала укоризненно жена, — вы не у падишаха просите золота, а у бога!

— Это ты верно говоришь, жена!

После омовения, обратив лицо к Мекке, эфенди опустился на колени и воздел руки:

— О боже, о всемогущий, пошли мне из твоей сокровенной казны мешок золота!

Наступил вечер, прошло время последней вечерней молитвы, наступила полночь, а эфенди все продолжал молиться, но золото из сокровенной казны не появлялось.

«Может быть, я тихо молюсь и бог не услышал мою молитву? Может быть, надо молиться громче?» — подумал эфенди и стал громко выкрикивать слова своей молитвы. Спавший сном праведника сосед пробудился от дикого крика эфенди и, бормоча: «Что это такое?» — полез на крышу своего дома. Оттуда он увидел эфенди, громко просящего у бога золото. Сосед постоял немного, понаблюдал за эфенди, но не вытерпел и, отколупнув от стены полкирпича, бросил его в эфенди. Услыхав звук чего-то упавшего неподалеку, эфенди радостно воскликнул:

— Жена! Неси скорее светильник, бог послал нам золото из своей сокровенной казны!

Жена принесла светильник, эфенди увидел обломок жженого кирпича и, подумав: «Хорошо еще, что бог не угодил мне этим кирпичом в голову!» — обратился к жене:

— Теперь ясно — бог с падишахом заодно!

ГРУЗ ДВУХ ОСЛОВ

Таджикская сказка

Выехав на охоту, эмир и его визирь взяли с собой эфенди. За ними плелся пешком слуга. День был жаркий.

Скинув с себя тяжелые золототканые халаты, эмир и его визирь звалили их на плечи слуги.

— Взгляни, эфенди, — сказал эмир, — какой у меня выносливый слуга! Ведь то, что несет он на плечах, — это полный груз осла!

— Даже больше, ваше величество, — ответил эфенди, — это груз двух ослов!

ТОЛКОВАНИЕ СНА ЭМИРА

Таджикская сказка

Эмир увидел во сне, что у него выпали зубы. Он вызвал к себе толкователя снов.

— Не могу скрыть истины, — сказал тот, — ваши дети и все ваши родственники умрут раньше вас!

За такое мрачное предсказание эмир приказал казнить толкователя. После казни эмир встретился с эфенди:

— Не можешь ли хоть ты объяснить мне подлинное значение моего странного сновидения?

— Могу, долговечный государь! — ответил эфенди. — Хороший сон! Вы проживете на этом свете дольше своих детей и родственников!

Успокоенный эмир щедро вознаградил эфенди.

Я И САМ ТАК ДУМАЛ

Таджикская сказка

Потерял как-то раз эфенди своего осла, ходит и всех встречающих и поперечных спрашивает: не видел ли кто его осла? Кто-то подшутил:

— Осел твой стал судьей в таком-то городе.

— Я и сам так подумал, — ответил эфенди. — Недаром всегда, когда при нем разбирались судебные дела, он только то и делал, что покачивал глубокомысленно головой.

ШАШЛЫК ПО ПОВОДУ СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЯ

Таджикская сказка

У эфенди однажды оказался жирный баран. Несколько мулл надумали устроить так, чтобы он выставил им хорошее угощение:

— Знаешь, эфенди, завтра будет светопреставление. Советуем тебе сегодня же зарезать твоего барана и приготовить нам добрый шашлык!

Эфенди не мог отказать муллам, и все вместе пошли к реке, где было решено жарить шашлык. Пока мясник свеживал барана, муллы поснимали свои одежды и начали купаться. Эфенди как хозяин разжег костер. Но внезапно с досады схватил в охапку всю одежду мулл и кинул ее в огонь.

— Эй, эфенди! — слышался крик из воды. — Ты с ума сошел, оставил нас голыми! Что мы теперь будем делать?

Эфенди ответил:

— Но завтра же светопреставление. Зачем вам одежда?

ДОБРО И ЗЛО

Туркменская сказка

У молодых супругов родился сын. Рос он тихим, ласковым. Когда ему исполнилось семь лет, произошел такой случай.

По соседству жил один человек, любивший хвастаться. «На свете нет умнее меня!» — часто повторял он.

Как-то он рыл землю и наткнулся на сундук. Посмотрел туда-сюда, попробовал открыть — не поддается. «Наверное, золотой клад», — обрадовался хвастун. Он сбил замок и только приподнял крышку, как из сундука выскочила змея и обвилась вокруг шеи этого хвастуна. Шипя и показывая жало, она стала расти на глазах.

— Змея, я освободил тебя, сделал доброе дело, — взмолился хвастун, — а ты на добро отвечаешь злом — хочешь задушить меня.

— А меня всегда этому учили, — ответила змея человеческим голосом.

Долго спорили они, кто прав из них, кто виноват, но так ни

к чему и не пришли. В это время мимо проходил караван верблюдов. Спрашивает хвастун самого старого из них:

— Скажи, верблюд, можно ли отвечать на добро злом?

— Можно, — прошамкал верблюд. — Все впереди идущие верблюды — мои сыновья и внуки. Я их вырастил и воспитал. А теперь, когда я стал стар и еле-еле волочу ноги, они хотят бросить меня одного в пустыне. Разве это доброе дело?

— Слышишь, — злорадно прошипела змея, плотнее обвивая шею хвастуна.

— Подожди душить, — взмолился хвастун, — спросим еще у других.

Пошли. На пути встретился большой высохший тутовник. Хвастун остановился и спросил:

— Эй, дерево! Ты много прожило на свете и много повидало на своем веку. Скажи, можно ли отвечать злом на добро?

— Можно, — проскрипел тутовник. — Много лет я давал густую тень для отдыха всему живому, сочную мою листву ел шелкопряд. Мой хозяин на коконах и шелке разбогател. А теперь он хочет спилить меня на дрова. Разве так нужно отплачивать за добро?

— Слышишь, — снова зашипела змея и еще плотнее сжала шею.

— Подожди, змея, подожди, — снова стал просить хвастун. — Еще у кого-нибудь спросим.

Снова идут они. Попались им по дороге дети. Увидев на шее старика змею, они забыли про игру и разбежались кто куда. На месте остался только семилетний сын молодых супругов.

Хвастун подошел к нему и спросил:

— Скажи, мальчик, можно ли отвечать на добро злом?

— Э, отец, — сказал малыш, — не надо спрашивать о зле и добре. Лучше скажи, почему у тебя на шее змея?

— Я копал землю, — начал хвастун, — и вырыл сундук. Мне показалось, что в нем должен быть золотой клад. Открыл крышку, а оттуда выскочила змея и обвила мою шею. Теперь она не отпускает меня и хочет задушить за то, что я ее спас.

— Ба, — удивился малыш, — ты, наверно, неправду говоришь. Разве может такая большая змея поместиться в сундуке?

— Это правда, мальчик, — стал уверять хвастун. — Она была в этом сундуке.

— Эй, змея, — сказал малыш, — это правда, что ты, такая большая, могла поместиться в сундуке?

— Да, помещалась, — прошипела змея.

— Не может этого быть, — упрямо сказал малыш.

— Не веришь, смотри, — прошипела змея и, соскользнув с шеи старика и выпустив воздух, легла в сундук, оставив голову снаружи.

— Э, а голова-то не помещается! — усмехнулся малыш.

— Еще как помещается, — прошипела змея, пряча голову.

Мальчик в то же мгновение захлопнул крышку, запер сундук на замок и спросил у обрадовавшегося хвастуна:

— Отец, ты сам прятал этот сундук туда, где его нашел?

— Нет.

— Если не прятал, то надо помнить пословицу: «Не бери того, чего сам не положил!» Теперь надо отнести сундук туда, где он был.

Хвастун удивился рассудительности мальчика и от всей души благодарил его за свое спасение. Сундук он закопал на том месте, где нашел, и больше никогда в жизни не хвастался.

ОБИДЧИВЫЙ МУЛЛА

Узбекская сказка

Шел почтенный мулла в базарный день по улице Бухары. Проходивший мимо дехканин нечаянно толкнул его.

— Проклятие твоему отцу, черная кость! — крикнул мулла. — Не видишь, что ли, кто идет?

— Вижу, — ответил дехканин, — невоспитанного невежу!

— Ах, вот как! Ты меня, уважаемого настоятеля мечети, посмел назвать невежей! Идем к казию, — заявил мулла.

Оказавшийся поблизости кузнец подошел и спросил:

— О чем вы спорите?

Мулла с обидой сказал:

— Он оскорбил меня, назвал невежей. Веду его к казию.

Кузнец удивился:

— Что вы, почтенный мулла, развесили уши, словно ишак, и слушаете всякие разговоры?

Мулла схватил кузнеца за шиворот и завопил:

— Ага, ты меня назвал ишаком! Идем к судье.

Услышал крик в своей мастерской ткач и вышел на улицу посмотреть, что случилось.

— Почтенный мулла, куда вы ведете дехканина и кузнеца? — спросил он.

В ярости мулла закричал:

— Я веду их к судье за то, что один назвал меня невежей, другой ишаком.

— Разве подобает уважаемому человеку кидаться на людей точно собаке, проглотившей иглу? Отпустите их и идите по своим делам.

— Ты меня, почтенного настоятеля, назвал собакой! — крикнул мулла и потащил ткача к судье вместе с дехканином и кузнецом.

Идут они, спорят, а навстречу им шагает Алдар Куса.

— Что случилось, достопочтенный мулла? — спрашивает.

— Один меня назвал невежей, другой — ишаком, третий — собакой. Веду их к казию. Всыпят каждому по двадцать палок, будут знать, как оскорблять лицо духовного звания.

Покачал только головой Алдар Куса и сказал:

— Эх, мулла, мулла, разве почтенные люди мечутся по базару, точно кабаны в своих камышовых зарослях?

— Ах, — зарычал мулла, — по-твоему, я еще и свинья?

Он выпустил из рук дехканина, кузнеца и ткача и бросился на Алдара Кусу.

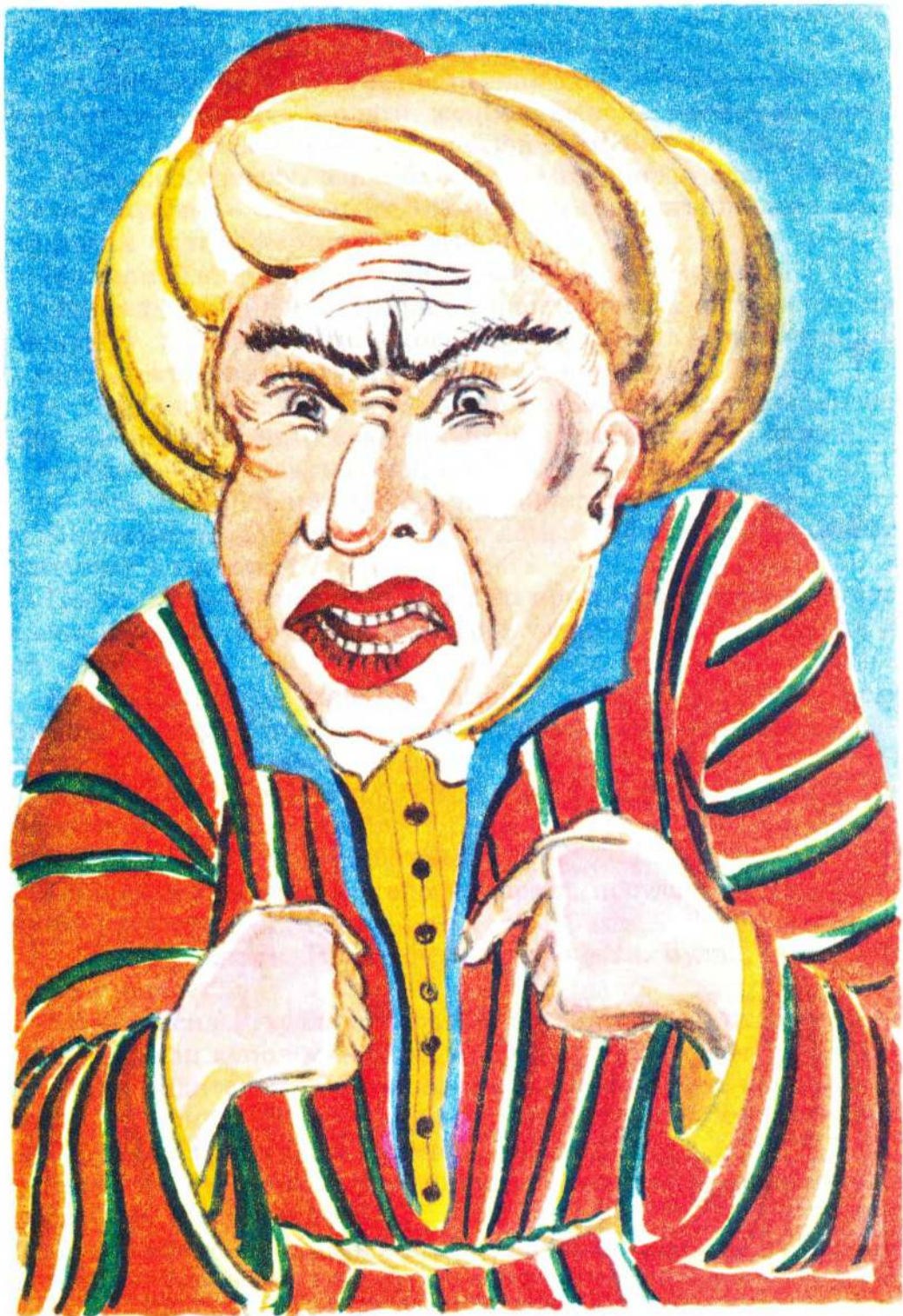
Но Алдар Куса не дал себя схватить. Увернулся он и побежал. Мулла за ним. Но где было толстому, неповоротливому мулле угнаться за быстроногим хитрецом. Споткнулся мулла и упал лицом в грязь.

А дехканин, кузнец и ткач только посмеялись, плюнули, не стали дожидаться, когда мулла выберется из грязи, и пошли по своим делам.

БЫЛА ЛИ У МУЛЛЫ ГОЛОВА?

Узбекская сказка

В далекие времена в селении Ширин, как клещ, сидел ревнитель благочестия мулла Сеид Рухулла. Была у него преболяшущая чалма, с дом величиной, и густая борода, точно заросли камыша.

День и ночь мулла Сеид Рухулла молился. Завел он обычай, чтобы все ширинцы молились и платили мзду.

Веселишься — молись и плати, плачешь — молись и плати, хоронишь — молись и плати, женишь сына — молись и плати, обедаешь — молись и плати, пашешь — молись и плати.

— Молись аллаху, а плати мне, — говаривал всегда мулла Сеид Рухулла. — Откинь высокомерие и гордость, посыпь тебя прахом и плати. Жертва твоя угодна богу.

Молились ширинцы аллаху, а даяния несли мулле.

Однажды в кишлак Ширин прилетел аист, опустился на верхушку минарета, что около мечети, и стал вить гнездо. Увидел аиста Сеид Рухулла и объявил ширинцам:

— Правоверные, поистине над нами высшая благодать. Наше селение почтил своим священным присутствием сын божий.

— Где? — удивились ширинцы.

— Вон, на вершине священного минарета.

Посмотрели ширинцы, видят, самый обыкновенный аист хлопочет в гнезде.

Покачали головами ширинцы, но пришлось поверить мулле Сеиду Рухулле. На то он и мудрый мулла, чтобы ему внимать и его слушаться.

Не поверишь — прибегут эмирские прислужники и всю священную премудрость вколотят в спины правоверных палками.

Помолился мулла Сеид Рухулла по случаю прибытия сына божьего в Ширин и сказал:

— Надо угостить сына божьего.

Собрались ширинцы около минарета, посудачили, потолковали и решили:

— Надо угостить. Только чем угощать? Эй, мулла, а что сын божий кушает?

Мулла Сеид Рухулла показал на белый помет, которым аисты запачкали купол минарета, и с важностью сказал:

— Вот видите, сын божий кислое молоко кушает, кроме того, кашу молочную рисовую кушает, горох вареный кушает, плов кушает. Все кушает, все несите.

Понесли из своих домов ширинцы кто кислое молоко, кто горох, кто плов, кто кашу.

Стали приглашать сына божьего, а он с минарета не слезает и «ляк-ляк!» клювом щелкает.

Помолился мулла Сеид Рухулла и сказал:

— Отнесите, правоверные, угощение ко мне домой. Сын божий говорит: «Здесь не хочу кушать».

Постелили на айване у муллы скатерть, расставили блюда, миски, тарелки, а сын божий все смотрит с минарета и только клювом щелкает.

Мулла Сеид Рухулла опять помолился и сказал:

— Ну, правоверные, идите по домам. Сын божий не желает при народе кушать.

— Э, нет, — запротестовали ширинцы, — зови сюда сына божьего. Что же, мы старались, мы готовили угощение, а он не идет. Позови его сюда.

Знал мулла Сеид Рухулла, что ширинцы — народ упрямый, пошел к минарету:

— Эй, сын божий, иди к нам, угощение готово.

Ни уговоры, ни просьбы не помогли. Аист только свое — «ляк-ляк-ляк!».

Полез мулла Сеид Рухулла на минарет. Высунул голову и опять кричит:

— Эй, сын божий, не упрямься, сойди вниз. Угощение готово!

Аист опять свое — «ляк-ляк-ляк!».

Хотел уже мулла Сеид Рухулла вниз спускаться, но ширинцы опять закричали:

— Лезь выше, мулла! Лезь выше! Поговори с сыном божьим.

— Ой, — говорит мулла Сеид Рухулла, — как бы меня сын божий на небо не унес.

— Ничего, не унесет. Ты толстый! Ты тяжелый! — кричат снизу ширинцы.

Полез мулла Сеид Рухулла на крышу минарета. Просунул голову сквозь хворост, из которого гнездо сплетено, и приглашает так, чтобы все ширинцы слышали:

— О господин сын божий, не упрямься, не кичись, пожалуй вниз, угощение готово.

И вдруг ширинцы слышат, мулла Сеид Рухулла кричит истошно:

— Караул! Дод! Спасите!

Аист испугался за своих птенцов, принял высокопочтенного муллу Сеида Рухулла за жадного кота и давай его долбить клювом.

— Спасите! — кричит мулла Сеид Рухулла, а спуститься вниз не может. Мудрая голова его застряла в гнезде.

Видят ширинцы, надо спасать духовного пастыря. Полезли на минарет.

А мулла все кричит:

— Дод! Спасите!

Схватили ширинцы муллу Сеида Рухуллу за ноги. Тянули что есть силы, тянули и после долгих усилий и страданий стянули вниз.

Начали ширинцы поздравлять благочестивого муллу Сеида Рухуллу со счастливым избавлением, а он молчит.

Посмотрели и удивились. Как будто мулла Сеид Рухуллу, а чего-то не хватает.

— О убежище религии, соблаговолите обратить внимание на своих почитателей, — говорят ширинцы.

Нет ответа.

Тут один почтенный человек, шедший мимо, посмотрел и говорит:

— Э, почему у вашего муллы головы нет?

Начали ширинцы между собой спорить. Один говорит — была голова, другой — чалма была, а головы не было.

Тогда прохожий дал совет:

— Позовите жену муллы. У жены спросите.

Позвали жену муллы Сеида Рухуллы. У нее спросили:

— Эй, женщина, скажи, была у твоего мужа, вместилища мудрости и благочестия, муллы Сеида Рухуллы голова или нет?

Подумала женщина и ответила:

— Когда мой муж обедал, у него шевелилась борода, это я знаю, а о голове ничего не знаю.

Так и не смогли вспомнить ширинцы, была ли у их высокопочтенного и высокородного муллы Сеида Рухуллы голова.

НАСЫР ПЛЕШИВЫЙ

Узбекская сказка

В стародавние времена правил городом Кокандом некий шах. У этого шаха была любимая редкостная пиала. Хоть бы кто и тысячу раз всю землю обошел, другую такую пиалу не смог бы найти. Мало того, что она была очень красивая, в темные ночи она сияла, как луна.

Держал шах эту пиалу в золотом сундуке. А комнату, где стоял этот сундук, стража день и ночь охраняла.

Когда шах садился пить чай, он посылал за пиалой самого верного слугу. Слуга открывал особым ключом золотой сундук, осторожно вынимал драгоценную пиалу и бережно нес ее шаху. А другой верный слуга был специально приставлен, чтобы наливать в ту драгоценную пиалу чай.

Шах каждый раз, когда пил чай, вертел в руках пиалу и любовался ею.

Однажды призвал шах своего самого верного слугу и приказал ему принести драгоценную пиалу.

Слуга взял ключ и пошел. Но когда он нес ее, споткнулся и уронил пиалу на пол. Разбилась она на тысячу черепков.

Слуга испугался шахского гнева и бежал из дворца.

Ждет шах слугу с пиалой, а того все нет. Надоело шаху ждать. Послал он за слугой другого слугу. Тот ушел и тоже не вернулся. Послал тогда шах за слугами своего визиря. Пошел визирь и видит — валяются на полу мелкие осколки.

— Так вот в чем дело! — сказал визирь. — Вот почему слуги не вернулись. Они разбили пиалу и потому бежали от шахского гнева. Конечно, если бы они не убежали, шах приказал бы немедленно казнить их.

Собрал визирь с пола черепки драгоценной пиалы в полу халата и пошел к шаху.

— Не прогревайся, мой падишах, — сказал он, — большая беда приключилась.

— Какая беда! Говори скорей! — закричал шах.

Визирь ответил:

— Если пощадите, сейчас скажу.

— Пощажу, говори! — сказал шах. — Только говори.

— Господин, ваша любимая пиала разбилась. Слуга побоялся вашего гнева и убежал. И другой слуга, которого вы за ним послали, тоже испугался и убежал. Вот все, что осталось от вашей любимой пиалы.

И визирь подал шаху черепки разбитой пиалы.

С горя шах несколько дней ничего не ел, худеть стал, наконец совсем заболел и слег в постель. Пролежал он сорок дней и сорок ночей и только тогда пришел в себя. Приказал он созвать всех гончаров Коканда. Собрались гончары, вышел к ним шах и говорит:

— Вот, гончары, была у меня самая красивая на всей земле пиала, и она разбилась. Если кто из вас сделает ее такой, какой она раньше была, дам ему все, что его душа пожелает. Но если

он меня обманет, прикажу голову отрубить, а все имущество в казну заберу. Смотрите сами, кому вы это дело доверить можете.

Гончары посоветовались и попросили дать им сорок дней срока. Взяли они черепки пиалы и ушли.

Сорок дней старались гончары, что только не пробовали, но так и не смогли сделать пиалу такой, какой она была раньше.

Приказал шах всех их казнить.

Приводили к шаху гончаров из других городов. Но и те не сумели склеить пиалу. Впал шах в ярость и приказал всем головы отрубить.

Потом созвал он народ и спросил:

— Еще где-нибудь гончары остались?

Вышел один человек из толпы и сказал:

— Ваше шахское величество, в одном кишлаке есть сорок гончаров. Только они не очень искусные. Вы сами знаете, что самые лучшие, самые знаменитые мастера не смогли починить вашу пиалу. Так что на этих гончаров вы не надейтесь.

Но шах приказал привести и этих гончаров.

Отправились шахские слуги в кишлак и насильно привели гончаров к шаху.

Показал им шах разбитую пиалу.

— Вот смотрите, — сказал он, — если можете починить эту пиалу — чините, если не можете — все равно чинить заставляю.

Гончары только руками развели.

— Никогда, — говорят, — мы такой работы не делали.

Шах рассвирепел и приказал:

— Чините, иначе головы прикажу отрубить. Даю вам срок сорок дней.

Увидели гончары, что делать нечего, поклонились и сказали:

— Ладно, попробуем.

Взяли черепки и ушли в свой кишлак.

Идут они домой и говорят друг с другом:

— Если он так со знаменитыми гончарами поступил, то с нами что будет?

Вернулись гончары в кишлак, собрались, советовались, однако, сколько головы ни ломали, ничего не могли придумать.

У одного из сорока гончаров был ученик по имени Насыр

Плешивый. Услыхал он, как гончары спорят, пришел к ним и говорит:

— Эй, мастера, что вас беспокоит, о чем у вас такой жаркий спор?

Они ему отвечают:

— А тебе какое дело! Ты знай свое — глину копай.

Поругали его и прогнали.

Прошло девять дней. Насыр видит, что мастера все хмурятся, все о чем-то шепчутся, и говорит:

— Удивляюсь, что это с вами стало? Какой бес в вас залез, что вы все спорите по-пустому, про еду забыли. Почему от меня в тайне держите? Может, я вам что-нибудь придумаю.

Но гончары Насыра и слушать не захотели.

— Тебя еще тут не хватало! Чего лезешь в наши дела? Убирайся вон, пока тебя палкой не огрели.

Вдруг один старый гончар сказал:

— Пойдите, братцы, в каждой голове что-нибудь да есть. Плешивый все же ученик гончара. Он нам хочет помочь, а мы его гоним. А зачем? Вот мы уже девять дней головы себе ломаем и ничего придумать не можем. Давайте расскажем ему про нашу беду, посмотрим, может быть, он что-нибудь придумает.

Тогда один из них обратился к Насыру:

— Ну, Плешивый, тут вот какое дело. Водили нас к шаху. Дал он нам черепки пиалы и сказал: «Если можете починить ее — почините, если не можете — все равно чинить заставлю». Пришлось нам взяться за дело. Уже многих гончаров погубил шах за эту пиалу. Теперь наша очередь пришла. Как склеить пиалу — не придумаем. Тут не только за сорок дней, но и за сорок лет ничего не сделаешь.

Насыр тогда сказал:

— Если в этом вся загвоздка, так у меня есть средство.

Сорок гончаров удивились.

— А ты правду говоришь? Ну, говори, какое средство!

— А вот какое, — говорит Насыр. — Через сорок дней придут слуги шаха. Вы им так скажите: «Отец этого Плешивого был знаменитый мастер-гончар. Когда вашу редкостную пиалу делали, он тоже над ней работал. Плешивый многому научился у отца и теперь хочет попробовать, не удастся ли ему эту драгоценную пиалу починить».

Один из гончаров обрадовался.

— Ну что ж, нам все равно. Только знай, Плешивый, если ты склеить пиалу не сможешь, шах тебя казнит.

Кончились сорок дней. Пришли в кишлак слуги шаха. Сзывали они всех гончаров.

— Ну что, починили пиалу? — спросили посланцы шаха.

Один из гончаров ему ответил:

— Почтенные слуги шаха, оказывается, эту пиалу вместе с другими мастерами делал отец этого Плешивого. И он тогда говорил, что пиалу, которую он сделал, никто другой, кроме него, починить не сможет. Такой он был замечательный мастер. Но и Плешивый мастер хороший. Он даже нас гончарному делу учил.

Слуги шаха спросили:

— Ну как, Плешивый, починишь пиалу?

— Починю, — ответил Плешивый.

— Если сможешь пиалу починить, поедешь с нами, скажем про тебя шаху.

— Нет, я к шаху не поеду, — возразил Насыр.

— Как не поедешь? Прежде чем чинить пиалу, надо от шаха приказ получить, — сказали слуги шаха.

— Вы все на лошадях приехали, а я пешком пойду? — спросил Насыр. — Я тоже верхом хочу.

Один из слуг шаха сказал:

— Садись, Плешивый, сзади меня, и поедем.

— Нет, — опять возразил Насыр. — Так я не поеду. Уж если я поеду, то только на хорошем коне.

Все сорок гончаров стали просить:

— Ну дайте ему коня!

Один из слуг посадил на своего коня Плешивого, а сам сел сзади. Приехали всадники во дворец. Шах как увидел, что один из его самых почтенных слуг впереди себя какого-то плешивого посадил, разозлился, поднял крик:

— Эй, так вы мою честь бережете? Зачем этого плешивого во дворец привезли?

— О досточтимый падишах! — ответил слуга. — Мы этого плешивого привезли неспроста.

— А зачем?

— Если пощадите меня — скажу.

— Поощажу, — сказал шах.

Слуга объяснил:

— Отец этого плешивого был очень искусный мастер-гончар. Он один из тех мастеров, которые вашу славную пиалу делали. Кишлячные гончары не могут вашу драгоценную пиалу склеить. Они ее дали плешивому. Он берется починить.

Посмотрел шах на Плешивого и спросил:

— Починишь?

— Починю, — ответил Насыр.

Назначил ему шах сорок дней.

Насыр спросил шаха:

— А разве я даром чинить буду?

— Ты еще смеешь торговаться, несчастный! Ну, ладно. Что ты хочешь за починку пиалы?

— Дайте мне коня, какого пожелали бы сами себе, — сказал Насыр. — Еще дайте мне корову, баранов и всякой другой скотины и домашней птицы. Потом возьмите сорок лошадей и нагрузите их золотом, серебром, драгоценными самоцветами из вашей казны и отошлите ко мне домой. После этого я возьмусь чинить вашу пиалу.

Шах приказал приготовить все, что потребовал Плешивый, и отправил к нему в дом. А потом обратился к сорока гончарам:

— До времени трогать вас не буду. Оставляю поручителями за Плешивого. Но если он пиалу не починит, прикажу всех казнить.

Вернулся домой Плешивый, разделил среди гончаров скот и драгоценности, которые получил от шаха, и сказал им:

— Ну, мастера! Есть теперь у нас на что попить сорок дней и сорок ночей. Если я за эти сорок дней починю пиалу, еще больше богатств вам добуду. На всю жизнь хватит!

Отнес Насыр в свою бедную хижину осколки пиалы, положил их на полку и оставил там. Живет себе, пирует, а пиалу и не думает чинить. Гончары успокоились, решили: «Починит он пиалу». Нарядились в праздничные одежды, устроили пиршество и забыли о заботах.

И только когда прошло двадцать дней, они задумались: «Починит Плешивый пиалу или нет?» Заглянули они в его хижину. Пришли, смотрят — Насыр как ни в чем не бывало дремлет на боку, а черепки так и лежат на полке, только пылью покрылись. Удивились гончары и спрашивают:

— Ты что же, Плешивый, пиалу не чинишь? Когда же за нее возьмешься?

— Починю как-нибудь, — говорит Насыр. — Идите веселитесь, здоровы будьте и не беспокойтесь.

Видят гончары, что толку от их разговоров нет, и ушли. Наконец подходит сороковой день. Опять пошли гончары к Насыру. А он спит.

— Эх, Плешивый! — рассердились гончары. — Ты все еще пиалу не починил. Вставай сейчас же, берись за работу!

— Э, мастера. хватит вам напоминать мне, как-нибудь починю, — ответил Насыр.

Поднялся он, постелил гостям коврик, пригласил садиться. Уселись гончары на коврик. Насыр им говорит:

— Об этом надо подумать вам самим. Вы мастера, а я только ученик.

От этих слов у гончаров сердце екнуло, а Насыр такую речь повел:

— Если сами мастера не могут, что же сумеет ученик? В тот день я стоял перед шахом и думал: погубит он вас всех. Жалко мне вас стало. Уж если приходится людям зря помирать, так пусть они хоть перед смертью проживут, повеселятся, поедят сытно. Вот все богатство между вами и поделил. Ну, а теперь зачем вы пришли? Чего вы еще от меня хотите? Я какой был, такой и остался.

Гончары подумали: «Ничего теперь не поделаешь, на этот раз придется погибнуть», — и разошлись по домам. А Насыр лег спать.

В полночь он вспомнил про пиалу, встал, ледяной водой умылся и подумал: «Сколько людей из-за этой разбитой пиалы жизни лишились! Что же это будет, если я пиалы не сделаю». И с таким жаром взялся он за работу, что не успел оглянуться, как изготовил новую пиалу не хуже той, что была у шаха. Поглядел на нее Насыр, и она ему не понравилась. Бросил он ее на пол, и разбилась она на мелкие кусочки. Сделал Насыр тотчас же другую пиалу, но и она ему не понравилась. Он и ее разбил. Изготовил он третью пиалу. Такая она вышла красивая, что в сравнении с ней прежняя шахская пиала была все равно что глиняная миска.

По бокам у новой пиалы были цветы, а внутри все предметы отражались, разными красками переливались. И еще было у нее такое свойство: посмотришь на нее с правой стороны — как будто у тебя в руке не одна пиала, а семь, посмотришь с левой стороны — опять только одна пиала видна.

Подержал Насыр пиалу перед глазами и сказал сам себе: «Да, вот теперь такая пиала получилась, как я хотел». Завернул ее осторожно в кисею и лег спать.

Наступило утро. Приехали в кишлак шахские слуги и прямо к Плешивому в дверь стучатся. Насыр встал с постели и впустил их к себе.

— Ну что, Плешивый, починил? — спросили слуги.

— Починил, — ответил Плешивый.

Шахские слуги отвезли его в Коканд, во дворец. Шах сразу же увидел, что Насыр идет веселый, решил про себя: «Значит, починил пиалу», — обрадовался.

— Ну что, Плешивый, — спросил он, — починил?

— Починил!

Насыр передал завернутую в кисею пиалу прямо шаху в руки. Когда он раскрывал пиалу, задел ее ногтем. Пиала зазвенела, звон ее разнесся по всему дворцу.

Все приближенные сразу заговорили в изумлении: «Никогда такого приятного звона не слышали!»

Посмотрел шах на пиалу и от радости долго ничего сказать не мог. Наконец спросил он у своего визиря:

— Что же мы теперь Плешивому дадим?

— Ничего ему давать не нужно, — ответил визирь.

— Как так? — удивился шах. — Плешивый починил пиалу лучше, чем я того желал. Надо ему что-нибудь подарить.

— Нет, — твердил свое визирь, — ничего этот Плешивый не делал.

— Как так не делал? Откуда же пиала взялась?

— А вот откуда. Таких пиал было две. Одна у вас была и разбилась, а другую еще давно украл вор. Долго его поймать не могли, а теперь поймал. Вот этот Плешивый и есть вор. Вместо того чтобы чинить вашу пиалу, он привез вам украденную. Палачей ему надо, а не подарки.

— Правильно говоришь, — согласился шах. — Ну, я ему покажу!

И объявил своим приближенным:

— Драгоценных таких пиал во всем свете было только две. Одну из них давно украли, а другую разбили слуги. Долго мы вора не могли найти, а теперь он сам попался. Вот она, та пиала, которую у меня украли! А вот этот вор! — И шах указал на Плешивого.

Позвали палачей, схватили они Насыра, руки-ноги ему связали и повели на казнь.

Насыр закричал:

— Эх, милостивый шах, справедливый шах, одна у меня просьба есть!

— Какая там просьба, — разозлился шах. — Какая еще может быть у вора просьба?

— Прошу меня выслушать, а потом можете казнить.

— Ну ладно. Говори, только скорей, а то время идет.

— Просьба у меня такая, — сказал Насыр, — прикажите, пусть мне руки развяжут. Никуда я не убегу, мне только вам несколько слов сказать надо. Скажу, и тогда прикажите меня казнить. Когда казните, ничего уж просить не буду.

Дал шах приказ, развязали Насыру руки.

— Эй, милостивый шах, справедливый султан, — попросил Насыр. — Дайте мне еще раз перед смертью эту пиалу в руках подержать. Ничего больше просить не буду.

Дал шах пиалу Плешивому.

Взял ее Насыр и сказал:

— Ну, господин! Так, значит, эта пиала ваша?

— Ах ты, злодей! — закричал шах. — А то чья же еще. Конечно, моя.

— А у вас сколько было таких пиал? — спрашивает опять Насыр.

— Две, — ответил шах.

— Одну украли, а другая разбилась, так, что ли? — спрашивает Насыр.

— Ну да! — крикнул шах. — Эй, палачи, берите его!

Тогда Насыр сказал:

— Слушайте все, кто есть! Шах сказал, что у него было две пиалы. Одну пиалу украли, а другая разбилась.

И Насыр повернул пиалу направо — вместо одной пиалы стало семь. И шах, и визирь, и все люди, которые кругом стояли, поразились. Тогда Насыр обратился к шаху:

— Ну, милостивый шах, вот ваша разбитая пиала, возьмите ее себе. А это вот украденная пиала — отдайте ее вашему визирю, а эту дайте вашей жене, а вот эту — дочери, а эти две дайте жене и дочери визиря, там еще одна остается — отдайте ее вашей сестре. Теперь видно, что у вас, шах, не голова, а незрелая тыква.

Сказал так Насыр и поставил перед шахом в ряд все семь пиал. Увидев их, шах готов был сквозь землю провалиться, щеки у него покраснели, как раскаленный котел. Люди кругом ти-

хонько в рукав смеялись. А шах с места сдвинуться не мог. Наконец пришел он в себя и приказал отрубить визирю голову. Потом дал Насыру парчовый халат, всяких дорогих вещей и отпустил домой.

Вернулся Насыр в свой кишлак и раздал все эти дорогие вещи сорока гончарам.

СОРОКА-ОБМАНЩИЦА

Каракалпакская сказка

Жил когда-то один незадачливый старик. А незадачливый потому, что до старости был благодушным ротозеем.

Старик каждый год сеял джугару. Ровно столько, сколько надо было для пропитания ему и его старухе.

Но стеречь и собрать урожай старик не умел. Как только джугара начинала созревать, прилетала сорока и по зернышку склевывала все зерно.

Голодали всегда старик и старуха.

Однажды кто-то надоумил старика — на каждый стебель джугары поставить силок.

Урожай созрел, опять прилетела сорока и опять за джугару принялась. Клевала, клевала, но на последнем стебле запуталась в силке, и старик поймал ее. Решил он убить разорительницу его благополучия.

Взмолилась сорока:

— Не убивай меня, старик, я расплачусь с тобой. Дам я тебе волшебную скатерть. Будешь ты всегда сыт со своей старухой.

Подумал старик и согласился, отпустил сороку

— Мое жилище в той стороне, куда я полечу, — сказала сорока, — иди за мной следом. Только смотри — у меня злая собака. Если ее не задобришь, то не пройдешь ко мне, да и от меня не выйдешь.

Сказала и улетела. Что делать старику? Решил он зарезать единственного барана, чтобы угостить собаку. А старуха обозвала старика простофилей.

— Как же, — говорит, — джугары лишился, сороку упустил, а теперь и барана зарезать хочешь, а волшебную скатерть получишь ли? Да и есть ли она у сороки?

Старик барана зарезал, взял две ляжки и пошел искать жилище сороки. Долго ходил, но наконец пришел к воротам.

Только хотел зайти, как набросилась на него собака. Старик бросил ей баранью ляжку, и собака отстала.

Вошел старик во двор. Смотрит, сорока нежится на перине.

— Пришел, старик? Ну что же, получай волшебную скатерть. Смотри, что за чудо я даю тебе!

Взяла она скатерть и крикнула:

— Скатерть, раскройся!

Скатерть раскрылась, появились на ней разные кушанья, одно другого вкуснее.

Угостила сорока старика на славу.

После обеда сорока крикнула:

— Скатерть, закройся!

И скатерть снова закрылась.

Взял старик скатерть-самобранку и пошел со двора. У ворот на него набросилась злая собака, но он бросил ей вторую баранью ляжку и пошел по дороге.

Шел старик, шел, устал и прилег отдохнуть. Положил он скатерть в сторону и заснул. Проснулся он, когда солнце клонилось к закату.

Вернулся домой старик и еще с порога закричал:

— Эй, старуха! Мой скорее руки!

— Зачем? — спросила старуха.

— Будем обедать.

— Нечего у нас есть.

— Да уж я накормлю, — похваляется старик.

Вывыли руки, уселись. Старик расстелил скатерть и крикнул:

— Скатерть, раскройся!

А скатерть лежит, не раскрывается. Еще раз старик крикнул — то же самое. Он сам раскрыл скатерть, а в ней пусто. Так никакого обеда не получили.

Догадался старик, что, пока спал, прилетела сорока и скатерть подменила.

Вот что значит быть благодушным ротозеем.

КАК ПАСТУХ ХОДЖА НАСЫР ИЗБАВИЛ ХОРЕЗМ ОТ ВОЙНЫ

Каракалпакская сказка

Сидел на своем золотом престоле Хорезмский хан, дремал, бешбармак ел, подданными управлял, ни о чем не беспокоился.

Как вдруг приносит ему гонец письмо от Бухарского хана за семью печатями, на пергаменте. Встревожился Хорезмский хан, задумался:

«С чего бы Бухарскому хану мне письма писать? Не к добру».

Позвал он визиря и повелел снять те семь печатей и письмо прочитать вслух.

В том письме Бухарский хан писал:

«Эй, Хорезмский хан, прикажи, чтобы кони в твоей конюшне не ржали, а то в Бухаре все кобылы беспокоятся».

Перепугался Хорезмский хан.

— Не иначе, — сказал он визирю, — Бухарский хан хочет идти на Хорезм войной.

— Что же делать? — спросил визирь.

— Надо найти человека, чтобы он помирил нас с Бухарским ханом.

И Хорезмский хан приказал послать по всему Хорезму своих слуг. И чтобы те слуги, не медля ни дня, ни часа, нашли три вещи: во-первых, наихудшего из людей, во-вторых, наихудшую из птиц, в-третьих, наихудшую из трав.

— Найдите и доставьте! — приказал Хорезмский хан.

Побежали слуги по степи. Нашли самого грязного нищего и решили, что он и есть наихудший из людей. Поймали сороку и решили, что она наихудшая из птиц. Сорвали куст верблюжьей колючки и решили, что это наихудшая из трав.

Поехали обратно и радуются.

А на обочине дороги сидел молодой чабан Ходжа Насыр.

— Чего вы радуетесь? — спросил он у посланцев Хорезмского хана.

— Да вот велел нам Хорезмский хан привезти наихудшего из людей, наихудшую из птиц, наихудшую из трав. Нашли мы все, что повелел Хорезмский хан. Вот и радуемся.

— Напрасно радуетесь, — сказал Ходжа Насыр.

— Почему? — удивились ханские посланцы.

— Разве этот бедняга нищий наихудший из людей? — сказал Ходжа Насыр. — Конечно, самый плохой человек — это тот, кто, женившись, бросает родную мать.

— Ну и дурак ты, — засмеялись посланцы.

— Разве белобокая сорока наихудшая из птиц? — сказал Ходжа Насыр. — Самая плохая птица — курица. Она клюет навоз.

— Дурак ты, — возразили посланцы. — Курица полезная. У нее вкусное мясо.

— Разве верблюжья колючка наихудшая из трав? — продолжал Ходжа Насыр. — Ею кормится верблюд. Самая плохая трава — болотная осока.

— Ничего ты не понимаешь, — сказали посланцы и поехали.

Проехали немного, присели отдохнуть и давай советовать. Советовались, советовались и решили:

— А кто его знает, может быть, Ходжа Насыр и прав.

Прогнали нищего и взяли молодожена, откочевавшего от родной матери. Выпустили на волю сороку и посадили в хурджун курицу. Выбросили куст верблюжьей колючки и сорвали в болоте осоку.

Привезли все в столицу и доложили Хорезмскому хану.

Хан выслушал их и спросил:

— Кто вам дал такой совет?

— Да вот встретили мы пастуха по имени Ходжа Насыр, а он и посоветовал, — отвечали посланцы.

— Сейчас же приведите ко мне Ходжу Насыра! — приказал хан.

Слуги побежали в степь и привели Ходжу Насыра во дворец. Посмотрел на него Хорезмский хан и сказал:

— Сможешь ли ты, хитроумный Ходжа Насыр, избавить наше государство от беды?

— Смогу, — ответил Ходжа Насыр.

— Я пошлю с тобой двенадцать своих вельмож-мудрецов, чтобы они тебе помогли уговорить Бухарского хана не идти на Хорезм войной.

— Не надо.

— Я пошлю с тобой визиря правой руки, визиря левой руки, визиря северной стороны, визиря южной стороны.

— Не надо.

— Я пошлю с тобой старшего визиря, мудреца из мудрецов.

— Не надо.

— Я дам тебе сто коней, тысячу верблюдов, десять прекрасных рабынь, десять тысяч баранов в дар Бухарскому хану.

— Не надо.

— Что ты зарядил: «Не надо, не надо», — рассердился Хорезмский хан. — Делай как хочешь. Помиришь меня с Бухарским ханом, получишь полцарства, а не помиришь — голову долой.

Повернулся Ходжа Насыр и ушел из дворца. Вернулся к себе в степь, взял козленка, забрался на старого верблюда-крикуна и поехал через пустыню Кызылкум в Бухару.

Ехал-ехал, целый месяц ехал и приехал в Бухару.

Только он поехал по улице, как козленок закричал и собаки повыскакивали из-под подворотен и начали лаять.

Ходжа Насыр взял свой лук и стрелы и перестрелял всех бухарских собак.

Бухарский начальник побежал к Бухарскому хану и доложил:

— Приехал какой-то Ходжа Насыр и перестрелял всех собак в городе. Что прикажете делать?

— Подать Ходжу Насыра сюда, — повелел Бухарский хан.

Схватили Ходжу Насыра и приволокли во дворец. Закричал на него Бухарский хан:

— Ты, такой-сякой, как смеешь разъезжать по моим бухарским улицам и убивать моих бухарских собак!

— Великий хан, сказать, почему я в собак стреляю?

— Говори, — сказал Бухарский хан.

— Я пастух. Однажды ночью напал на мое стадо волк и, сколько ни лаяли собаки, утащил лучшего барана. С тех пор я невзлюбил собак и стреляю в них, где увижу.

— А где ты живешь? — спросил Бухарский хан.

— В Хорезме.

Удивился Бухарский хан:

— Ты, Ходжа Насыр, оказывается, глупый. От Бухары до Хорезма полтысячи верст. Как же наши бухарские собаки могли увидеть, как хорезмский волк загрыз твоего хорезмского барана?

Тогда Ходжа Насыр засмеялся и сказал:

— Великий хан, скажи тогда, а как твои бухарские кобылы могут за полтысячи верст услышать ржание наших хорезмских коней?

Удивился Бухарский хан уму Ходжи Насыра пастуха и понял, что он приехал неспроста.

— Скажи, — сказал хан, — а кто приехал с тобой из старших?

— Да вот мой старый верблюд-крикун вроде постарше меня будет.

Бухарский хан еще больше удивился и понял, что Ходжа Насыр приехал от Хорезмского хана послом один. Оказал хан высокие почести простому пастуху Ходже Насыру, каких не оказывают и старшим визирям, и помирился с Хорезмским ханом.

А когда Ходжа Насыр вернулся через месяц к себе в степь, то Хорезмский хан и не вспомнил о своем обещании отдать полцарства.

Хорезмский хан даже старого халата не пожаловал Ходже Насыру за то, что он избавил государство от беды.

КТО ЖИВЕТ С УМОМ

Каракалпакская сказка

Жили когда-то два джигита-бедняка. И была у них сестра. Братья джигиты нанимались к баям в пастухи. Один пас верблюдов, другой — овец. А сестра вела хозяйство: собирала в степи хворост, варила обед, валяла кошмы.

Жили они тихо.

Однажды мимо их юрты ехал один старый караван-баши. Водил он караваны купцов из Чимбая в Персию и обратно. Был он не богат и не беден, но жил в достатке и воспитывал единственного сына, которого очень любил и лелеял.

Проезжал караван-баши мимо юрты, где жили братья с сестрой, смотрит, у очага хлопочет девушка лет четырнадцати.

Подумал караван-баши: «Хороша девушка. Красавица. И с домашними делами быстро и толково управляется. Посватаю-ка я ее за моего сына».

На следующий день попросил он свою жену позвать всех девушек аула на угощение. Подсел он к ним, когда они пировали, и говорит:

— Девушки, скажите мне, что есть самое вкусное на свете?

Девушки засмеялись, зашумели. Одна говорит:

— Масло — самое вкусное.

Другая говорит:

— Молоко — самое вкусное.

Только бедная девушка сидит и скромно молчит, не торопится с ответом.

Караван-баши ее спрашивает:

— Дочка, что же ты не скажешь ничего? Что всего вкуснее, по-твоему?

Бедная девушка отвечает:

— Вкуснее всего соль.

Засмеялся караван-башни:

— Почему соль самая вкусная?

— А потому, — отвечает девушка, — что без соли у пищи вкуса нет.

А караван-баши и ждал такого ответа. Понял он, что бедная девушка не только красавица, не только хорошая хозяйка, но и умная. Заслал он к братьям бедной девушки сватов.

Братья спросили сестру. Она говорит:

— Сын караван-баши хороший джигит. Он мне по сердцу.

Братья вышли к сватам и объявили:

— Согласны мы сестру выдать за сына караван-баши.

Сваты спрашивают:

— А какой калым просите?

Переглянулись братья и снова пошли к сестре.

— Сваты про калым спрашивают, а мы и не знаем, что просить: стадо ли овец, деньги ли?

— Ничего не просите, — отвечает девушка, — кроме рыжей клячи и каурой клячи.

— Зачем нам они?

— Потом узнаете, — сказала девушка. — Пока на рыжей кляче будете юрту с места на место перевозить, а на каурой по степи с места на место ездить.

Вышли братья к сватам и передали ответ сестры. Вернулись сваты к караван-баши и объявили:

— Согласны братья девушку отдать за вашего сына.

— А калым какой просят?

— Рыжую клячу и каурую. Просто чудачки.

Покачал головой караван-баши:

— Ох, и умная девушка!

А те клячи — рыжая и каурая — были только с виду клячи, караван-баши ценил их больше всех других своих коней. Отдал он рыжую клячу и каурую клячу и устроил богатую свадьбу.

Зажили молодые душа в душу. Очень доволен был своей снохой караван-баши.

Наступила зима, и началась гололедица — джут. Снег превратился в лед, и овцы не могли пробить копытами корку — не достать травы. Опечалился народ:

— Беда пришла. Все овцы от бескормицы падут. Без скота останемся. Пропадем.

Собрал караван-баши у себя всех стариков, но никто не мог дать умного совета.

Тогда сноха сказала:

— Когда я ходила к Красным холмам, я видела дику

козулю с двумя козлятами. Наверно, они нашли место, где солнце растопило снег, и там кормятся.

Похвалил караван-баши бедную девушку, оседлал коня и поехал к Красным холмам. Скоро он нашел след козули и козлят, и они привели его в большое урочище, где не было льда и из-под снега можно было овцам достать корм.

Караван-баши обрадовался: «Вот умная у меня сноха. Сюда завтра же перекочую». Отметил место лошадиным пометом и повернул коня, чтобы вернуться в аул с радостной новостью.

Вдруг откуда ни возьмись набежали разбойники, стащили караван-баши с коня, бросили его на землю и хотели убить.

— Нет вам никакой пользы от моей смерти,— сказал караван-баши. — Есть у меня и кони, и овцы. Возьмите лучше за меня выкуп.

— А ведь верно, — решили разбойники.

Караван-баши сказал:

— Пошлите двух своих людей в аул. Только никому ничего не говорите, а разыщите мою сноху и передайте ей такие слова: «Перед входом в нашу юрту стоят два тополя. Один срубите и на верблюда навьючьте. В юрте стоят два пустых сундука. Один на верблюда навьючьте, подняв крышку, другой навьючьте, не поднимая крышки. Потом пусть приведут шестьдесят верблюдиц и посадят на них шестьдесят женщин. И пусть они ездят вокруг моей юрты».

Удивились разбойники:

— Темные твои слова, старик. Смотри, не дадут нам выкупа — не быть тебе живу.

Караван-баши сказал:

— Передайте снохе мои слова в точности. Она поймет, что делать.

Разбойники сели на коня караван-баши и поехали в аул. Нашли сноху и передали ей слова караван-баши.

Сноха оставила разбойников перед юртой, а сама позвала мужа и своих братьев и сказала им:

— Два тополя перед юртой — это те два приехавших от свекра разбойника. Два сундука — это свекровь и я. Шестидесят джигитов должны одеться в женскую одежду, взять оружие и сесть на верблюдов, ехать на выручку свекра.

Тут же ее муж и братья напали на разбойников. Одного убили, а другого заставили рассказать, где караван-баши. Шесть-

десять джигитов надели на себя женские платья, сели на верблюдов и под началом снохи и ее мужа погнали весь скот к Красным холмам. А своим братьям-пастухам сноха приказала взять оружие и скакать на рыжей и на каурой кобыле на выручку караван-баши.

Лишь теперь братья поняли, почему сестра приказала взять за калым таких кляч. Бежали они быстрее ветра и налетели на разбойников с яростью урагана. Пока братья рубились саблями, клячи рвали разбойников зубами, лягали копытами.

Когда разбойники увидели, что женщины на верблюдах гонят им отары баранов, решили, что это легкая добыча, бросились на них. Но джигиты схватили оружие и перебили всех разбойников.

Так умная девушка избавила народ от многих бед.

ТИГР, ВОЛК И ЛИСА

Уйгурская сказка

Как-то тигр, волк и лиса подружились. Пошли они вместе на охоту и поймали осла, барана и зайца.

Когда вернулись с охоты, тигр спросил своих друзей:

— Как мы поделим добычу?

Волк живо ответил:

— О таксыр! Ты велик и могуч, ты самый сильный из нас, поэтому тебе по праву принадлежит самая крупная добыча — осел, мы же меньше тебя и будем довольствоваться меньшим: я съем барана, а лиса, как самая маленькая, — зайца.

Тигр, услышав такой ответ, рассердился, бросился на волка и растерзал его. Затем, обращаясь к лисе, он спросил:

— А ты, лиса, как думаешь?

Лиса склонила голову и почтительно ответила:

— О мой таксыр! На завтрак скушайте осла, пообедайте бараном, а вечером, чтобы не отягощать перед сном свой царственный желудок, скушайте зайца.

— Кто научил тебя, лиса, так умно разделить добычу? — спросил, довольный ее ответом, тигр.

— О таксыр, меня научил этому волк...

КРАСАВИЦА КУНКЕЙ

Казахская сказка

У бедной старухи был единственный сын. Пас он однажды коз и увидел в степи стадо ланей. Среди них выделялась одна — пестрая, с золотыми рогами.

На другой и на третий день он ее снова увидел. Сказал юноша матери:

— Три раза я встречал пеструю золоторогую лань. Хочу поймать ее и отвести к хану. Наградит ли он меня за нее?

Мать ответила:

— Если сумеешь поймать, хан, наверное, наградит тебя.

На другой день поймал юноша пеструю золоторогую лань и повел ее к хану.

Возле дворца встретил юношу главный визирь и сказал ему:

— Отдай мне лань!

— Нет! — ответил юноша. — Я отдам ее только хану.

Взял хан золоторогую лань и спрашивает главного визиря:

— Скажи, чем наградить юношу?

— Ничего ему давать сейчас не надо! — ответил главный визирь. — Есть на белом свете подставка для золоторогой лани. Имеет она два крыла — одно позолоченное, другое посеребренное. Когда лань встанет на нее, украсит она дворец. Пусть вначале юноша принесет подставку. Тогда можно будет его наградить.

И сказал хан юноше:

— Где-то на белом свете существует для золоторогой лани подставка. Она имеет два крыла — одно позолоченное, другое посеребренное. Найди ее, и я тебя щедро награжу. А если не найдешь, сниму голову.

Загрустил юноша. Вернулся он домой и рассказал матери про поручение хана.

Мать успокоила его:

— Не горюй, сынок! Я сама пойду и поищу подставку для золоторогой лани.

Вот идет мать по степи. Видит — пасется стадо ланей, а неподалеку от стада сидит старуха и сшивает щель земли.

Присела мать рядом с ней и рассказала, куда и зачем идет.

Выслушала старуха и говорит:

— Можно твоему горю помочь. Неподалеку от Мысыра живет мастер. Только один он делает подставки для ланей. Дай своему сыну тысячу дилла, пусть он сходит к этому мастеру.

Вернулась мать домой. Распродала своих коз, нанялась в работницы к баю и набрала тысячу дилла.

Взял юноша деньги. Пошел искать мастера, живущего неподалеку от Мысыра. Нашел его и объяснил, какая требуется подставка для золоторогой лани.

Мастер пообещал:

— Я сделаю тебе такую подставку за тысячу дилла.

Отдал юноша деньги. Сделал мастер подставку. Только крылья у нее были простые.

Идет юноша домой. Видит, стоит на пути высокое дерево, а под деревом вырыты два глубоких колодца. В одном вода золотая, а в другом — серебряная.

Обмакнул юноша одно крыло в золотую воду, другое — в серебряную и понес к хану.

Поставил хан золоторогую лань на подставку. Засверкала лань так, что сразу весело стало во дворце.

Спрашивает хан главного визиря:

— Чем наградить старательного юношу?

— Ничем, — отвечает главный визирь. — Он пока недостоин награды. Надо ему дать еще одно поручение. В далекой стране под землею растет золотое дерево. Пусть он найдет его, принесет сюда и посадит перед дворцом. Тогда можно будет дать ему награду.

И сказал хан юноше:

— Найди золотое дерево, растущее под землей, и посади перед моим дворцом. Тогда я награжу тебя.

Пошел юноша искать золотое дерево.

Идет он несколько дней и встречает на своем пути старика. Спрашивает старик:

— Откуда и куда идешь?

Рассказал ему юноша.

Старик говорит:

— Я научу тебя, как достать золотое дерево. Иди прямо, пока не встретишь высокую гору. Когда ты подойдешь к ней, увидишь бегущего с горы зайца. Иди по его следу. Вбежит он в берлогу, и ты войди за ним. В берлоге будет две ямы. Заяц скроется в левую, а ты ступай в правую. Перед тобой откроется огромная пещера. В ней ты увидишь сорок разбойников. Они захотят тебя убить, но ты скажи им: «Я могу в один миг сварить обед!» Разбойники заставят тебя варить мясо, а сами будут наблюдать за тобой. Ты положи мясо в котел и ударь по котлу вот этой железной палкой.

Старик дал юноше железную палку и продолжал:

— Утром разбойники оставят тебя одного в пещере. В темном углу ты увидишь белый сундук. Открой его. В нем находится синий сундук. И его ты открой. В сундуке лежит завернутая в бумагу соль. Посоли ею мясо, которое варится в котле. Когда придут разбойники, накорми их. Они сразу умрут. Потом ищи в пещере золотое дерево. Когда найдешь, схватись руками за ствол, а ногами упрись в корни и закрой глаза. Золотое дерево окажется перед ханским дворцом!

Распрощался юноша со стариком и пошел своей дорогой. Подходит он к каменной высокой горе. Видит — с горы бежит заяц. Юноша помчался следом за ним. Вбежал заяц в берлогу, а юноша за ним. В берлоге, как говорил старик, оказалось две ямы. Заяц вбежал в левую, а юноша в правую. Увидел он огромную пещеру и сорок разбойников в ней. Разбойники захотели убить юношу, но он им сказал:

— Я в один миг могу сготовить обед!

Разбойники велели ему быстро сварить мясо, а сами стали смотреть, как он будет готовить.

Положил юноша мясо в котел и ударил по котлу незаметно железной палкой. Мясо мигом сварилось.

Разбойники подивились и решили не убивать юношу. Оставили они его у себя за повара.

Долго жил юноша в пещере.

Однажды он после обеда крепко уснул. И видит во сне старика, подарившего ему железную палочку.

Старик погрозил ему пальцем и сказал:

— Наелся мяса и забыл обо всем!

Испугался юноша. Проснулся и вспомнил поручение хана.

Стал он искать в пещере белый сундук. Нашел его в самом темном углу. Открыл и увидел в нем синий сундук. Открыл юноша синий сундук. На дне его лежал бумажный сверток. Развернул бумагу, а в ней — соль.

Закрыв юноша сундук, высыпал соль в котел и ждет, когда придут обедать разбойники.

Вот пришли они, сели за стол и говорят:

— Подавай мясо!

Подавал юноша. Поели они и умерли все.

Стал тогда юноша осматривать все углы пещеры. И нашел он в самом потайном месте золотое дерево.

Юноша обхватил руками его ствол, а ногами уперся в корни и закрыл глаза.

Сколько прошло времени — неизвестно.

Только когда он раскрыл глаза, увидел себя в саду перед ханским дворцом. Золотое дерево сверкало под первыми лучами солнца.

Проснулся утром хан. Подошел к окошку и видит — в саду растет золотое дерево.

Обрадовался он, призывает визирей и спрашивает:

— Как мне наградить юношу?

А визири от зависти позеленели. Задумали они погубить юношу — отправить на край света, чтобы он назад не вернулся.

Вот главный vizирь и говорит:

— Повелитель! Тебе уже много лет, а детей у тебя нет. В далеком ханстве под самым светлым солнцем живет красавица Кункей. Она может родить тебе наследника. Пошли юношу, пусть привезет он Кункей. Если выполнит это поручение, тогда можно будет его щедро наградить.

И послал хан юношу в далекое ханство разыскать красавицу Кункей, живущую под самым солнцем.

Отправился юноша в путь.

Повстречался ему великан. Стоит он и держит на каждой ладони по горе.

Спрашивает он юношу:

— Кто ты, куда идешь и откуда?

Рассказал юноша. Великан выслушал и говорит:

— Если ты ищешь красавицу Кункей, живущую под самым светлым солнцем, то я пойду вместе с тобой!

И пошли они дальше вместе.

Идут и видят джигита, лежащего на земле.

— Что ты делаешь? — спрашивает юноша.

— Я слушаю, не идет ли человек, который ищет красавицу Кункей. У меня такие уши, что я могу слышать любой шорох на земле и под землей.

— Тогда пойдем с нами. Я ее ищу!

Пошли они втроем. По дороге встретился им великан с огромными щеками. Во рту у него было два озера воды.

Спрашивает юноша:

— Что ты делаешь?

Ответил великан:

— Я жду человека, который ищет красавицу Кункей, живу-

щую под самым светлым солнцем. Когда он придет, я пойду с ним.

— Я ищу красавицу Кункей! — сказал юноша.

И пошли они дальше вчетвером.

Встречают по дороге скорохода. К каждой ноге его было привязано по скале. Но бежал он очень быстро.

Юноша спросил:

— Куда ты торопишься?

Скороход ответил:

— Я бегу навстречу человеку, который ищет красавицу Кункей, живущую под самым светлым солнцем.

— Тогда пойдем с нами! — сказал юноша. — Я ищу красавицу Кункей.

Пошли они дальше впятером. Встречают по дороге крылатого муравья. Он никак не мог выбраться из ямы со своими детенышами.

Юноша помог ему, и муравей сказал:

— Ты нас спас от смерти. Я никогда этого не забуду. Если случится у тебя беда, зажги мое крылышко, я явлюсь и помогу тебе.

Оторвал муравей одно крылышко и дал его юноше.

И пошли друзья дальше.

Красавица Кункей, жившая под самым светлым солнцем, была дочерью хана. А жил тот хан за высокими неприступными горами. Была у него огромная бурая собака. Если кто-либо шел к Кункей, желая ее похитить, собака чуяла врага за два дня пути и выбегала к нему навстречу. Как бы сильны и многочисленны ни были злоумышленники, никто не мог от нее уйти живым.

Почуяла бурая собака приближение юноши с его товарищами. Выбежала она к ним навстречу.

Видит великан облако пыли на дороге. Поднял он одну гору и бросил в злую собаку. Так и осталась она под горой навсегда, мертвая.

Пошли друзья дальше и дошли наконец до ханского дворца.

Принял хан неожиданных гостей и стал их расспрашивать, откуда они и как добрались до его владений.

— Мы ищем красавицу Кункей, которая живет под самым светлым солнцем!

Спросил хан:

— Встречалась ли вам в дороге бурая собака?

— Да попался навстречу какой-то щенок, — сказал юно-

ша. — Но мой друг бросил в него камешком, и он остался под ним.

Удивился хан богатырской силе своих гостей. Хорошо их принял, а на другой день собрал своих подданных и устроил байгу.

— Кто выйдет победителем в борьбе, — объявил хан народу, — тот получит в жены мою дочь Кункей.

И выставил хан со своей стороны могучего быка-борца.

Сказал юноша своему другу батыру-великану:

— Если победишь его, Кункей будет наша.

Подошел батыр-великан к быку, взял его за рога и победил в одну минуту.

Но хан не сдержал своего слова. Объявил он народу:

— Сейчас будут устроены бега. Кто придет первым, тому отдам мою дочь Кункей в жены.

Хан выставил колдунью-старуху, а юноша своего друга-сорохода. Начали они состязание. Колдунья взяла с собой две бутылки вина и напоила сорохода. Уснул тот на полпути, а старуха побежала дальше.

Говорит юноша своему другу, который мог слышать любой шорох на земле и под землей:

— Послушай, кто бежит впереди.

Приложил тот ухо к земле и отвечает:

— Нашего друга не слышно. Бежит одна старуха.

Тогда ударил юноша железной палкой по земле. Докатился гул до сорохода и разбудил его. Смотрит он — нет старухи. Помчался сороход, догнал свою соперницу и бросил ей в лицо горсть песка. Заревела старуха и схватилась за глаза. Осталась она сидеть на месте, а сороход прибежал первым.

Опять хан не сдержал своего слова. Спрятал он свою дочь и говорит:

— Кто найдет Кункей, тот будет ее мужем.

Опять друг юноши наострил уши и стал прислушиваться. Слышит он, как красавица вышивает в подземном дворце. Вот она уронила иголку на пол, и стук от падения иглы достиг ушей чуткого батыра.

— Пойдем поможем ей найти иголку! — сказал он.

Направились друзья в подземный дворец. Видит хан, что дело его проиграно, и приглашает гостей в железный дворец. Здесь он их сытно накормил и уложил спать.

А когда гости заснули, велел разложить вокруг дворца огромный костер. Решил он сжечь батыров.

Проснулись ночью друзья. Видят: дом охвачен пламенем. Растерялись они, не знают, что делать.

Но тут поднялся батыр, у которого за каждой щекой хранилось озеро воды. Мигом потушил он огонь.

После этого друзья снова легли спокойно спать.

А хан думал, что его гости давно сгорели.

Посмотрел он утром в окошко. Видит, юноша с друзьями спокойно выходит из железного дворца.

Но не хочет хан сдаваться. Новую хитрость придумал.

Собрал он в своем ханстве сорок красавиц, одел их в одинаковую одежду и посадил всех рядом на одну скамейку.

— Кто узнает среди сорока красавиц мою дочь Кункей, тот и будет ее мужем! — объявил хан.

Прошел мимо красавиц юноша один раз, прошел другой, никак не может узнать, какая из них Кункей.

Вспомнил он про муравьиное крылышко и сжег его.

Муравей тут как тут! Приполз он к ногам Кункей и остановился. Так юноша узнал солнечную красавицу.

Нечего делать хану. Пришлось отдать свою дочь юному джигиту.

Взяли с собой друзья красавицу и отправились в обратный путь.

Прошли они несколько дней, и первым отстал от них скороход.

Когда дошли они до большого озера, остался батыр, который за каждой щекой держал по озеру воды.

Потом отстал батыр, умевший подслушивать малейший шорох на земле и под землей.

Когда подошли к огромной горе — остался батыр-великан, который в каждой руке держал по большой горе.

Так юноша-джигит и красавица Кункей остались вдвоем.

Рассказал юноша девушке, куда он ее ведет и для кого. Выслушала Кункей и задумалась. Узнав о подвигах молодого джигита, она успела полюбить его.

Через несколько дней красавица спросила юношу:

— Много ли нам осталось пути до владений хана?

— Два дня!

— Тогда иди вперед и передай хану, пусть он сам выйдет

меня встречать и возьмет с собой главного визиря. Ты тоже меня встречай, но иди позади всех.

Пошел юный джигит и передал хану слова Кункей.

Хан взял с собой главного визиря и выехал навстречу красавице.

А Кункей была мудрая девушка и владела многими тайнами. Как только приблизился к ней хан, она обратила его в волка, а главного визиря в лису. Волк погнался за лисой, а девушка взяла юношу за руку, и пошли они в ханский дворец.

Народ провозгласил молодого джигита своим ханом.

После этого он женился на красавице Кункей и устроил большой пир.

ЧУДЕСНАЯ ШУБА АЛДАРА-КОСЕ

Казахская сказка

Только в лисьей шубе в такую холодную зиму нельзя было замерзнуть! А в дырявой-предырявой шубенке Алдар-Косе мерз каждый день.

Ехал он раз по степи — руки, ноги озябли, нос посинел, скорей бы до теплой юрты добраться.

Ветер свистит, за уши хватает. А в степи нигде не видно дыма над аулом.

Напрасно махал камчой Алдар-Косе — старый тощий конь не мог бежать. Взмахнет он гривой и опять шагом идет.

«Плохой конь — долгая дорога, — качая головой, — говорил сам себе всадник. — Ехать еще далеко, собачьего лая не слышно, и ни одной юрты в степи нет. Пропадешь при таком морозе!»

Вдруг увидел он: едет навстречу всадник. По хорошему бегу коня Алдар-Косе догадался, что едет бай. Хитрец сразу же смекнул, что делать. Он распахнул свою дырявую шубенку, выпрямился в седле и запел веселую песенку.

Встретились путники, остановили коней и поздоровались.

Бай в теплой лисьей шубе ежится от холода. Алдар-Косе шапку набок сдвинул, отдувается, точно сидит на солнцепеке в летний жаркий день.

— Неужели ты не замерз? — спрашивает бай хитреца.

— Это в твоей шубе холодно, а в моей очень жарко, — отвечает Алдар-Косе.

— Как же может быть в твоей шубе жарко? — не понимает богач.

— Разве не видишь?

— Вижу, что вороны рвали твою шубенку и в ней дыр больше, чем меха!

— Вот и хорошо, что дыр много. В одну дыру холодный ветер входит, в другую выходит. А мне тепло остается.

«Надо у него эту чудесную шубу выманить», — думает бай.

«Вот тепло будет, если байскую шубу надеть!» — размышляет про себя хитрец.

— Продай мне твою шубу! — сказал бай Алдару-Косе.

— Не продам. Я без своей шубы сразу замерзну.

— Не замерзнешь! Возьми в обмен мою лисью шубу, — предложил бай. — Она тоже теплая.

Алдар-Косе сделал вид, что и слышать не хочет. А сам одним глазом смотрит на теплую шубу, а другим на байского скакуна любителю.

— Шубу отдам и денег прибавлю! — стал соблазнять бай.

— Денег мне не надо. Вот если коня дашь в придачу, тогда подумаю.

Обрадовался бай, согласился. Снял свою шубу и отдал коня.

Надел Алдар-Косе лисью шубу, пересел на байского скакуна и помчался, обгоняя ветер.

Хорошо теперь было Алдару-Косе ездить от аула к аулу в теплой шубе, на хорошем коне.

В каждой юрте спрашивали у хитреца:

— Откуда у тебя лисья шуба и конь-бегунец?

— Сменял на чудесную шубу, в которой было семьдесят дыр и девяносто заплат...

Потешая людей, Алдар-Косе рассказывал, как бай накинута на его дырявую шубенку и отдал ему свою лисью.

Смеялись люди, угощая кумысом хитреца. Когда смех ослабевал, Алдар-Косе каждый раз повторял:

— Далекий путь или близок, узнает тот, кто проедет. Горькую еду от сладкой отличит тот, кто поест!

ХАН И МУДРЫЙ ВИЗИРЬ

Казахская сказка

Жил на свете хан. Главным визирем у него был мудрый человек.

Когда хан отправлялся осматривать свои владения, он всегда брал с собой визиря.

Однажды сказал ему мудрый визирь:

— Переоденемся в лохмотья, повелитель, тогда мы лучше узнаем, что думает народ о тебе и твоих правителях.

Согласился хан. Переоделись они и пошли по аулам.

Вот подошли хан и визирь вечером к одинокой юрте бедняка. Попросились переночевать. Хозяин отказал — жена его в этот час собралась родить, но роженица сказала:

— Пусти их. Нехорошо отказывать путникам в ночлеге.

И муж пригласил хана с визирем в юрту.

Вошли гости, легли отдыхать. Вдруг слышат они крик новорожденного. Хозяйка родила сына.

Визирь рассмеялся.

Удивился хан. Он знал: мудрый визирь без причины не станет смеяться.

— Чему ты смеешься? — спросил хан.

— Я подумал о том, что этот младенец будет твоим зятем и моим повелителем! — ответил визирь. — И мне стало смешно: насколько может быть изменчивой человеческая судьба.

— Никогда этого не будет! — воскликнул хан. — Как могу я выдать свою единственную дочь за сына нищего!

— Все может быть на свете! — сказал мудрый визирь. — Никто не знает утром, что случится вечером.

Слова его обеспокоили хана. Решил он купить мальчика и убить его.

Наступило утро. Собрались гости уходить. Сказал хан хозяевам:

— Продайте мне новорожденного. Я дам за него слиток золота величиной с лошадиную голову.

Жена сказала мужу:

— У нас еще будут дети. Пусть гость даст слиток золота величиной с тебя, и мы отдадим ему мальчика. У богатого человека сыну будет неплохо.

Согласился бедняк.

Купил хан ребенка, положил его в сундук и бросил в речку.

Доплыл сундук до сетей и застрял.

Пришел рыбак, стал осматривать сети и увидел сундук. Поднял он крышку, а там маленький ребенок лежит.

У рыбака было своих восемь детей, жила семья его впроголодь. Где уж тут девятого выкормить! Хотел рыбак снова сундук в воду бросить, но жена не позволила.

— Раз судьба привела его в наш дом, пусть живет и растет у нас!

И стало в его семье одним сыном больше.

Прошло несколько лет. Хан вместе с мудрым визирем объезжал свои владения. Остановились они напоить коней.

Прибежали дети рыбака посмотреть на двоих богато одетых всадников.

Визирь увидал ребят и засмеялся.

— Чему ты смеешься? — спросил хан.

Ответил ему мудрый визирь:

— Посмотри, повелитель, вон на тех ребят. Видишь среди них красивого мальчика?

— Вижу, — сказал хан.

— Этот мальчик будет твоим зятем.

Рассердился хан:

— Что ты все время сулишь мне нищих в зятя! Никогда не отдам я свою дочь за бедняка.

— Не всегда судьба человека в нашей воле! — ответил визирь.

Забеспокоился хан. Позвал он рыбака и спросил:

— Чей этот мальчик?

— Сейчас мой сын, а нашел я его в сундуке.

Еще больше забеспокоился хан:

— Продай мне его. Я дам тебе слиток золота величиной с тебя.

Рыбак с радостью согласился.

Отправил хан мальчика к своему младшему визирю с письмом.

«Немедленно умертвить подателя письма!»

Пришел мальчик к младшему визирю, передал письменный приказ хана. Жалко стало визирю убивать красивого мальчика, и оставил он его у себя.

Прошло еще несколько лет.

Мальчик превратился в красивого, статного юношу.

Увидел его однажды хан возле своего дворца и узнал в нем сына рыбака.

— Почему ты не выполнил моего повеления?

Признал визирь свою вину. Упал перед ханом на колени:

— Прости меня, повелитель! Не поднялась у меня рука убить такого прекрасного и умного мальчика.

Решил хан повесить юношу. Призвал он его к себе, но в этот час прискакал гонец и сообщил, что враг перешел границу и громит аулы.

Не успел хан казнить юношу. Написал он записку и велел отнести ее мудрому визирю, а сам отправился в поход.

Взял юноша записку. Идет через ханский сад. Прилег на траву под деревом и заснул.

А в саду в это время дочь хана гуляла с подругами. Одна из них увидела спящего юношу и позвала ханскую дочь.

Девушка поразилась его необыкновенной красотой и сразу полюбила. Наклонилась она и поцеловала юношу. Тут заметила дочь хана письмо в его руках. Развернула его красавица и увидела приказ о казни юноши.

Разорвала она ханский приказ и вместо него написала новый:

«Предъявитель письма должен быть моим зятем. Приказываю обвенчать с ним мою дочь и устроить большой пир!»

Вложила дочь хана новый приказ в карман юноши, а сама с подругами ушла во дворец.

Проснулся юноша и отнес приказ к визирям.

Вместо виселицы попал он на богатый пир и сделался мужем ханской дочери.

Три года воевал хан с врагами.

А ханская дочь за это время родила двух сыновей.

На четвертый год пришло известие, что хан возвращается с победой домой.

Встревожилась ханская дочь и говорит мужу:

— Мой отец — человек жестокий. Но, может быть, он смягчится, когда увидит своих внуков. Возьмем сыновей и поедем к нему навстречу.

Так и сделали. Взяли они своих детей и поехали встречать хана. Но хан даже не пожелал взглянуть на внуков. Разгневался он на дочь, что она самовольно вышла замуж за бедняка.

Позвал хан к себе вечером визиря и сказал:

— Рано утром, как только откроется пекарня, первого человека, который в нее заглянет, надо сжечь в печи. Кто бы ни пришел, приказ мой выполнить в точности!

Визирь немедленно передал пекарям повеление хана. А ночью хан позвал мужа своей дочери и сказал:

— Пойди в пекарню, дождись, когда откроют дверь, и первым войди в нее. Узнай, как пекари работают и выполняют мои приказы.

Пошел муж ханской дочери выполнять повеление хана. Шел он через сад и слышал — поет соловей. Так хорошо пел соловей, что зять хана сел под деревом и стал слушать — забыл, куда шел.

А хану очень хотелось поглядеть, как сгорит его зять. Отправился он в пекарню. Только переступил порог, как пекари его схватили под мышки и бросили в печь.

Послушал ханский зять соловья, вспомнил про приказ хана и побежал к пекарне. Прибежал, говорит пекарям:

— Я пришел узнать, как вы работаете и выполняете повеления хана.

— Приказ выполнен в точности. Первый человек уже брошен в печь.

Утром придворные стали искать хана — и узнали, что он сгорел. Собрался народ, чтобы выбрать нового правителя.

Вышел на площадь мудрый визирь и сказал:

— Самый умный и честный среди нас — зять покойного хана. Он достоин стать нашим повелителем.

И народ выбрал сына бедняка своим ханом.

ТРИ ОХОТНИКА

Казахская сказка

Жили на свете три охотника — два бородатых и один безбородый. Как-то раз они отправились в степь стрелять птиц. Весь день проходили напрасно и только под вечер случайно подстрелили дрофу.

Вот поставили охотники шалаш, развели костер, хотели было разделить дрофу, да и стали в тупик: дрофа ведь одна, а их трое.

Бородатые тогда и говорят:

— Пусть дрофа достанется тому, кто дольше всех просидит молча, не скажет ни слова.

— Ладно, — соглашается безбородый, — будет по-вашему.

Уселись они перед костром, молчат, точно у каждого камень во рту, и только посматривают друг на друга — кто же первый заговорит?

Час прошел, другой прошел, третий — никто не раскрывает рта. Тогда безбородый молча взял дрофу и стал ее ошипывать.

Бородатые смотрят на него и ни гугу. И только когда он обсосал последнюю косточку, бородатые завопили в один голос:

— Да как ты смел против уговору съесть дрофу! Ведь это разбой! А безбородый смеется:

— Вы, видно, забыли уговор, если злитесь на меня. Было сказано — кто дольше промолчит, тот получит дрофу. Верно? Вы первые начали драть глотки. Стало быть, дрофа моя. Так о чем же тут еще спорить?

Почесали бородатые свои бороды и видят — попали они впросак. Пришлось им лечь спать с пустым желудком. На другой день подстрелили охотники двух гусей и одного куличка.

— Как же мы разделим добычу? — спрашивают бородачи.

А безбородый отвечает:

— Вас двое, а я один. Гусей тоже двое, а куличок один. Возьмите себе куличка, а я возьму двух гусей. Тогда нас будет трое и вас трое.

— Э-э-э, брат! — сказал бородатый. — Ты, кажется, хочешь нас надуть. Всякий скажет, что гуси лучше куличка.

Безбородый и глазом не моргнул.

— Это верно, — сказал он, — гуси лучше куличка. Так ведь и вы лучше меня. Вот я и предлагаю вам вместо себя куличка, а себе вместо вас беру гусей.

Переглянулись бородатые — будто и правильно рассуждает безбородый. Почесали они бороды, вздохнули и принялись за куличка. А безбородый вдоволь наелся гусятины.

ПОЧЕМУ ВЕРБЛЮД ОГЛЯДЫВАЕТСЯ, КОГДА ПЬЕТ

Казахская сказка

Раньше верблюд был красавцем. У него были ветвистые рога и длинный густой хвост.

Однажды пришел он к речке напиться. Пьет и любуется собой.

Вдруг к нему подбегает олень:

— Милый верблюд, мне надо сегодня в гости сходить. Дай мне твои рога на один вечер!

Верблюд отдал олень рога.

Конь в те времена был бесхвостый. Подбежал он к верблюду и попросил на один день черный шелковистый хвост. Верблюд отдал ему хвост.

Прошло много времени. Не отдают верблюду его рога и хвост.

Когда он напомнил оленю о долге, тот насмешливо ответил:

— Я отдам рога, когда хвост у тебя вырастет до земли.

А конь сказал:

— Я отдам хвост, когда у тебя вырастут рога.

С тех пор верблюд, когда пьет в реке, всегда оглядывается.

Это он ждет своих должников.

ГЛУПЫЙ ВОЛК

Казахская сказка

Жил на свете глупый волк. Встречает он однажды козу и говорит ей:

— Сейчас я тебя съем.

— Ну, что ж, если такова моя судьба— я согласна. Но только я очень худа и стара. Если ты можешь подождать немного, то я сбегаю домой и пришлю тебе свою доченьку. Мясо у нее нежное, молодое.

Волк согласился, отпустил козу и лег под кустом. А коза побежала в стадо и рассказала про волка пастуху. Пастух дубиной избил волка. Тот еле унес ноги.

В другой раз волк встречает овцу.

— Овца, — говорит он, — я сейчас тебя съем.

— Ну, что ж, — отвечает овца, — от судьбы не уйдешь, только позволь мне перед смертью потанцевать.

Волк согласился. Стала овца танцевать вокруг волка. Танцу-

ет, а сама круги делает все больше и больше и наконец убежала. Опять остался волк без обеда.

Бредет он дальше по степи. Лошадь пасется. Подошел волк к ней и говорит:

— Лошадь, я тебя сейчас съем.

— Хорошо, — говорит лошадь, — только прошу тебя — начинай есть меня с хвоста, а голова пусть еще попасется.

— Ладно, — согласился волк и подошел к хвосту.

Лошадь ударила его задними копытами. Тут волку и пришел конец.

НАХОДЧИВОСТЬ МОЛОДУХИ

Киргизская сказка

В давние времена жил-был спесивый бай. Звали его Мырза.

Подъехал он к юрте.

К нему навстречу вышла молодая хозяйка, приняла повод лошади, почтительно пригласила гостя войти.

Мырза вошел в юрту и чванливо спросил:

— Куда бы повесить переметную суму?

— Если в юрте из восьмидесяти жердей вы не найдете места для сумы, вам придется повесить ее себе на шею.

Бай не нашел, что ответить, и промолчал.

Хозяйка усадила бая на почетное место, подала большое блюдо с мясом.

Мырза взял мозговую кость, обглодал ее, стал выколачивать из нее жир. Тогда молодуха поставила перед гостем миску с топленным маслом и сказала:

— Кажется, вы добираетесь до жира. Зачем трудиться, лучше откушайте готовое масло.

И на этот раз гость не нашелся, что ответить.

Когда Мырза собрался в обратный путь, молодуха подвела к нему оседланного коня. Едва бай успел вскочить в седло, как хозяйский пес с громким лаем вцепился в стремя. Мырза огрел пса кнутом по голове. Пес взвыл.

Хозяйка ласково сказала собаке:

— Не плачь, Мангыт, не скули. Побой старшего брата следует переносить молча.

Зазнавшийся бай снова вынужден был промолчать и уехал, трижды посрамленный находчивой молодой.

КОЗА И ТРИ БРАТА

Персидская сказка

Было это или не было, жил когда-то один портной с тремя сыновьями, которые помогали отцу в его мастерской.

Однажды портной купил козу, чтобы каждое утро доить ее, заквашивать кислое молоко и есть его с лепешкой.

Купив козу, портной велел своим сыновьям по очереди отводить ее утром пастись в поле, а вечером приводить в хлев.

В первый день была очередь старшего сына. Он отвел козу на луг, где она паслась, пока не наступил вечер, и наелась досыта. Вечером сын портного спросил у козы:

— Сыта ли ты, козочка?

— Я так наелась, — ответила коза, — что в брюхе у меня нет места и листочку.

— Что ж, если так, то пойдем домой.

Он взял козу за веревку, привел домой и привязал в хлеву, а сам отправился к отцу.

Отец спросил у него:

— Сыта ли коза, сынок?

— Да, — ответил сын, — она так наелась, что у нее в брюхе не осталось места и одному листочку.

Чтобы самому убедиться в этом, портной пошел в хлев и спросил козу:

— Сыта ли ты, козочка?

— Как же я могла насытиться? Разве на камнях и скалах можно найти травку? Он привязал меня среди скал и камней. Как я ни прыгала то в одну сторону, то в другую, я не смогла достать и травинки.

Отец рассердился, схватил аршин и накинулся на старшего сына:

— Ах ты обманщик! Разве я не велел тебе отвести козу и хорошенько ее попасти? Это так ты выполнил, что я тебе наказал, оставил животное голодным! А теперь еще лжешь?

Сын хотел что-то сказать, но отец не позволил.

— Клянусь аллахом, уходи из моего дома! — закричал он.

Сыну ничего другого не оставалось, как уйти.

На следующий день была очередь второго сына.

— Сынок, — сказал ему портной, — ты не поступай так, как

твой старший брат. Отведи козу в такое место, где много травы, дай ей поесть вволю.

Сын повиновался.

Он повел козу в степь и пас ее до вечера. Когда солнце стало садиться, он спросил у нее:

— Сыта ли ты, козочка? Если ты сыта, пойдем домой.

— Да, — ответила коза, — я так наелась, что мне даже противно смотреть на траву.

Юноша привел козу домой и привязал ее в хлеву.

Портной спросил у него:

— Сыта ли козочка, сынок?

— Да, отец, она так наелась, что ей даже противно смотреть на траву, — ответил сын.

— Пойду-ка я сам спрошу у козы, — сказал портной.

Пришел портной в хлев и спросил:

— Сыта ли ты, козочка?

— Как же я могу быть сыта, — сказала коза, — разве на садовой стене растет трава, которую можно съесть и насытиться? Он отвел меня и привязал у садовой стены, я тыкалась мордой в разные стороны, чтобы хоть что-нибудь схватить, но ничего не могла найти.

Отец рассердился, взял аршин и накинулся на среднего сына со словами:

— Ах ты лжец! Разве я тебе не говорил: «Выведи это животное и попаси его, чтобы оно наелось досыта»? Так-то ты выполнил мое приказание! Оставил козу голодной? А теперь ты еще и лжешь!

Сын хотел что-то возразить, но отец сказал ему:

— Клянись аллахом, уходи и ты из моего дома.

Поневоле и этот сын ушел из дома.

На следующий день настала очередь третьего сына, самого младшего. Отец сказал ему:

— Сынок, ты не делай так, как сделали твои братья! Дай козе после таких двух дней досыта поесть травы.

— Слушаюсь, отец! — сказал сын и повел козу пастись в поле.

Приведя козу, он сказал ей:

— Козочка! Ешь сколько можешь!

Коза паслась до вечера. Тогда мальчик спросил ее:

— Если ты сыта, то пойдем домой?

Коза ответила:

— Да, я так сыта, что не могу смотреть на траву.

— Ну, если так, то пошли домой.

Он потянул ее за веревку и отвел в хлев.

Портной спросил его:

— Сыта ли козочка, сынок?

— Она так сыта, что не может даже смотреть на траву.

— Все же я сам спрошу ее.

Он пошел в хлев и спросил:

— Сыта ли ты, козочка?

— Разве речная вода приносит траву, чтобы я могла наестся? Твой сын повел меня на берег реки и привязал там. Сегодня я даже не видела зелени.

Отец очень рассердился и на этого сына и, как старших двух сыновей, выгнал его из дома.

Теперь остались портной и коза вдвоем. На следующий день портной сказал:

— Ну, козочка, сегодня я сам отведу тебя в поле, выпущу на травку, чтобы и для тебя наступил праздник после поста и ты наелась бы досыта.

Он отвел козу в поле. Коза до самого заката паслась на таких местах, где была зеленая, свежая трава.

— Сыта ли ты, козочка? — спросил ее портной.

— Я так сыта, — ответила коза, — что целую неделю мне не захочется травы.

Портной обрадовался, привел козу домой и оставил ее в хлеву. Когда он захотел уйти, то по привычке спросил и на этот раз:

— Ну, а теперь сыта ли ты, козочка?

Коза привыкла говорить неправду, поэтому ответила:

— Как же я могла насытиться? Разве на солончаковой почве растет трава, чтобы я поела досыта?

Портной удивился. Он понял, что коза с самого начала говорила неправду и что он напрасно прогнал своих сыновей из дома.

— Погоди же, я тебе покажу, негодная лгунья, — сказал он, — из-за тебя я обрек своих сыновей на скитание в пустыне. Я так тебя накажу, что, пока существует мир, рассказ об этом будет переходить из уст в уста, а потом об этом станут рассказывать сказки.

На другой день утром он принес воды, хорошенько смочил козе голову, взял индийский меч и обрил ей начисто голову,

так, что на ней и с ладонь не осталось шерсти. Потом он взял плетку и так начал ее лупить, что у козы глаза на лоб полезли. Коза только блеяла и кричала. Когда она не могла уже больше терпеть, она вырвала столб, к которому была привязана, и стремглав обратилась в бегство, словно к своим четырем ногам заняла еще четыре.

Дети ушли, коза ушла, остался портной один. Лавка и мастерская опустели. Опечаленный, с утра до ночи сидел он в лавке, разговаривал сам с собой и думал. Ночью в одном из углов он устраивал себе постель и укладывался спать.

Теперь послушайте немного о сыновьях портного.

Старший сын, уйдя из дома, отправился в другой город и поступил в ученики к меднику. Он горячо принялся за дело, почитал мастера, пока не научился мастерству медника и лудильщика.

Однажды он пришел к мастеру и сказал:

— Дорогой учитель, позволь сказать!

— Говори, — разрешил мастер.

— Я здесь затосковал. Хочу в знак благодарности поцеловать тебе руку и уйти из этого города.

— Ну, что ж, пусть хранит тебя аллах, — ответил мастер, — иди куда тебе хочется. Так как я был тобой доволен, то дам тебе на память котел и шумовку, но с тем условием, чтобы ты оценил их по достоинству.

— Разве в них есть что-нибудь особенное, что ими следует дорожить?

— У них удивительные свойства. Стоит лишь постучать шумовкой по котлу и сказать: «Еда, появись!» — как сразу же из котла в тарелки начнет переходить плов с самыми различными подливками и на любое количество людей. Тарелки сами станут в порядке на скатерть. Если же тарелка опустеет, то она сама приблизится к котлу, наполнится снова и вернется на прежнее место, пока человек не насытится.

Юноша взял котел с шумовкой, поцеловал мастеру руку и отправился в путь. Про себя он думал:

«Все усилия людей направлены на то, чтобы добыть кусочек хлеба и наполнить свой желудок. Слава аллаху, мы приобрели такую вещь, что нашему роду и всем его потомкам хватит еды до самого дня страшного суда. Если так, то я вернусь к своему отцу. Может быть, и он соскучился обо мне, как и я о нем, и перестал сердиться».

Юноша шел все дальше и дальше, пока не пришел в караван-сарай¹ «Михманкош»², находившийся вблизи от его родного города.

Он вошел в караван-сарай и увидел, что здесь собралось много путешественников. Каждый из них, сложив свою кладь в стороне, ставит на очаг котлы и котелки и готовит ужин.

Он тоже уселся в углу и поставил перед собой котел и шумовку. Когда те, кто сидел к нему поближе, увидели, что он не ставит свой котел на очаг, то пожалели его и, когда их еда была готова, пригласили:

— Во имя аллаха, пожалуйста, отведай!

Однако юноша отказался от их приглашения и в свою очередь пригласил их сам:

— Мне не хочется. Пожалуйста сюда, я приготовлю вам все, что вы захотите.

— Как ты сможешь приготовить? — удивились они.

— Пожалуйста сюда, — повторил он, — и вы сами убедитесь.

Они пришли и уселись в кружок. Юноша расстелил скатерть, потом шумовкой ударил по котлу и сказал:

— Еда, появись!

Из котла в тарелки перешел плов и подливки для всех, кто там сидел. Еды было столько, что все насытились. Видевшие такое очень удивились. Весть об этом быстро распространилась по караван-сарая, пока не дошла до его владельца.

Он решил любым способом отнять котел с шумовкой!

Хозяин подождал, пока все заснули, и подошел к юноше. Убедившись, что котел с шумовкой стоит у стены, а юноша крепко спит, он взял из амбара простой котел с шумовкой такого же размера, оставил их возле юноши, а его котел с шумовкой спрятал к себе в амбар.

Наутро путники поднялись, увязали свои узлы и котомки и отправились в путь. Вечером того же дня юноша достиг своего города и сразу же направился домой. Он постучался и вошел.

При виде сына слезы радости заблестали у отца на глазах. Он обнял сына.

— Добро пожаловать! — И вознес хвалу аллаху.

— Ну, сынок, — попросил он, — поведай, а я послушаю, где ты был это время? Что делал? Какой привез гостинец?

¹ Караван-сарай — постоялый двор.

² Михманкош — убивающий постояльцев.

Сын принялся рассказывать:

— Я жил в таком-то городе, работал подручным у медника, тебе в подарок я принес котел с шумовкой.

— Что ж, — сказал портной, — ремесло медника хорошее, можно заработать на хлеб. Но неужели ты не принес ничего другого, кроме котла и шумовки?

— Этот котел с шумовкой стоит целого мира! Если ты захочешь какое-нибудь кушанье, то стоит лишь постучать шумовкой по котлу и приказать, как сразу же это кушанье появится. Завтра же пригласи на обед всех родственников, и я покажу тебе свойства моего котла.

На следующий день портной пригласил всех родственников. Они собрались ко времени послеполуденной молитвы. Сын расстелил большую скатерть, принес котел с шумовкой, особым приемом ударил шумовкой по котлу и приказал:

— Еда, появись!

Но в котле ничего не появилось. «О горе! — подумал он. — Отчего же это?» Тогда он постучал сильнее, сказал громче — опять ничего нет. Ему стало стыдно, отец рассердился, родственники посмеялись над ним и ушли.

Юноша поразмыслил и понял, что это хозяин караван-сарая подменил котел с шумовкой.

Второй сын, уйдя от отца, тоже пошел в какой-то город и стал учеником мельника. Он очень старался, почитал мельника и спустя некоторое время сказал ему:

— Если вы позволите, я пойду навещу своего отца. Я уже давно не видел его и очень соскучился.

— Хорошо! — согласился мельник и добавил: — Так как я был доволен тобой — ты честно мне служил, — то я подарю тебе осла, но ты не должен бить его по ногам и тяжело нагружать.

— Зачем же мне нужен такой осел? — спросил юноша.

— О, ты не знаешь! Это такой осел, который будет давать тебе ашрафи.

— Каким же образом?

— Расстели на земле покрывало, поставь посредине эту бессловесную тварь, подними его правую переднюю ногу и трижды прочти заклинание: «Аччи, маччи, латерачи»¹. Осел начнет кричать по-ослиному и сыпать золото.

— Разве живот осла — монетный двор?

¹ Аччи, маччи, латерачи — сочетание не имеющих смысла звуков.

— Этого я не знаю, — сказал мельник, — но свойства осла таковы.

Юноша обрадовался, поцеловал мельника в голову и бороду и пошел домой. Случайно и он попал в тот же самый караван-сарай «Михманкош».

Он вошел в караван-сарай, прибил возле себя кол для осла и сел беседовать с путниками. Настал вечер. Юноша сказал им:

— Закажите все, что хотите, и хозяин караван-сарая вам принесет. Сегодня вы мои гости.

Он никому не дал времени подумать или отказаться от приглашения и позвал хозяина.

— Прикажи принести жареных кур, яичницу, мед, скатерть с лавашем и сдобные лепешки, — распорядился юноша.

Хозяин все принес, но удивился, кто этот бродяга, который с такой легкостью сорит деньгами.

Перед сном хозяин караван-сарая пришел, чтобы рассчитаться за ужин. Юноша сказал:

— Посиди здесь, сейчас я тебе дам деньги.

Он отвел осла в уединенное место, расстелил покрывало, прочел заклинание и собрал немного ашрафи. Потом вернулся назад, думая, что хозяин ничего не подозревает. Однако юноша не знал, что хозяин караван-сарая опытный, выдавший виды человек. Хозяин сразу же понял, куда пошел юноша и что он сделал.

В полночь, когда все уснули, хозяин караван-сарая вывел из конюшни осла, похожего на волшебного, и привязал его рядом с юношей, а волшебного осла отвел в свою конюшню.

Утром юноша вместе с путниками отправился в дорогу и вечером того же дня достиг своего дома. Отец и брат, увидев его, обрадовались. Отец спросил у него:

— Ну, расскажи, послушаем, где ты был это время? Что ты делал? Какой принес нам гостинец?

— Я был в одном месте, работал подручным у мельника. Тебе в подарок я привел осла.

— Зачем ты привел мне осла? Если ты хотел сделать подарок, то должен был принести что-нибудь такое, что здесь является редкостью. Чего здесь много, так это ослов!

— Это не простой осел, — ответил сын, — у него особые свойства. Собери завтра всех родственников, и я покажу им, что умеет делать этот осел.

Назавтра отец пригласил всю родню. Собрались все от мала до велика. Юноша стал расхваливать осла. Потом он расстелил посреди двора покрывало, поднял правую переднюю ногу осла и прочел заклинание: «Аччи, маччи, латерачи», но никакого толку не вышло: осел не закричал и не дал ни одного гроша.

Юноша смутился, отец расстроился, родственники высмеяли его и ушли.

Тогда он понял, что хозяин караван-сарая подменил его осла.

Третий сын, после того как его выгнал отец, пошел в один город и стал учеником токаря. Так как токарное ремесло очень тонкое и кропотливое, то он вдвое больше по сравнению со своими братьями пробыл у мастера. За это время в этот город приходили разные люди из родных мест. Они навещали его и рассказывали о жизни братьев, в особенности о мошенничестве хозяина караван-сарая.

Когда юноша хорошо овладел токарным мастерством, он явился к мастеру, поцеловал в знак уважения к нему землю и сказал:

— Дорогой учитель, если ты позволишь, то я пойду навещу своего отца, потому что я очень соскучился. Всякое случается, может быть, мне больше и не удастся его увидеть, вдруг он покинет этот мир.

— Хорошо, — согласился токарь, — так как ты честно у меня трудился, я хочу подарить тебе на память одну вещь. Это мешок, внутри которого находится дубинка.

— Зачем мне нужна дубинка?

— Клянусь аллахом, если ты владеешь даже целым миром, но не имеешь дубинки, в особенности такой дубинки, то дело твое плохо. У этой дубинки особое свойство: если тебе где-нибудь будет плохо или ты захочешь отобрать то, что тебе причитается по праву, но у тебя не хватит сил, то положи руку на мешок и скажи: «Выходи, дубинка, из мешка!» Тотчас же дубинка выскочит из мешка, бросится на твоего обидчика и хорошенько его отдубасит.

Юноша обрадовался, поблагодарил мастера и отправился в путь. Он так же, как и его братья, пришел в тот самый караван-сарай, уселся в уголке и положил перед собой мешок с дубинкой. Потом он начал рассказывать о свойствах этого мешка, и

вокруг него собрались путники. Среди них он увидел и хозяина караван-сарая и сказал:

— Эй, люди, говорят, что на свете есть такие удивительные и странные вещи, что всякий, кто о них услышит, не сможет прийти в себя от изумления. Например, говорят, что существует котел с шумовкой, в котором появится любое кушанье, какое лишь пожелаешь. Говорят, что существует осел, который — лишь закричит, как из него начинают сыпаться ашрафи. Я сам этого не видел, но слышал от людей. И все же то, что находится у меня в мешке, превосходит эти чудеса.

Хозяин караван-сарая обрадовался и подумал: «Раз мы захватили те две вещи, то любым способом должны забрать и эту».

Он подождал, пока все путники уснули, подошел к юноше, видит — тот спит, а мешок лежит у него под головой. Хозяин обрадовался и тихонько протянул руку к мешку, чтобы вытащить его из-под головы юноши.

А юноша лишь притворился спящим. Как только хозяин дотронулся до мешка, юноша схватил его за руку и закричал:

— Дубинка, выходи из мешка!

Да не придется тебе испытать того, что испытал хозяин!

— Я ошибся, мне ничего не надо! — завопил тот.

— Чего там ошибся, пойд и принеси котел с шумовкой и приведи сюда осла.

— Какой котел? Какого осла? — притворился удивленным хозяин.

— Тогда еще получи!

Хозяин видит, что дело плохо: дубинка не знает пощады.

— Хорошо, — говорит, — я все отдам.

— Поторопись! — пригрозил юноша.

Короче говоря, он забрал котел с шумовкой и осла и в ту же ночь отправился в путь.

Утром он пришел домой и постучал в дверь. Ему открыли. Отец и братья очень обрадовались. Они уселись вокруг него, принесли завтрак.

— Где ты был? Что ты делал? Что принес мне в подарок? — спросил его отец.

— Я был в таком-то городе, учился токарному делу, тебе в подарок принес ценную вещь, — ответил сын.

— Какую же ценную вещь ты мне принес?

— Дубинку!

— Разве я не мог бы сам срезать ветку дерева и сделать для себя дубинку?

— Эта дубинка не из тех, какие ты видел, — ответил сын, — благодаря этой дубинке я отобрал котел с шумовкой и осла моих братьев.

И он подробно все рассказал.

— Теперь, — решил портной, — надо все это показать нашим родственникам, чтобы они не считали нас обманщиками.

На другой день портной пригласил всех родственников. Сначала старший сын накормил всех досыта. Потом расстелили покрывало, поставили на него осла, произнесли заклинание — и из него посыпались ашрафи. Их разделили между всеми присутствующими. Так гости провели время до полуночи: беседовали, смеялись, веселились. Потом разошлись по домам.

На следующий вечер, когда отец и сыновья были одни, старший сын со страхом спросил у отца:

— Батюшка, все в доме осталось на своем месте, кроме козы. Где она?

Отец, — что скрывать от вас! — почувствовал свою вину перед детьми и сказал:

— Эта негодная коза оказалась обманщицей. Я ее изрядно наказал. Я обрил ей голову и хорошенько поколотил. Тогда она убежала. Как я слышал, она с бритой головой больше не могла жить среди коз, убежала и спряталась в лисьей норе. Однажды лиса вернулась и увидела, что из норы в темноте светят прямо на нее два глаза. От страха лиса убежала. По дороге она встретила медведя.

— Куда ты, шейх¹-лиса? — спросил медведь.

— Пришла я домой, — стала жаловаться лиса, — вдруг вижу, сидит какой-то странный зверь.

— Вернемся вместе назад, — посоветовал медведь, — и выгоним его.

Когда они подошли к норе, медведь тоже испугался, и они оба убежали. По дороге им повстречалась пчела. Она спросила:

— Эй, шейх-лиса и староста-медведь! Куда вы так спешите? Они ей все рассказали.

¹ Шейх — старец, глава дервишского ордена.

— Вернемся назад, — сказала пчела, — я его прогоню!

Медведь и лиса не поверили:

— Мы, такие сильные, и то испугались его. Слова не смогли вымолвить! Что же ты сможешь сделать?

— Не смотри, что перец мелкий, посмотри, какой он горький! — ответила пчела.

Лиса и медведь по земле, пчела по воздуху отправились в путь к лисьей норе. Медведь и лиса со страхом остановились у норы, а пчела с жужжанием влетела внутрь. Она покружилась и впилась в бритую голову козы, да так, что у козы потемнело в глазах. Коза стала вертеться, потом с криком выскочила из норы и убежала в пустыню. До сих пор никто не знает, куда она делась.

Сыновья стали смеяться.

— Ну что ж, — сказал портной, — я достаточно пожил, и жизнь моя приближается к концу. Но вы, дети, постоянно помните о свойствах этой дубинки!

Сказка наша конца достигла — ворона своего гнезда не достигла.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Персидская сказка

Было это или не было, жил некогда один сборщик хвороста с женой и двумя сыновьями. Одного сына звали Саад, а другого Саид.

Каждый день отец уходил в степь за хворостом и кустарником, продавал их в городе и на вырученные деньги содержал свою семью. Но вот однажды умерла его жена, а спустя некоторое время он женился на другой женщине.

Как-то раз, когда он продал свой хворост и собирался на выручку купить еду жене и детям, он увидел нищего, который стоял на углу и просил милостыню у прохожих.

Сборщику хвороста стало жаль нищего, и он отдал ему все деньги, какие у него были, а сам с пустыми руками вернулся домой.

Когда жена узнала, что он ничего не принес, она нахмурилась и спросила:

— Разве ты сегодня не работал?

— Почему ты так спрашиваешь?

— Как же ты пришел к жене и детям с пустыми руками?

— Все, что я имел, — признался муж, — я отдал одному нищему.

— Напрасно ты так сделал! — сказала жена.

Она собрала отовсюду — за ларем и на полках — несколько кусков сухой заплесневелой лепешки, поскребла их, сдула пыль, размочила в воде, и они поужинали.

На следующий день сборщик хвороста пошел в пустыню и набрал колючек вдвое больше, чем собирал ежедневно.

Половину он спрятал поблизости в пещере, а остальные колючки погрузил на осла и привез в город. Сборщик хвороста был очень доволен, что завтра ему не придется опять идти в степь за колючками.

На следующий день утром он явился в пещеру за своими колючками. У входа он увидел, что хворост сгорел, а на золе сидела очень красивая птица. Сборщик хвороста взял эту птицу и принес домой для забавы детям. В кухне он устроил для птицы удобное и мягкое местечко.

Прошло два-три дня. Однажды жена направилась в кухню, чтобы приготовить похлебку, и вдруг остановилась: в кухне, где никогда не было отверстия для света и где поэтому всегда царил мрак, стало очень светло, и откуда-то, как от светильника, исходило сияние.

Она подошла поближе и увидела, что птица снесла яйцо. Женщина подняла его и убедилась в том, что оно золотое.

Обрадованная женщина отдала яйцо мужу. Через день птица опять снесла яйцо.

Больше уже сборщик не ходил в степь за колючками.

— Зачем зря тратить силы, — говорил он, — лить пот, собирать хворост ради двух-трех грошей? Всякий раз, когда мне понадобятся деньги, я продам одно из яиц этой птицы.

Однажды он отнес яйцо на базар к ювелиру, по имени Шаум'ун. Шам'ун взял яйцо и заплатил за него сто туманов¹.

Сборщик хвороста очень обрадовался, накопил всего, что ему хотелось, для себя, жены и сыновей и принес домой.

Спустя некоторое время ему опять понадобились деньги. Он взял второе яйцо и отнес его Шам'уну. Шам'ун очень удивился: откуда этот бедняк берет такие яйца?! Он спросил его:

— Дядюшка! Где ты достаешь эти яйца?

¹ Туман — иранская денежная единица.

Тот ответил:

— Я нашел в пещере птицу, которая несет такие яйца.

— Какая же это птица? — снова спросил Шам'ун.

Сборщик хвороста описал птицу.

«Это птица счастья, — подумал Шам'ун, — кто съест ее голову, тот станет шахом, а кто сердце и печень, тот каждую ночь будет находить у себя под изголовьем сто ашрафи».

Он решил отобрать эту птицу у ее владельца.

Как раз в это время сборщику хвороста захотелось поехать в свою деревню. Он поручил детей и птицу жене и отправился в дорогу.

Шам'ун, именно об этом моливший бога, подыскал одну ловкую старуху, которая могла обучить хитрости самого шайтана¹, и сказал:

— Если ты устроишь мне свидание с той женщиной, то получишь сто ашрафи.

— Устрою! — обещала старуха.

Она отправилась к жене сборщика хвороста и постучалась в дверь. Та открыла ей и при виде незнакомой старухи спросила:

— Матушка, к кому у тебя дело?

— Да буду, дочка, я за тебя жертвой, — отвечала старуха, — я проходила мимо твоего дома, и мне захотелось пить. Дай, думаю, постучу, попрошу каплю воды.

Жена сборщика хвороста пригласила:

— Пожалуйста, входите, ничего худого в этом нет.

Она провела старуху в дом, достала из колодца свежей воды, налила в чашку и подала старухе.

Старуха напилась и принялась расспрашивать хозяйку обо всем.

— Чья ты жена? — наконец спросила она.

— Я жена сборщика хвороста.

— О, да не случится подобное ни с кем! — сокрушалась старуха. — Разве не жаль, что ты при всей своей красоте и расторопности стала женой какого-то сборщика хвороста? Машалла, машалла! Ведь ты как четырнадцатидневная луна, у тебя должен быть молодой муж, именитый, знатный, богатый. Что тебе делать с таким, как твой? Правильно говорили наши предки: «Сладкий виноград достается шакалу».

¹ Шайтан — черт, дьявол.

— Что ж делать, сестрица, — ответила жена сборщика хвороста, — такова была моя судьба.

— Оставь его, пусть идет себе в ад! Я найду для тебя мужа, который будет тебе достойной парой!

В конце концов старуха столько наговорила ей и так расхвалила Шам'уна, что свела бедную женщину с пути и заставила ее заинтересоваться Шам'уном.

— Ведь Шам'ун тоже вздыхает и чахнет по тебе, — уговаривала старуха. — Ради тебя он не пожалеет жизни.

После долгих разговоров они решили, что женщина пригласит Шам'уна на ужин и зажарит для него птицу счастья.

В тот вечер, когда Шам'ун должен был прийти в гости, жена сборщика хвороста зарезала и зажарила птицу и оставила ее на кухне под корзиной.

Перед закатом солнца из школы вернулись Саад и Саид. Пока их мачеха прибирала комнату для гостя, они зашли на кухню, подняли корзину и увидели жареную птицу. Дети хотели ее съесть, но не решились из-за страха перед мачехой. Поэтому один из них съел голову птицы а другой ее печень и сердце. Они думали, что этого никто не заметит.

Настал вечер. Шам'ун, довольный и радостный, пришел к жене сборщика хвороста. Поздоровавшись и расспросив о здоровье, он попросил:

— Принеси прежде всего птицу, потому что я очень голоден.

Женщина положила птицу на блюдо, принесла в комнату и поставила перед Шам'уном.

— Кушайте, пожалуйста, во имя аллаха! — пригласила она.

Шам'ун хотел взять голову, сердце и печень птицы, но — увы! — ни сердца, ни печени, ни головы не оказалось.

— Разве у этой птицы не было ни головы, ни сердца, ни печени? — спросил он.

— Не знаю, — сказала мачеха. — пойду посмотрю, возможно, дети и съели голову, сердце и печень птицы.

Женщина вышла во двор и спросила мальчиков:

— Скажите правду, вы съели голову, сердце и печень птицы?

От страха они ничего не ответили, только опустили головы. Женщина поняла, что дети действительно виноваты. Она дала им два-три подзатыльника и вернулась в комнату.

— Эти дети в жизни не видели ничего хорошего, вот они и

съели голову, сердце и печень птицы. Теперь ты скушай то, что осталось. Ведь самое вкусное — грудь и ножки, — предложила она Шам'уну.

— Ты не понимаешь, — ответил Шам'ун, — все чудесные свойства птицы заключены в голове, сердце и печени. Теперь ты должна привести детей, мы разрежем им животы и достанем то, что нам нужно.

— Ничего в этом нет худого, потому что мы избавимся от двух прожорливых мальчишек!

Она пошла звать детей в комнату, но во дворе их не оказалось. Стала она искать их повсюду: и на кухне, и в кладовой, и в уборной, — но их и след простыл. На террасе дверь была открыта, и она поняла, что дети убежали.

Женщина вернулась к Шам'уну и сообщила:

— Дети убежали!

Шам'ун рассердился, отказался есть птицу и встал, чтобы уйти. Женщина стала к нему приставать:

— Да ну ее к черту, птицу, ведь я-то здесь!

— Удивительно непонятливая ты женщина, — рассердился Шам'ун, — как же ты не догадалась, что мне нужна вовсе не ты, а птица, а ты приняла мое внимание на свой счет.

Они рассорились, и Шам'ун ударил женщину ножом в живот. На ее крик сбежались соседи и наказали Шам'уна так, как он того заслужил.

Саад и Саид подслушали, когда Шам'ун говорил о том, что им надо разрезать животы. В ту же ночь братья убежали из дома. Они выбрались из города и направились в пустыню. Они брели всю ночь напролет и под утро подошли к ручью, у которого росло несколько деревьев. От усталости они не могли ступить и шагу. Братья легли спать и проспали до восхода солнца. Проснувшись, они увидели двух голубок, которые сели на ветки дерева.

Одна голубка сказала другой:

— Сестрица!

— Что, дорогая сестрица? — отозвалась другая.

— Эти два брата, что сидят под деревьями, съели голову, сердце и печень птицы счастья. Тот, кто съел голову птицы, станет падишахом¹, а тот, кто съел ее печень и сердце, каждую ночь будет находить у себя под изголовьем сто ашрафи.

¹ Падишах — титул иранских царей.

Мальчики услышали это. Саид увидел под головой кошелек с сотней ашрафи и очень обрадовался:

— Брат, видно, голубки сказали правду, и ты станешь падишахом.

Счастливые братья пошли дальше и остановились на перекрестке двух дорог. Здесь на камне они прочитали надпись:

«О, два путника, пришедшие к этому месту! Если вы вдвоем отправитесь дальше — будете убиты, если же пойдете разными дорогами и поодиночке, то вы достигнете цели».

Саад и Саид опечалились, обнялись, поплакали, поцеловались на прощание, и каждый пошел своей дорогой.

Саад шел много дней и ночей, пока однажды утром не пришел к какому-то городу. Видит — жители этого города очень взволнованы. Все они от мала до велика в черных одеждах собрались за городом.

Саад подошел к одному человеку и спросил:

— Братец, почему жители города оделись в черное и собрались здесь?

— Разве ты не здешний? — спросил его тот человек.

— Нет, я не здешний, я чужестранец.

— Так знай же, что четыре дня назад умер наш шах, а так как у него нет наследников, то мы, согласно нашим обычаям, три дня должны носить траур, на четвертый день соберемся за городом и выпустим сокола. Кому сокол сядет на голову, того мы и сделаем своим шахом. Тогда мы снимем траурные одежды и семь дней и ночей будем праздновать. Сегодня как раз мы выпускаем сокола.

Пока они беседовали, сокол взвился и сел на голову Саада.

Поднялся страшный шум. Все возликовали. С почтением его отвели в шахский дворец, возложили на голову корону, усадили на трон и стали выполнять его распоряжения.

Оставьте здесь Саада и послушайте о Саиде.

Тем временем Саид тоже шел, пока не дошел до какого-то города. Видит: стоит в городе прекрасный дворец, а вокруг него на земле сидит много красивых и храбрых юношей.

Он подошел к ним ближе и спросил:

— Чей это дворец? Почему вы оказались в таком положении?

— Это дворец принцессы Дельарам, дочери шаха этой области, — ответили юноши, — она такая красавица, что нигде в семи странах не имеет себе равной. Всякий, кто хочет ее увидеть, должен каждый вечер отдать ей сто ашрафи. Мы пришли

сюда и отдали все, что имели. Теперь у нас ничего не осталось, и она уже не обращает на нас внимания. От любви к Дельарам мы лишились крова и стали бродягами.

«Я каждую ночь нахожу у себя под головой сто ашрафи, — подумал Саид, — мне следует пойти и увидеть эту девушку, не имеющую себе равных в семи странах, и побыть около нее по крайней мере неделю».

Он явился во дворец и велел передать Дельарам:

— Я хочу повидать ее!

Тотчас же его слова передали Дельарам. Вышла служанка и пригласила:

— Пожалуйста!

Саид вошел во дворец и подумал: такие хоромы могут лишить человека разума. Его провели в комнату, стены и потолок которой были зеркальными.

Через две-три минуты вошла Дельарам и поздоровалась с Саидом. Наступил вечер, принесли ужин, разные шербеты. Потом танцевали, пели и играли на различных музыкальных инструментах, пока не настало время сна.

Дельарам имела сорок служанок, похожих одна на другую, как две половинки яблока. Все они так же, как две капли воды, были похожи на Дельарам. Каждый вечер перед сном она под каким-нибудь предлогом покидала Саида, а вместо себя подсылала одну из своих служанок; до того как Саид просыпался, служанка уходила, а на ее место являлась Дельарам.

Сорок дней пробыл Саид во дворце Дельарам и не мог насытиться ее лицезрением, и каждое утро так, чтобы никто не понял, он доставал из-под головы сто ашрафи и отдавал их Дельарам.

Дельарам дивилась, откуда этот юноша берет деньги. Уж не съел ли он печень и сердце птицы счастья? Поэтому на сорок первый день она велела приготовить обильный ужин, принести самые старые вина и напоила Саида. Когда он опьянел и перестал владеть собой, она ударила его по пояснице так, что у него изо рта выпали печень и сердце птицы. Дельарам быстро схватила их, обмыла и съела.

Утром Саид проснулся, посмотрел у себя под головой и обнаружил, что там нет и следа ашрафи. Тогда он понял, какое на него свалилось несчастье. Однако вида не показал и незаметно ушел из дворца.

Долго ходил он, расстроенный, по пустыням, останавливался на стоянках, пока не достиг какого-то города.

Видит: трое юношей спорят и подняли страшный шум на дороге. Саид подошел к ним и поинтересовался:

— Что случилось?

— Мы три брата, — стали они рассказывать, — у нас вышел спор из-за раздела отцовского наследства. Сам аллах послал тебя, чтобы разрешить наш спор.

— Кто вы такие? — спросил их Саид.

— Мы сыновья Шам'уна, — ответили они.

— А что стало с вашим отцом? — продолжал спрашивать Саид.

— Наш отец, желая добыть голову, печень и сердце птицы счастья, пошел к жене сборщика хвороста, но оказалось, что голову, сердце и печень птицы счастья съели сыновья сборщика хвороста. Наш отец сказал их мачехе: «Приведи детей, мы разрежем им животы и достанем съеденное».

Пока они разговаривали, братья убежали.

Отец рассердился, ударил мачеху ножом в живот, но на крик собрались соседи и убили нашего отца.

Саид сказал:

— Да простит аллах его грехи! Теперь скажите, о чем вы спорите?

— Мы спорим, — ответили братья, — из-за коврика, ларчика и сурьмы¹ святого Сулеймана²

— Ведь это не имеет никакой ценности, — удивился Саид, — стоит ли из-за этого спорить!

— Ты не знаешь, — пояснили они, — эти вещи стоят целого мира! Коврик таков, что если на него сядешь и произнесешь: «О пророк Сулейман, доставь меня в такое-то место», то он доставит тебя туда, куда ты только пожелаешь.

Ларчик при имени святого Сулеймана также даст тебе любое кушанье, какое ты захочешь. И если ты этой сурьмой проведешь по глазам, то станешь невидимым.

— Все эти вещи, — рассудил Саид, — должны достаться самому ловкому и проворному из вас. Сейчас я брошу камень,

¹ Сурьма — темно-синяя мазь, которой иранские женщины подводят веки.

² Святой Сулейман — иудейский царь Соломон, которого считают покровителем волшебников.

кто скорее побежит и принесет этот камень, тот окажется самым ловким, и все вещи достанутся ему.

Братья согласились. Саид собрал всю свою силу и бросил камень. Три брата стремглав бросились за ним.

Лишь только они побежали, Саид взял ларчик и сурьму, сел на коврик и произнес:

— О пророк Сулейман, перенеси меня в замок Дельарам!

Коврик поднялся в воздух и доставил Саида в замок!

Сыновья Шам'уна вернулись и увидели — увы, «место мокрое, а ребенка нет»! Несолоно хлебавши, они вернулись к себе.

В полдень Саид прилетел во дворец, спрятал коврик и ларчик, намазал себе глаза сурьмой и прошел в комнату Дельарам. Она обедала, а Саид, усевшись напротив ее, тоже начал брать кусочки кушанья из блюда. Вдруг Дельарам обратила внимания, что та сторона блюда быстро опустошается и иногда чья-то невидимая рука касается ее руки.

Она испугалась и стала умолять:

— Эй, кто здесь, в этой комнате, человек или джинн¹? Кто бы ты ни был, заклинаю тебя тем, кому ты полконеяешься, выйди вперед, откройся!

Саид стер сурьму и предстал перед Дельарам.

— Это ты, Саид? — притворно удивилась она. — А я по тебе очень соскучилась. Зачем ты ушел и оставил меня одну?

Бедняга Саид опять поддался ее чарам. Он решил, что она говорит искренне. Кроме того, красота и прелесть Дельарам совершенно затуманили ему голову, и он даже не смог задуматься о своем положении.

Как бы там ни было, Саид вообразил, что Дельарам тоже влюблена в него. А та, не переставая льстить, спросила его:

— Каким образом ты сюда попал?

Простак Саид все рассказал ей: и о коврике, и о ларчике, и о сурьме.

Прошло несколько дней, Дельарам сказала:

— Саид, я давно уже мечтаю прогуляться на гору Каф². Как хорошо, что у тебя есть для этого возможность. Давай сядем на коврик, полетим на гору Каф и вернемся.

¹ Джинн — бес или дух, как добрый, так и злой, частый персонаж персидских сказок.

² Гора Каф — высокие горы, по преданию, кольцом окружающие всю землю. В переносном смысле — край света.

— Что ж, в этом нет ничего плохого, — согласился Саид, — давай полетим.

Они сели на коврик и поднялись в небо. Когда они прилетели на гору Каф, то увидели источник.

— Раз уж мы здесь, — заявила Дельарам, — то надо искупаться в этом источнике.

— Очень хорошо! — одобрил Саид.

— Сначала ты искупайся, — велела Саиду Дельарам, — а потом я.

Саид разделся и вошел в источник. Дельарам взяла ларчик и сурьму, села на коврик и произнесла:

— О пророк Сулейман, отнеси меня в мой дворец!

Пока Саид выходил из источника и одевался, Дельарам уже добралась до своего дворца.

Бедный Саид видит: нет ему пути ни вперед, ни назад. Надел он свое платье и побрел куда глаза глядят. Дошел он до берега какого-то моря, и стало ему очень горько: как он преодолеет это море и эту гору? От огорчения он улегся под деревом и задремал, как вдруг слышит: разговаривают две голубки.

— Сестрица! — промолвила одна.

— Что, дорогая сестрица? — отозвалась другая.

— Ты узнаешь этого юношу, который спит под деревом?

— Нет.

— Это тот самый Саид, брат Саада, которого обманула Дельарам и который потерял все, что имел. Теперь он попал в безвыходное положение. Однако если он вырежет палку из этого дерева, возьмет его кору и листья, то сразу же поправит свои дела. Кора обладает таким свойством, что если натереть ею ноги, то можно перейти море. Если палкой ударить кого-нибудь, то тот превратится в осла, второй раз ударишь, он снова станет человеком. Листья — лекарство от слепоты и глухоты.

Саид обрадовался, взял ветку дерева, кору и листья. Корой он натер себе ноги и перешел через море. На другом берегу моря он попал в какой-то город. Видит, жители что-то обсуждают между собой.

— Что случилось? — спросил Саид.

— Дочь шаха оглохла, — ответили ему, — и от этого она день и ночь плачет. Боимся, она исчахнет от тоски. Шах тоже очень опечален, потому что это его единственная дочь и он не знает, чей ей помочь; сколько ни приглашали врачей, никто не может ее вылечить.

Саид пошел во дворец и сказал шаху:

— Я вылечу твою дочь.

— Если ты ее вылечишь, — обрадовался шах, — то я отдам ее за тебя замуж.

Саид натер уши шахской дочери листьями того дерева, и девушка выздоровела. Шах обрадовался, велел украсить город. Семь дней и семь ночей праздновали свадьбу Саида с дочерью шаха.

Спустя несколько дней Саид попросил у шаха разрешение пойти к Дельарам и свести с ней счеты. Получив разрешение, он отправился в путь.

Достигнув цели, он явился прямо в замок Дельарам. Привратник не хотел его впускать, но Саид дотронулся до него палкой того дерева, и привратник превратился в осла.

Саид поднялся по лестнице в комнату Дельарам. При виде его она закричала:

— Ах ты невежа, как ты смел без разрешения войти в мою комнату?

— Я пришел, чтобы поездить на тебе и нагрузить тебя кладью, — ответил Саид.

— Прогоните его вон! — приказала Дельарам своим служанкам.

Служанки вбежали в комнату, но Саид дотронулся палкой до Дельарам и ее сорока служанок и превратил их в ослов. Так поступил он со всеми, кто приходил узнать, что случилось.

Скоро уже никто не решался подойти к нему.

Саид гонял ослов с поклажей, издевался над ними, пока они не выбились из сил. Тогда Дельарам взмолилась, что отдаст ящичек, шкатулку с сурьмой и коврик, лишь бы снова стать человеком.

Саид согласился, но велел ей выплюнуть сердце и печень птицы счастья. Потом дотронулся до нее палкой, и Дельарам опять стала человеком и оказала гостеприимство Саиду.

Саид напоил ее допьяна, ударил по пояснице, и она выплюнула сердце и печень птицы счастья. Он обмыл их и съел.

Забрав вещи, он сел на коврик и полетел к жене и тестю.

Спустя некоторое время ему захотелось повидать своего отца. Он опять сел на коврик и полетел к себе на родину, где родился и жил. Он пришел в свой дом и видит, что его отец — сборщик хвороста — от бедности и тоски по сыновьям ослеп.

Саид потерял его глаза листьями того дерева — и отец сразу же прозрел.

Отец обрадовался и благословил сына. Саид привез отца к своей жене, и они втроем отправились на поиски Саада. Саад, ставший шахом, был очень рад, увидев отца и брата с женой. Сорок дней они гостили у Саада, и он рассказал им все, что с ним произошло за это время.

Отец остался жить у Саада в почете и довольстве, и всякий раз, когда Саиду хотелось увидеть родных, он их навещал.

Сказка наша кончилась. Пусть и мы так достигнем своих желаний, как они встретились друг с другом.

КУПЕЦ И ОБМАНЩИКИ

Турецкая сказка

Один турецкий купец привез в чужой город много бревен сандалового дерева, надеясь выгодно продать свой дорогой товар. Он не знал, что в этом городе жили отъявленные обманщики, которые больше всего на свете любили обманывать и обсчитывать чужестранцев. Хозяин гостиницы, у которого остановился купец, был пройдоха и плут. Увидев дорогое дерево, привезенное его постояльцем, он решил поскорее забрать себе этот товар почти даром. Плут принес в свой дом все сандаловое дерево, которое только мог купить у соседей или выпросить у них, положил бревна в большой очаг и зажег их. Вскоре весь дом наполнился ароматным запахом сандала. Купец, который только что уселся ужинать, тоже почувствовал благовонный дым. Он испугался, не загорелся ли его товар, но, увидев, в чем дело, успокоился.

— Почему ты жжешь такое драгоценное дерево? — спросил он плута.

— Нечего удивляться, — сказал хозяин гостиницы, — у нас столько сандала, что мы никогда ничем другим не топим наших очагов и каминов.

Купец пришел в отчаяние, узнав, что он приехал торговать в такое место, где его товар почти ничего не стоил. Наконец, чтобы выручить хоть маленькие деньги, он предложил хозяину гостиницы дешево уступить ему все семь тюков, за которые сам заплатил несколько тысяч цехинов. Плут сделал вид, что он

горячо жалеет купца, и наконец сказал, что только из доброты он в обмен за сандаловое дерево даст ему корзинку, полную дорогого материала.

— Какой же товар дашь ты мне? — спросил бедный купец, говоривший себе: «Не лучше ли принять всякое предложение, чтобы только получить возможность вернуться на родину?»

— Да какой захочешь, — ответил хозяин гостиницы, который за сандаловое дерево с радостью отдал бы корзинку, полную золота. На следующий день пошли в суд, чтобы подписать договор. В этом городе люди были до того бесчестны, что никто не доверял честному слову другого.

В суде собралось много народа, и когда купец и хозяин гостиницы подписали договор, в судебном зале раздался громкий хохот. Теперь все наперебой кричали приезжему турку, что дерево, которое он согласился продать, было в городе необыкновенной редкостью и ценилось на вес золота.

Раздосадованный купец старался скрыть недовольство и улыбался, несмотря на обиду. Он решил на будущее быть как можно осторожнее с этими нечестными людьми. Вскоре ему представился случай доказать плутам, что он совсем не такой глупец и простак, каким они его считают.

Выйдя из суда, он увидел на площади двух людей, игравших в шахматы. Оба делали непозволительные ошибки. Купец тотчас же заметил их промахи. (Надо сказать, что плуты именно этого и хотели.) Когда партия окончилась, турок предложил одному из игроков сыграть с ним в шахматы. Хитрец согласился с тем условием, что выигравший имеет право заставить проигравшего исполнить какую угодно работу, а в случае невыполнения задачи — заплатить большой штраф.

Расставили шахматы. Сели. Купец надеялся выиграть значительную сумму денег. Но он был жестоко разочарован, заметив, что его противник играет хорошо. Через несколько ходов купец получил мат — проиграл. Зрители опять расхохотались, и турок пришел в ужас, когда его противник потребовал, чтобы он в один присест выпил море.

— Да как же... — начал было он.

— Нечего, нечего отговариваться, — с насмешкой ответил плут. — Ты должен сделать то, чего я от тебя требую. Если же не исполнишь сказанного, тебе придется заплатить штраф. Ты увидишь, как у нас наказывают за всякую нечестность.

Купец ничего не ответил. Он хотел уйти, но третий мошенник удержал его. Это был одноглазый малый. Он видел, как его товарищи удачно обманули приезжего, и решил тоже сыграть с ним недобрую шутку. Мошенник попросил всех присутствующих засвидетельствовать, что глаз купца был одинаковой формы и одинакового цвета с его единственным глазом, и стал уверять, что турок украл у него глаз. Напрасно старался бедный купец обратить дело в шутку. Все присутствующие стали на сторону лгуна, закричали, что купец должен возвратить украденный глаз, и отпустили несчастного, взяв с него торжественное обещание не уезжать из города раньше суда.

Бедный купец убежал к себе в комнату и постарался забыться сном, но воспоминания обо всем, что случилось в этот несчастный день, отгоняли от него сон. Лежа в постели, он вдруг услышал в соседней комнате голоса. Несколько слов, долетевших до него, объяснили турку, что речь идет о нем. Вскоре он нашел в стене щелочку, прижался к ней ухом и таким образом услышал все, что происходило рядом. Он стал еще внимательнее, узнал голоса хозяина гостиницы и двух других плутов. Они беседовали со стариком, который был самым главным мошенников в городе. Обманщики хвалились своими бесчестными подвигами, своей хитростью и ловкостью и смеялись над заезжим простаком. Прежде всего хозяин гостиницы рассказал, как удачно купил он сандаловое дерево.

— Ты прекрасно сделал, — сказал старик, — только глупо было обещать дать ему корзину, полную какого угодно товара. Что станешь ты делать, если он потребует, например, чтобы ты дал ему корзину, полную живых блох?

— Что за пустяки! Этого нечего бояться, — ответил хозяин гостиницы, — он, конечно, потребует золота или серебра. Тем или другим я наполню самую маленькую игрушечную детскую корзиночку, какую мне удастся отыскать в нашем городе, и дело с концом.

— Ну-ну, увидим, увидим, — сказал старик, который хотел показать своим ученикам, что они еще должны учиться у него.

После этого второй мошенник, игрок в шахматы, рассказал, как он обыграл купца, велел ему выпить море и решил взять с него за неисполненное обещание большой штраф.

— А вдруг он потребует, чтобы ты раньше закупорил все реки, которые текут в море? Ведь на это он имеет полное право, — заметил старик...

— Он глуп и не подумает о такой вещи...

Выслушав рассказ третьего, главный мошенник города снова покачал головой и произнес:

— Если бы я был на месте заезжего купца, я потребовал бы, чтобы у тебя вырезали глаз, потом вырезали глаз у меня и оба взвесили на весах, чтобы увидеть, принадлежат ли они одному и тому же человеку. Идите прочь. Стыдно! Вы совсем не умны и не хитры, зерна моей науки не дали всходов.

Купец слышал все. Теперь, радуясь, что он нашел выход из затруднений, он заснул с легким сердцем, но, засыпая, еще раз мысленно повторил все советы старого плута.

На следующее утро в назначенное время все сошлись перед судьей. Раньше остальных выступил одноглазый и стал обвинять купца в том, что он украл у него глаз.

— А как ты мне это докажешь? — спросил судья, который был до того близорук, что видел не дальше кончика своего носа.

— Это можно легко решить, — воскликнул купец. — Вырежьте у этого человека глаз, вырежьте также один мой глаз и оба положите на весы, тогда станет ясно, принадлежат ли они одному владельцу.

Судья нашел, что купец дал хороший совет, и приказал тотчас же исполнить сказанное. Увидев, какой неожиданный оборот принимает дело, одноглазый плут проскользнул через толпу, чтобы не потерять и второго глаза, и убежал.

Перешли ко второму делу. Жалобщик потребовал, чтобы купец выпил море.

— Я готов сделать это, — сказал турок, — но прежде остановите все реки, которые впадают в него. Как только это будет сделано, я примусь за работу.

— Правильно, — решил мудрый судья, подумав с четверть часа над этими словами.

Второму мошеннику также пришлось уйти со стыдом и срамом.

Тут выступил хозяин гостиницы. Он отыскал крошечную корзиночку, наполнил ее золотом и сказал, что принес купцу условленную плату.

— Ну на что мне золото? — воскликнул купец. — У меня на

родине его так много, что мы мостим им улицы. Мы еогласились, что ты дашь мне корзину того товара, который я потребую, и я хочу взять за сандаловое дерево корзину, полную живых блох, они редкость у нас!

— На этом и решим, — сказал судья и, устав от размышлений, крепко заснул.

Напрасно хозяин гостиницы спорил. Не удалось ему также и наловить целую корзину живых блох. Между тем купец не соглашался оставить ему сандаловое дерево ни за какую другую плату.

Тут мошенник ясно увидел, что он запутался в собственных сетях. Ему пришлось вернуть сандаловое дерево и, кроме того, заплатить штраф. Купец же снова нагрузил своих мулов сандалом и вернулся на родину, решив никогда больше не ходить в город мошенников.

САКИНЕ

Персидская сказка

Было это или не было, жил на свете один шах и была у него одна дочь.

Шах очень любил свою единственную дочь и исполнял все ее прихоти. Девушка росла в холе и неге, пока ей не исполнилось шестнадцать лет.

Однажды она сказала отцу:

— Батюшка, я хочу попросить у тебя сорок служанок, чтобы они были на одно лицо, одного роста и одеты были бы в одинаковые платья.

— Очень хорошо! — согласился шах.

По всем домам разослали евнухов и нашли сорок красивых девушек, лицом и ростом похожих одна на другую. Потом из гардеробной принесли сорок одинаково сшитых платьев. С утра до вечера и с вечера до утра эти девушки находились при шахской дочери.

Однажды принцессе захотелось поохотиться. Она попросила у отца разрешения; девушки сели на лошадей и вместе с принцессой отправились на охоту. Они скакали по степям и пустыням, резвились, проказничали и весело проводили время. Это им пришлось по вкусу, и принцесса стала приходить к шаху за разрешением каждый день.

В ответ на ее просьбы шах говорил:

— Эй, дочка, ведь каждый день не ездят на охоту!

Но она так его упрашивала, что шах всегда разрешал.

Однажды дочь опять явилась к отцу и попросила:

— Дорогой батюшка! Сделай для меня еще два дела. Построй для меня в том месте, где мы охотимся, дворец, чтобы я могла там отдохнуть, если у меня появится желание, и дай мне сорок рабов с золотыми поясами, которые были бы похожи один на другого. Пусть они караулят дворец, а в те дни, когда я буду отдыхать там, пусть они выполняют мои распоряжения и приносят мне обед и ужин.

Волей-неволей шах согласился. Он построил в загородном саду прекрасный дворец, в котором среднюю комнату сделали зеркальной. Во дворце было еще сорок комнат, двери которых открывались в зеркальный зал. Комнаты были для служанок, а зеркальный зал — для шахской дочери.

Когда дворец был закончен, дочь пришла к шаху и заявила:

— Дворец готов, я хочу поехать на охоту и пробыть там несколько дней.

Шах опять стал уговаривать дочь, чтобы она не ехала, но та настояла на своем.

Тогда шах сказал:

— Раз ты так настаиваешь, то поезжай. Но возьми этот перстень, надень на палец и смотри не потеряй его, а когда вернешься, покажешь его мне.

Дочь согласилась, надела перстень и с сорока служанками и сорока рабами выехала на охоту.

Дворец ей очень понравился, и она послала отцу весть, что пробудет в нем сорок дней.

Днем рабы ходили в город и приносили все, что нужно было из еды и одежды, а по ночам несли караул, чтобы во дворец не проник какой-нибудь бродяга или вор.

Прошло несколько дней. Однажды, когда рабы везли из города съестные припасы, на них напали сорок разбойников и все отобрали. От страха рабы разбежались в разные стороны и во дворец не вернулись.

Настала ночь. Дочь шаха видит, что рабы не возвращаются. Девушки перепугались и собрались все вместе.

— Что делать?

— Нет иного выхода, — решили они, — мы должны сами выполнять работу рабов и по очереди нести караул.

Каждую ночь одна из служанок должна была зажигать свечу, брать ее в руки и сидеть у изголовья шахской дочери до утра. Если бы, не дай бог, что-нибудь случилось и кто-нибудь проник бы во дворец, она должна была позвать других девушек, и они с криками: «Бей! бей!» — выгнали бы его вон.

Среди служанок была одна девушка, которая выделялась среди других своим умом и сообразительностью. Звали ее Сакине. Эта Сакине была всеобщей любимицей. Каждый раз после ужина они беседовали и смеялись, играли, пели и танцевали.

Однажды вечером настала очередь танцевать Сакине. Она поднялась и покружилась, но подолом платья задела свечу. Та упала и погасла.

Девушки закричали:

— Ой, беда, зачем ты погасила свечу? Скорей зажгите новую!

Сколько ни искали впотьмах огонь, ничего не нашли. Наконец Сакине вышла на террасу и заметила, что немного поодаль светится огонек.

— Потерпите немного, — сказала она дочери шаха и служанкам, — я пойду со свечой туда, где светится, зажгу ее и вернусь.

— Что ж, ничего худого в этом нет, — согласились все, — только, ради аллаха, поторопись и возвращайся скорее.

— Хорошо, — обещала Сакине и отправилась за огнем.

Шла она, шла, пока не дошла до какого-то большого сада. Она вошла в калитку и в глубине сада увидела очень красивого юношу, который сидел на возвышении у края бассейна.

Сакине приблизилась к нему и отдала салам. Юноша, которого звали Сорхак, ответил ей на ее салам и спросил:

— Зачем, девушка, ты сюда пришла?

— Клянусь аллахом, — ответила она, — не растравляй мне сердце. Я пресытилась миром и отправилась в пустыню. Настала ночь, я увидела этот сад и вошла в него. Я и не думала, что ты мне посочувствуешь. Слава аллаху, я попала в хорошее место.

Что скрывать от вас? Она понравилась Сорхаку.

Сакине еще некоторое время заговаривала ему зубы, потом спросила:

— Ну хорошо, а ты что здесь делаешь? Расскажи мне о себе.

— У меня есть сорок друзей, все они разбойники, а здесь у них пристанище. Под этим садом они выкопали подземный ход, там устроили комнаты и амбары. Днем они приходят сюда и отдыхают, а когда наступает вечер, они выходят и грабят караваны. Позавчера они ограбили шахских рабов. Как рассказывают, шахская дочь построила где-то здесь поблизости дворец и поселилась в нем. Они хотят напасть на дворец и забрать все, что там есть.

Сакине подумала:

«О, горе беспечному! Посмотрите на меня. Я сама, по доброй воле попала к разбойникам!» — однако она и виду не показала, набралась храбрости и продолжала беседу.

— О, юноша, как хорошо, что я пришла сюда и тебя увидела. Встань, пожалуйста, и покажи мне все, что здесь есть.

Сорхак повел Сакине в подземный ход, зажег свечи и светильники и стал показывать ей комнаты, пока не подошел к какому-то колодцу.

— Что это за колодец? — продолжала расспрашивать Сакине.

— Это тюрьма разбойников. Если кто-нибудь к ним попадет-ся в плен, то они сажают его в этот колодец.

Сакине наклонила в колодец голову и воскликнула:

— Эй, юноша, что это упало в колодец?

Сорхак заглянул, а Сакине столкнула его вниз и захлопнула крышку.

Потом она пошла на кухню, взяла у разбойников котел с пловом и подливку, засветила свечу и вернулась обратно во дворец.

Дочь шаха и служанки, увидев Сакине, обрадовались, в особенности из-за того, что она принесла котел с пловом и подливку. Ведь в этот день на обед и ужин у них не было ничего вкусного.

Сакине рассказала им все, что видела, и хотя они сначала немного испугались, но вскоре позабыли о своем страхе и начали смеяться и шутить.

Когда настало утро, разбойники вернулись в сад, подошли к подземному ходу: Сорхака нигде нет. Тогда они позвали его и, не получив ответа, принялись повсюду искать. На кухне они обнаружили, что пропали котел с пловом и подливка, и удивились. Наконец, подняв крышку колодца, они услышали чей-то крик. Это оказался Сорхак.

— Зачем ты туда полез? — спросили они его, когда вытащили наружу.

— Что ты там делал?

Сорхак рассказал все по порядку.

— Ты неправильно поступил, — сказали разбойники. — Если она опять придет, займи ее разговорами до утра, пока мы не подоспеем.

— Хорошо! — согласился Сорхак.

На следующую ночь служанки вместе с шахской дочерью снова начали шутить, забавляться, танцевать, как и прошлой ночью. Когда Сакине встала, чтобы покружиться и потанцевать, она опять подолом платья потушила свечу. Тотчас же она сказала:

— Девушки, я пойду туда, где была прошлой ночью. Я зажгу свечу и принесу вам еду.

— Тогда возьми этот перстень, который дал мне отец, — попросила шахская дочь, — пусть он будет с тобой и поможет тебе вернуться благополучно.

Сакине взяла перстень и сразу направилась в сад. Видит, вчерашний юноша, словно вал Александра Македонского¹, сидит на прежнем возвышении. Она подошла к нему, отдала салам и стала расспрашивать его о здоровье.

Сорхак спросил:

— Девушка, скажи, зачем ты столкнула меня в колодец?

— Клянусь аллахом, я пошутила, — засмеялась Сакине. — А теперь давай погуляем с тобой, и я лучше рассмотрю эти места.

Сорхак решил про себя: «Эта ночь не то, что прежняя, и тебе не удастся обмануть меня».

Они опять походили по саду и пришли в амбар со съестными припасами. Сакине увидела, что к потолку прибит железный блок и к нему прикреплена корзина. Один конец веревки был привязан к гвоздю, вбитому в стену.

— Что это? — поинтересовалась Сакине.

— Это корзина для съестных припасов. Если у нас имеются запасы, то мы туда складываем их и подвешиваем, чтобы не влезла мышь или кошка.

Сакине попросила его:

— Ради бога, спусти ее вниз, я посмотрю хорошенько.

¹ Вал Александра Македонского — вал, построенный, по мусульманским представлениям, Александром Македонским.

Сорхак спустил корзину вниз.

Сакине опять попросила:

— Разреши мне влезть в нее и подыми меня наверх.

— Очень хорошо, — согласился Сорхак.

Сакине села в корзину, Сорхак потянул ее вверх, а потом спустил вниз.

— Теперь давай поменяемся: ты садись, а я тебя подтяну наверх, — предложила Сакине.

Сорхак, ничего не подозревая, уселся в корзину. А Сакине подняла его наверх, хорошо укрепила корзину, привязала веревку к гвоздю и побежала на кухню.

Она взяла котел с пловом и подливку, зажгла свечу и, радостная и веселая, вернулась к шахской дочери и служанкам. Опять они беседовали, смеялись, поужинали и улеглись спать.

Утром, когда разбойники вернулись, они увидели, что Сорхака опять нет. Они его окликнули — Сорхак ответил из амбара. Они пошли в амбар и увидели, что Сорхак сидит в корзине. Разбойники сначала посмеялись, потом рассердились и спустили его вниз.

Когда настал вечер, они наказали Сорхаку:

— Сегодня ты обязательно должен быть внимательным, собери все свои силы и удержи девушку до нашего прихода. Тогда уж мы с ней расправимся.

— Если она сегодня придет, — заверил их Сорхак, — то я ее уж не выпущу.

На третью ночь, как и в две предыдущие ночи, Сакине пришла в сад и нежно расспросила Сорхака о его здоровье.

— Ведь в прошлую ночь я над тобой подшутила, — объяснила она. — Мне самой смешно, лишь только вспомню. Ну, рассказывай, как ты себя чувствуешь?

Сорхак подумал: «Уж сегодня я с тобой рассчитаюсь!»

Опять они стали прогуливаться то в одну, то в другую сторону, пока не попали в спальню одного из разбойников.

— Я хочу пить, — пожаловалась Сакине, — принеси мне немного воды.

Сорхак наполнил чашу водой и принес Сакине. Она потихоньку насыпала в воду снотворное и протянула чашу Сорхаку.

— Ради аллаха, скажи, ты не подсыпал яду?

— Нет, клянусь аллахом! — ответил Сорхак.

— Тогда ты отпей немного, чтобы я окончательно уверилась и успокоилась.

— Хорошо! — согласился Сорхак и выпил половину чаши, а остаток отдал Сакине. Сакине вылила воду себе за воротник платья.

Скоро Сорхак потерял сознание. Сакине натерла его лицо мышьяком и обстригла волосы. Потом надела на Сорхака женское платье, набелила его, нарумянила и уложила в постель.

Потом она зажгла свою свечу, взяла котел с пловом и подливку и ушла.

И в эту ночь девушки беседовали, ели, танцевали и спокойно легли спать.

Настало утро, вернулись разбойники и увидели, что Сорхака опять нет. Они позвали его, видят, никто не отвечает. Стали разыскивать. Куда только они не ходили, Сорхака нигде не было. Наконец зашли в спальню и видят: лежит на постели накрашенная и набеленная женщина.

— О, — догадались разбойники, — это она самая! Не подходите близко, посмотрим, что будет. Здорово мы ее схватили!

Надо вам сказать, что во время этой суматохи, не разобравшись толком и не зная женщины, разбойники начали между собой ссориться. Каждый из них говорил:

— Это моя! Это моя!

Наконец они решили окликнуть ее и предоставить самой выбирать, кого она захочет.

Приблизившись, они увидели, что у женщины какое-то странное лицо и она лежит без сознания. Всякими способами стали приводить ее в чувство: давали ей нюхать глину, розовую воду. Наконец она пришла в себя. От удивления разбойники не могли вымолвить и слова: это был Сорхак!

— О горе! Что это ты с собой сделал?

Но Сорхак и сам ничего не мог объяснить. Стало ясно, что девушка усыпила его и сыграла над ним шутку.

Разбойники рассвирепели:

— Как же это одна женщина может нас столько времени дурачить?! Завтра ни один из нас не тронется с места, мы останемся здесь и посмотрим, кто это так издевается над Сорхаком.

На следующую ночь разбойники остались дома, чтобы под-

стеречь противника. А Сакине опять во время танца загасила свечу и пошла к Сорхаку. Не знала она, что ей устроили засаду. Как только она очутилась в саду, разбойники в одно мгновение окружили ее. Сорхак же стоял позади всех.

Сакине прикусила палец и очень расстроилась: в какую неожиданную беду она попала!

Разбойники приказали ей:

— Все, что у тебя есть, без промедления высыпай в бубен! Говори, кто ты? Что тут делаешь? Почему ты издеваешься над этим парнем? Почему ты заставляешь нас голодать?

Сакине видит, что если она растеряется, то погибнет.

— А зачем вам знать, кто я? Знайте лишь, что я не одна. Нас сорок одна девушка, одна прекрасней другой. Если вы разрешите, то я пойду и приведу их всех сюда.

Разбойники не соглашались.

— Она предупредит девушек, — говорили они, — и те тоже убегут.

Но Сорхак успокоил их:

— Я за нее ручаюсь!

Он был влюблен в Сакине, поэтому и настаивал на том, чтобы она привела остальных девушек.

Во время этого разговора один из разбойников разглядел на пальце Сакине шахский перстень.

— Оставь этот перстень в залог, — потребовал он.

Ей пришлось согласиться. Она оставила перстень, а сама вернулась к шахской дочери и все ей рассказала.

— У нас другого выхода нет, — заключила Сакине, — мы должны идти к ним!

И девушки отправились в путь.

Когда разбойники увидели их, они поразились.

— Ведь нас сорок и их сорок, — сказали они, — самое лучшее будет, если мы устроим здесь сорок свадеб.

С этим они и обратились к девушкам:

— Если вы станете нашими женами, то мы вам ничего не сделаем, но если откажетесь, то мы отрубим вам головы.

— Сердце сердцу весть подает, — ответила Сакине, — мы тоже об этом мечтаем.

— Зачем же медлить? — обрадовались разбойники.

— Ведь мы же не простые девушки, — возразила Сакине, — мы шахские дочери. Наши свадьбы должны быть с соответствующими церемониями. Прежде всего вы должны построить

баню, чтобы мы перед свадьбой помылись, окрасили руки и ноги хной, потом вы должны устроить брачные покои, взять нас за руки и отвести туда.

— Очень хорошо! — согласились разбойники.

Они привели каменщиков, чтобы те выстроили баню.

Сакине завела знакомство с одним из землекопов, и во время постройки бани они прокопали подземный ход, который вел во дворец шахской дочери.

И вот баню построили. В мыльне напустили в бассейны воду и решили, что днем девушки вымоются в бане, а вечером состоится свадьба.

До того как войти в баню, Сакине откуда-то достала десять— пятнадцать голубей и взяла их с собой. Она подрезала им крылья и выпустила в бассейн с водой, а сама вместе с девушками по подземному ходу ушла во дворец шахской дочери.

Вот разбойники ждали, ждали, видят, девушки не появляются. Они подошли к бане и стали слушать. Оттуда доносился плеск воды.

— Вероятно, они моются, — решили разбойники, — ведь они шахские дочери и много времени проводят в бане. Они моются не спеша, жеманясь и кокетничая.

Короче говоря, разбойники терпели весь день до вечера и даже всю ночь до утра. Наконец терпение у них истощилось. Они опять подошли к бане и убедились в том, что дверь заперта изнутри. Разбойники стали стучать, выломали дверь и вошли внутрь. Видят: «Место мокрое, а ребенка нет!» Весь этот шум воды и плескание производили голуби. Разбойники удивились, как их ловко обошли. Они стали думать, каким бы образом захватить этих девушек. Теперь они из разбойников превратились во влюбленных.

Оставьте их здесь и послушайте о девушках.

Сакине и девушки, веселые и радостные, вернулись во дворец. Шахская дочь заявила:

— Девушки! Прошло ровно сорок дней, и завтра мы должны вернуться в город. Но в нашем деле оказалось серьезное препятствие: перстень, который я дала Сакине, ей пришлось оставить у разбойников, а я не могу явиться к падишаху без этого перстня.

— Я сейчас пойду, — сказала Сакине, — и принесу вам перстень.

С этими словами она оделась дервишем, изменила свою внешность и отправилась к разбойникам.

Разбойники окружили ее и стали советоваться между собой:

— Пусть дервиш научит нас какому-нибудь заклинанию, чтобы мы соединились с этими девушками.

Они стали просить об этом дервиша.

— Если у вас есть что-нибудь, принадлежащее девушкам, то дайте мне, и в полдень я приведу их сюда.

Один из разбойников признался, что у них есть перстень одной из девушек.

— Очень хорошо, — одобрила Сакине, — дайте его мне. Выройте яму, принесите мне метлу, луковую шелуху, три вязанки дров, и я сделаю то, что вам нужно.

Разбойники сразу же принесли дервишу кольцо. Дервиш незаметно подменил это кольцо другим, менее ценным.

Потом выкопали яму и принесли метлу, луковую шелуху и дрова. Дервиш поджег луковую шелуху и метлу, наложил сверху дрова и бросил свой перстень в огонь. Потом приказал разбойникам:

— Вы посидите здесь возле ямы. Когда все дрова выгорят и превратятся в золу, девушки сразу же окажутся здесь. Я же буду стоять посередине дороги и произносить заклинание, чтобы они скорей пришли.

Сказав это, дервиш вышел на середину дороги, чтобы прочесть заклинание и ускорить приход девушек, но на самом деле свернул вправо и поспешил во дворец.

Шахская дочь и служанки сидели во дворце и ждали Сакине, как вдруг увидели, что она идет в дервишской одежде и в руке у нее сверкает перстень. Так перстень снова возвратился к шахской дочери.

Послушайте теперь о разбойниках.

Они сидели до тех пор, пока все дрова не прогорели и не превратились в золу. Смотрят: никто не идет. Они разрыли золу и увидели, что кольцо подменили и вместо золотого с алмазами шахского перстня лежит бронзовое кольцо, все обгоревшее и почерневшее.

Тогда они поняли, что это была Сакине, нарядившаяся дервишем, что она опять обманула их.

Стали они совещаться, что делать. Ведь у тех во дворце много богатства. «Лучше всего будет, — решили они, — если один из нас переоденется, пойдет к ним и все разузнает».

Долго они совещались, наконец один из разбойников начисто выбрил, надел женское платье, взвалил на спину мешок, взял пачку иголок и булавок и отправился в путь, пока не дошел до дворца шахской дочери.

У дворца он стал выкрикивать:

— Иголки! Булавки!

Шахская дочь была в хорошем настроении, она велела позвать этого «Иголки! Булавки!» во дворец.

Когда он вошел, Сакине осмотрела его и поняла, что это один из разбойников, который переоделся в женское платье и пришел продавать иголки и булавки, чтобы что-нибудь разведать.

Сакине обняла продавца иголок и булавок:

— Салам алейкум¹, дорогая тетушка! Где ты была? Вот удивительно, как нам пришлось встретиться! Пусть посыплют мне голову прахом! Я жива, а ты, бедная, бродишь по улицам и кварталам, по пустыням и продаешь булавки и иголки!

Шахская дочь и служанки подумали, что это и в самом деле тетка Сакине и теперь Сакине подлаживается к ней и выражает ей свое сочувствие.

Сакине осмотрела «тетку» с головы до пят и сказала:

— Дорогая тетушка! Ты завшивела, у тебя отросли ногти, руки заросли грязью. Девушки, скорей растопите баню, мы помоем тетушку!

«Тетушка», которая этого никак не ожидала, испугалась.

Что сказать вам?

Нагрели баню, и Сакине с двумя девушками ввели «тетушку» в баню и раздели «ее»!

— Ах, ах! — сказала Сакине. — Посмотрите, у нее все тело грязное, на ногах и руках мозоли, бородавки, у нее дажеросло лишнее мясо! Принесите бритву.

Сакине обрила его, отрезала «лишнее мясо» и отпустила.

Потом она вернулась и все рассказала шахской дочери. Та чуть не лопнула от смеха.

Не буду утруждать вас. «Тетушку» спровадили к ее приятелям. Как этот разбойник добрался, что он им рассказал — аллах ведает!

— Ну, раз не вышло, — решили разбойники, — то мы должны отомстить им.

¹ Салам алейкум — приветствие, означающее: «Мир вам! Здравствуйте».

Опять они уселись и стали думать. Наконец придумали. Принесли около сорока сундуков, и в каждый сундук спрятался один из разбойников. Привели мулов и погрузили на них сундуки. Пять разбойников переоделись купцами и погнали мулов по направлению к дворцу.

Они придумали следующий план: вечером пятеро подойдут ко дворцу и постучатся; кто-нибудь выйдет к воротам, тогда они скажут:

— Мы купцы и везем драгоценности. Мы слышали, что здесь, в пустыне, неспокойно. Так как наступил вечер, то мы просим вас предоставить нам на сегодня убежище, чтоб мы с нашим грузом могли пробыть здесь до утра. Взамен возьмите все что хотите.

Среди ночи они откроют сундуки, разбойники выскочат и отомстят девушкам.

Когда разбойники подъехали ко дворцу и пятеро из них постучались, Сакине сразу догадалась и ответила:

— Ничего худого нет, пожалуйста, заходите!

Она завела груженных сундуками мулов в пустой двор, а тех пятерых ввела в комнату. Потом она сообщила шахской дочери и служанкам, кто были эти «купцы». Для пяти человек, среди которых был и Сорхак, Сакине подала обильный ужин.

Сакине велела девушкам вскипятить десять — пятнадцать котлов воды и, когда вода закипит, открыть крышки сундуков и вылить в них горячую воду.

В то время как Сакине вместе с шахской дочерью и несколькими девушками была занята приемом гостей, на дворе другие девушки лили горячую воду на сидевших в сундуках разбойников.

В полночь Сакине предложила «купцам»:

— Если вы хотите спать, скажите, мы приготовим вам постели.

— Неплохо, если бы вы это сделали, — ответили разбойники, — мы устали, а утром надо отправляться в путь.

И вот им постлали постели, и они легли. Спустя час они поднялись и подкрались к своим сундукам. Открыли крышки — видят: все уже умерли. Они растерялись и хотели бежать, но сорок девушек напали на них, связали им руки и на следующий день отвели в город к шаху.

Шаху очень понравилась находчивость Сакине. Он подарил ей сад с подземным ходом разбойников.

Сакине попросила шаха:

— Та́к как Сорхак не сделал мне зла, то простите его!

— Прощаю! — сказал шах.

Сакине вышла замуж за Сорхака, и много лет жили они в мире и согласии.

Содержание

САЛАТНЫЙ ОСЕЛ

ПОРТНОЙ И ВИХРЬ. Французская сказка. Перевод А. Кулишер	7
КОШЕНАР И ТЮРКЕН. Французская сказка. Перевод А. Кулишер	14
КАК ОСЕЛ ПРОГЛОТИЛ ЛУНУ Французская сказка. Перевод М. Абкиной	27
ЛОВКИЙ ВОР. Французская сказка. Перевод А. Кулишер	29
СКАЗКА О ЛОВКОМ ПАСТУШКЕ.	
Французская сказка. Перевод Т. Хмельницкой	32
ХИТРЫЙ КЮРЕ. Французская сказка. Перевод М. Абкиной	39
ПРИНЦЕССА-ЛГУНЬЯ. Шведская сказка. Обработка Е. Чистяковой-Вэр	40
ГЛУПЫЙ КРЕСТЬЯНИН И УМНАЯ ПТИЦА. Немецкая сказка.	
Обработка Е. Чистяковой-Вэр	46
Братья ГРИММ. УДАЧНАЯ ТОРГОВЛЯ. Перевод Г. Петникова	47
Братья ГРИММ. ЧУДАКОВАТЫЙ МУЗЫКАНТ. Перевод Г. Петникова	52
Братья ГРИММ. СМЫШЛЕННЫЙ ГАНС. Перевод Г. Петникова	55
Братья ГРИММ. УМНАЯ ЭЛЬЗА. Перевод Г. Петникова	60
Братья ГРИММ. СТОЛИК-НАКРОЙСЯ, ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ	
И ДУБИНКА ИЗ МЕШКА. Перевод Г. Петникова	63
Братья ГРИММ. СТАРЫЙ СУЛТАН. Перевод Г. Петникова	73
Братья ГРИММ. МУЖИЧОК. Перевод Г. Петникова	75
Братья ГРИММ. ТРИ ПЕРЫШКА. Перевод Г. Петникова	81
Братья ГРИММ. ЗОЛОТОЙ ГУСЬ. Перевод Г. Петникова	84
Братья ГРИММ. ГАНС В СЧАСТЬЕ. Перевод Г. Петникова	88
Братья ГРИММ. САЛАТНЫЙ ОСЕЛ. Перевод Г. Петникова	93
Ганс Христиан АНДЕРСЕН. МАЛЕНЬКИЙ КЛАУС	
И БОЛЬШОЙ КЛАУС. Перевод А.В. и П.Г. Ганзек	99
Ганс Христиан АНДЕРСЕН. НОВЫЙ НАРЯД КОРОЛЯ	
Перевод А.В. и П.Г. Ганзек	109
Оскар УАЙЛЬД. ПРЕДАННЫЙ ДРУГ. Перевод Ю. Кагарлицкого	113
Оскар УАЙЛЬД. ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ РАКЕТА. Перевод Т. Озерской	123

КАК АИСТ УЧИЛ ЛИСУ ЛЕТАТЬ

ХИТРЫЙ УГОЛЬЩИК. Чешская сказка. Перевод И. Ивановой	139
СКАЗКА ОБ УМНОМ ГОЛОБОРОДУШКЕ И ГЛУПЫХ	
ВЕЛИКАНАХ. Сербская сказка. Перевод Л. Рюриковой	140
МЕЛЬНИК КЬОСЕ И ХИТРЫЙ ПАРЕНЬ. Македонская сказка.	
Перевод Д. Толовского и Н. Савинова	146
КАК СОЛДАТ ЧЕРТА ОБРИЛ. Хорватская сказка. Перевод Т. Вирты	149
КОТ, БАРАН И ПЕТУХ. Чешская сказка. Перевод И. Ивановой	151
ЖАДНОСТЬ ДО ДОБРА НЕ ДОВОДИТ. Болгарская сказка.	
Перевод М. Клягиной-Кондратьевой	153
ДЕДКА ПЕТКО И БАБКА ПЕНА. Болгарская сказка.	
Перевод М. Клягиной-Кондратьевой	154

ХИТРЫЙ ПЕТУХ. Болгарская сказка. Перевод М. Клягиной-Кондратьевой	156
ЕЖ-ИГЛОКОЖ, КРОТИХА И ЛИСИЦА. Болгарская сказка. Перевод М. Клягиной-Кондратьевой	157
ВОРОБЕЙ И ЛИСА. Болгарская сказка. Перевод М. Клягиной-Кондратьевой	159
ПТИЧИЙ КОРОЛЬ. Литовская сказка. Перевод В. Чепайтиса	160
ВОЛК И ЛИСА. Литовская сказка. Перевод В. Чепайтиса	161
НЕ ВЗАПРАВДУ ЕЛИ, НЕ ВЗАПРАВДУ И РАБОТАЛИ. Латышская сказка. Перевод Ю. Каппе	161
КАК ЧЕЛОВЕК ОДОЛЕЛ ВОЛКА. Латышская сказка. Перевод М. Крупниковой	162
ЕЖИК. Латышская сказка. Перевод Ю. Абызова	163
КАК АИСТ УЧИЛ ЛИСУ ЛЕТАТЬ. Латышская сказка. Перевод М. Крупниковой	163
ЛИСА И ГУСИ. Латышская сказка. Перевод М. Крупниковой	164
ГНОМ ИЗ-ПОД ПЕЧКИ. Эстонская сказка. Перевод Л. Тоома	164
КРАСИВАЯ НЕВЕСТА. Эстонская сказка. Перевод Л. Тоома	167
ВОЛШЕБНЫЕ УЗЛЫ. Эстонская сказка. Перевод А. Акимовой и Э. Туркиной ...	171
КОМАР И КОНЬ. Эстонская сказка. Перевод Л. Тоома в обработке А. Якобсона ...	173
МЫШЬ И ВОРОБЕЙ. Эстонская сказка. Перевод Л. Тоома в обработке А. Якобсона	174
ВОЛК И ОЛЕНЬ. Эстонская сказка. Перевод Л. Тоома в обработке А. Якобсона ...	175
РЖАНОЙ КОЛОС. Карельская сказка. Перевод В. Евсеева в обработке В.П. Аникина	177
СОЛДАТ НА НОЧЛЕГЕ. Карельская сказка. Перевод У. Конкка в обработке В.П. Аникина	178
КАК КОТ ХОДИЛ С ЛИСОМ САПОГИ ПОКУПАТЬ. Украинская сказка. Перевод Г. Петникова	180
ВЬЮН И ЩУКА. Украинская сказка. Перевод Г. Петникова	181
СИНЯЯ СВИТА-НАЛЕВО СШИТА-СОЛОМЕННЫЙ КОЛПАК. Белорусская сказка. Перевод А. Нечаева	181
КАК ПОП ОБМАНУЛ ТАРАСА ОДНАЖДЫ, А ТАРАС ЕГО — ДВАЖДЫ. Белорусская сказка. Перевод Е. Мозолькова	184
КТО ЖДЕТ, ЧТОБ ВИШНИ ПАДАЛИ В РОТ, ТОТ ДО ДОБРА НЕ ДОЙДЕТ. Молдавская сказка. Перевод и обработка Гр. Ботезату	187
КОЗЕЛ-ОБМАНЩИК. Молдавская сказка. Перевод и обработка Гр. Ботезату	190
ОЗОРНЫЕ ШУТКИ ДЕДА ЕГОРИЯ. Украинская сказка. Перевод Л. Рюриковой	194
РОГАТЫЙ ЦАРЬ. Грузинская сказка. Перевод Н.И. Долидзе	196
КАК ВОЛК ДУШУ СПАСАЛ. Грузинская сказка. Перевод Н.И. Долидзе	197
ТРИ БРАТА. Абхазская сказка	199
МУДРЫЙ ТКАЧ. Армянская сказка. Перевод Я. Хачатрянца	200
РЕМЕСЛО ДОРОЖЕ ЗОЛОТА. Армянская сказка. Перевод И. Карумян	202
ПО ОДЕЖКЕ ПРОТЯГИВАЙ НОЖКИ. Армянская сказка. Перевод Я. Хачатрянца	204
ВОЛШЕБНАЯ РОЗА. Армянская сказка. Перевод Т. Чайлахян	205
ПЕС ШАХСЕВЕНСКОГО ХАДЖИ. Азербайджанская сказка	207

ШАШЛЫК ПО ПОВОДУ СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЯ

ЛИСА, ЧЕРЕПАХА И МУРАВЕЙ. Таджикская сказка. Перевод К. Улузгаде	
в обработке В.П. Аникина	211
О ЛАК И ПАКЕ. Таджикская сказка. Перевод К. Улузгаде	212
ЭФЕНДИ В ГОСТЯХ. Таджикская сказка. Перевод В. Гордлевского	217
НЕЧЕГО И ПРИГЛАШАТЬ. Таджикская сказка. Перевод В. Гордлевского	217
ДАРЫ ПАДИШАХА И БОГА. Таджикская сказка. Перевод В. Гордлевского	218
ГРУЗ ДВУХ ОСЛОВ. Таджикская сказка. Перевод В. Гордлевского	219
ТОЛКОВАНИЕ СНА ЭМИРА. Таджикская сказка. Перевод В. Гордлевского	220
Я И САМ ТАК ДУМАЛ. Таджикская сказка. Перевод В. Гордлевского	220
ШАШЛЫК ПО ПОВОДУ СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЯ. Таджикская сказка.	
Перевод В. Гордлевского	221
ДОБРО И ЗЛО. Туркменская сказка. Перевод В. Чульсова, О. Довлетовой	221
ОБИДЧИВЫЙ МУЛЛА. Узбекская сказка. Перевод М. Шевердина в пересказе	
и обработке З. Хусаиновой	223
БЫЛА ЛИ У МУЛЛЫ ГОЛОВА? Узбекская сказка. Перевод и обработка	
М. Шевердина	224
НАСЫР ПЛЕШИВЫЙ. Узбекская сказка. Перевод А. Мордвилко.	
Пересказ и обработка М. Фазылова, Х. Расулева	227
СОРОКА-ОБМАНЩИЦА. Каракалпакская сказка. Перевод А. Волкова	
и И. Майорова в обработке В. Аникина	236
КАК ПАСТУХ ХОДЖА НАСЫР ИЗБАВИЛ ХОРЕЗМ ОТ ВОЙНЫ.	
Перевод М. Шевердина в обработке В. Аникина	237
КТО ЖИВЕТ С УМОМ. Каракалпакская сказка. Перевод И. Шевердиной	
в обработке В. Аникина	241
ТИГР, ВОЛК И ЛИСА. Уйгурская сказка	244
КРАСАВИЦА КУНКЕЙ. Казахская сказка. Перевод Н. Анова	245
ЧУДЕСНАЯ ШУБА АЛДАРА-КОСЕ. Казахская сказка	252
ХАН И МУДРЫЙ ВИЗИРЬ. Казахская сказка	254
ТРИ ОХОТНИКА. Казахская сказка	257
ПОЧЕМУ ВЕРБЛЮД ОГЛЯДЫВАЕТСЯ, КОГДА ПЬЕТ.	
Казахская сказка	259
ГЛУПЫЙ ВОЛК. Казахская сказка	259
НАХОДЧИВОСТЬ МОЛОДУХИ. Киргизская сказка. Перевод и обработка	
Д. Брудного, К. Эшмамбетова	260
КОЗА И ТРИ БРАТА. Персидская сказка. Перевод А. Розенфельд	261
ПТИЦА СЧАСТЬЯ. Персидская сказка. Перевод А. Розенфельд	271
КУПЕЦ И ОБМАНЩИКИ. Турецкая сказка. Обработка Е. Чистяковой-Вэр	282
САКИНЕ. Персидская сказка. Перевод А. Розенфельд	286

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Эта книга — из 20-томной серии «Сказка за сказкой», к выпуску которой приступили издательство «КИМОС—АРД», Ассоциация «РОЖДЕСТВО» (г. Москва) и ТОО «БИБЛИОПОЛИС» из г. Санкт-Петербурга.

Серия поможет Вам открыть безграничное богатство сказочного мира. Он принадлежит всем нам, но прежде всего детям, им и адресованы наши книги.

Группой молодых художников подготовлено красочное оригинальное оформление. Оно станет сюрпризом для Вас, как и многие мало известные тексты сказок.

Вышли из печати:

Жил-был король...

Сказки писателей Европы

Золотая ладья

Сказки и легенды с лазурной Адриатики

Шутка черного лешего

Сказочные истории о русалках, домовых и прочей нечистой силе

Подарки феи

Сказки о феях, троллях и эльфах

Братец Лис и Братец Кролик

Сказочные истории из жизни птиц и зверей

Фейерверк под Рождество

Снежные сказки и истории

Ширма с драконом

Японские сказки

Тринадцать заколдованных котов

Сказки народов Британии

Заколдованный халат

Арабские сказки, не вошедшие в «1001 ночь»

Джованнино и Пульчероза, а также Чиполлино и другие

Итальянские сказки

Великанья изба, колбасная крыша

В стране гор, великанов и змеев

Готовятся к выходу в свет:

Перо Жар-Птицы

Русские сказки

Дом под мухомором

Сказки о маленьких человечках

Тайна черной розы

Сказки Испании и Португалии

Умный маленький поросенок

Венгерские и румынские сказки

Свадьба речного дракона

Китайско-корейские сказки

и другие...

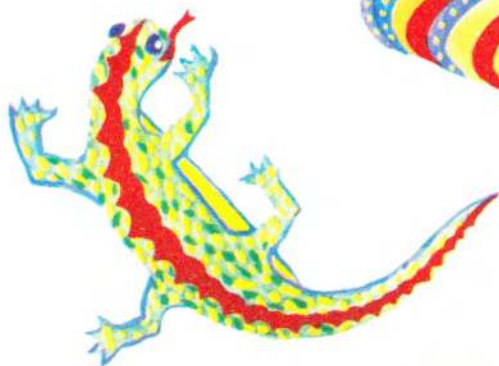
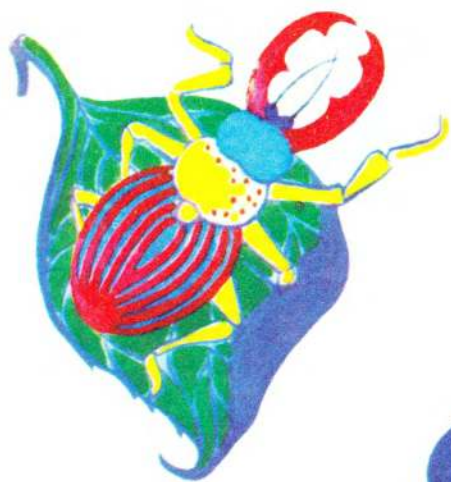
Заявки на оптовые поставки тиража принимаются:

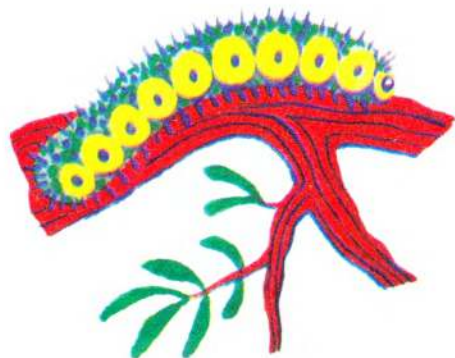
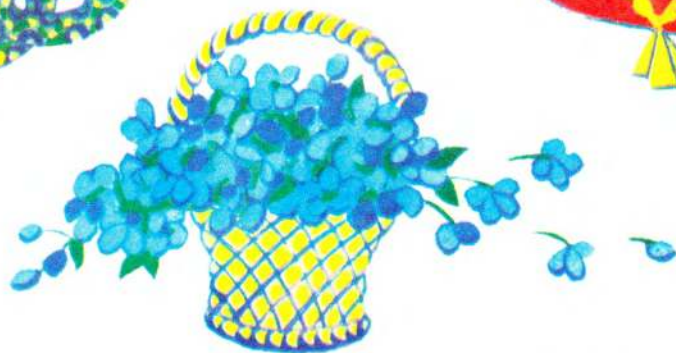
Москва

☎ (095) 176-80-04

Санкт-Петербург

☎ (812) 110-15-12

ЧЕРЕПАХА, БЫСТРАЯ, КАК ВЕТЕР

Редактор
Л. Хренникова

Художник
Р. Поляков

Технический редактор
А. Щербаков

Корректор
С. Цыганова

Сдано в набор 14.VII.93. Подписано в печать 26.VIII.94. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,0. Тираж 25 000 экз. Заказ № 40897.

Государственная ассоциация «Картя Молдовой»
Кишиневский Полиграфкомбинат
277004, г. Кишинев, ул. Митрополит Петру Мовилэ, 35.

**Наша серия - сказки всех
времен и континентов -
многотомная сказочная
энциклопедия для дома**